

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(НИУ «БелГУ»)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ

**АНТИЧНОЕ НАСЛЕДИЕ В КУЛЬТУРЕ
РАННЕВИЗАНТИЙСКОЙ ГАЗЫ**

Выпускная квалификационная работа
обучающейся по направлению подготовки 46.04.01 История
очной формы обучения, группы 02031608
Лопатиной Марины Юрьевны

Научный руководитель
д.и.н., профессор
Болгов Н.Н.

Рецензент
к.и.н., старший преподаватель ка-
федры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин Белго-
родского юридического института
МВД России имени И.Д. Путилина
Зайцева И.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3-15
I. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГАЗЫ ПАЛЕСТИНСКОЙ.....	16-58
1. Топография города.....	16-34
2. Этнические и социально-экономические процессы в городе Газа	34-46
3. Закат язычества и становление христианства в Газе Палестинской.....	46-58
II. КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ПИСЬМЕННОЙ ТРАДИЦИИ ГАЗ- СКИХ АВТОРОВ	59-103
1. Жанры литературы	60-74
2. Виды литературных сюжетов	74-103
III. ПРОЯВЛЕНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ.....	104-145
1. Планировка города.....	104-114
2. Памятники архитектуры.....	114-129
3. Памятники искусства.....	129-145
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	146-149
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	150-164
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	165-179

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения явлений и процессов, происходящих в результате трансформации общества. В настоящее время эпоха поздней античности/Ранней Византии является одной из самых дискутируемых в исторической литературе проблем, в особенности проблема трансформации общества из античного в средневековое. Социокультурное обновление, переживаемое Газой, ставит перед научным сообществом множество сложных вопросов относительно характера и роли переходного периода в развитии ранневизантийского общества. Установление христианства привело к динамичным изменениям в социально-культурной сфере. Город Газа и её округа были единственным оставшимся бастионом язычества в ранневизантийской Палестине. В начале V века город превратился в преуспевающий и важный христианский центр со знаменитой Школой риторики и ведущими монашескими общинами, расположенными вокруг неё. Мы имеем частичную картину этого процветающего христианского сообщества. Классические элементы в этот период не изжили себя и находили своё место в духовной и материальной жизни газийцев. Языческие праздники, спектакли, отдельные памятники архитектуры и искусства, жанры античной литературы выжили в христианскую эпоху, что привело к уникальному синтезу нового и старого миров. Поэтому классическое наследие Газы заслуживает пристального внимания в исследовании различных аспектов её социальной, духовной и материальной истории.

Источниковой базой для нашего исследования послужили сочинения ранневизантийских авторов Газы Палестинской.

Это диалог «Теофраст» Энея Газского, сфокусированный на защите христианского учения от языческих воззрений, и 25 писем, носящих исключительно личный характер. Последний перевод «Теофраста» на английский язык был выполнен S. Gertz, J. Dillon, D. Russel в 2012 г.; английский перевод писем осуществлен L. Positano в 1962 г.; на русский язык был дан перевод

девяти писем (2,5,6,10,13,15,21,23,24) М.Е. Грабарь-Пассек в издании «Памятники византийской литературы IV—IX веков».

В 1963 году вышел перевод писем и декламаций Прокопия Газского под редакцией А. Garzya, R. Loenertz. В 2010 году Eugenio Amato опубликовал на итальянском языке 3 диалексиса, 4 этопеи, 2 экфрасиса и панегирик стратегу Азиатику, а перевод Панегирика императору Анастасию и писем был осуществлен при содействии G. Ventrella и F. Ciccolella соответственно. Панегирик императору Анастасию также был переведен на русский язык Н.Н. Болговым и А.М. Болговой в 2016 году, а два письма (Ер. 2, 3) Иерониму и Пифию – М.М. Синицей и М.Ю. Лопатиной в 2017 году.

Для анализа произведений Хорикия Газского использовались 12 декламаций, энкомий Маркиану (I, II) и дуксу Аратию и архонту Стефану, эпитафия Прокопию, Апология в защиту мимов. Наибольшей популярностью в этом отношении пользуется издание на греческом языке 1929 года (переиздание 1972) под редакцией R. Foerster и E. Richtsteig. На английский язык перевод произведений Хорикия был последовательно осуществлен F. Litsas (1980 г.) и R. Penella (2009 г.). На русский язык переведены отдельные сочинения автора: Апология мимов (Л.А. Фрейберг, 1968 г.) и Надгробная речь Прокопию (А.М. Болгова, Н.Н. Болгов, 2017 г.).

Творчество Иоанна Газского представлено произведениями *Description du Tableau cosmique* и анакреонтическими стихами. Перевод на итальянский язык последних был выполнен в 2000 году F. Ciccolella, а *Description...* было переложено на французский язык D. Lauritzen в 2015 году.

Для оценки общеисторической ситуации в Газе были использованы сочинения раннехристианских богословов и писателей: Феодорита Кирского («Толкование на Вторую книгу Паралипоменон»), Захария Схоластика («Житие монаха Исайи»), Евсевия Памфила («Жизнь блаженного василевса Константина», «Ономастикон»), Ермия Созомена («Церковная история»), Иеронима Стридонского («Житие Илариона Великого»), Марка Диакона («Житие Порфирия Газского»), Сократа Схоластика («Церковная история»).

Также для работы была привлечена Пасхальная хроника (VII в.), которая частично охватывает события, связанные с Газой.

В контексте нашей темы также косвенно были использованы античные сочинения Клавдия Птолемея («География»), Диодора Сицилийского («Историческая библиотека»), Арриана Флавия («Анабасис Александра») и Страбона («География»).

Для сравнения и поиска аналогий античных элементов в письменных и материальных памятниках ранневизантийской Газы использовались в качестве источников произведения Гомера («Илиада» и «Одиссея»), Платона («Федр» и «Государство»), Нонна Панополитанского («Деяния Диониса»), Еврипида («Ипполит»), Витрувия («Десять книг об архитектуре»).

Таким образом, имеющихся источников вполне достаточно, чтобы решить поставленные задачи.

Степень изученности темы: В выпускной квалификационной работе были использованы наработки зарубежных и российских авторов относительно исследуемой темы. Проблемы общеисторического характера нашли отражение в работах Я.М. Чехановец¹, Н.Н. Болгова². В научно-популярном издании на широком историческом фоне Н.Н. Болговым был дан очерк истории и культуры ранневизантийского города Газы в Палестине, топографии, а также предложен обзор основных авторов и сочинений письменной традиции города. Изучением Энея Газского и его сочинения «Геофраст» занимался Д. Введенский³. Л.А. Фрейберг была предложена характеристика античного

¹ См.: Чехановец Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. - СПб., 2006. – С. 419-454.

² См. Дауни Г. Газа в начале VI века / пер. с англ. и сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова. – Белгород, 2014. – 112 с.; Болгов Н.Н. Ранневизантийская Газа в Палестине: город и его писатели // Античная древность и средние века. — 2014. — Вып. 42. — С. 38-52.

³ См.: Введенский Д. Э. Газский и его сочинение «Геофраст или о бессмертии души и воскресении» // Православный собеседник. – 1902. – № 4. – С. 1–18.

литературного наследия в Византийской империи⁴. Исследование риторической школы нашло отражение в работах А.М. Болговой⁵.

Зарубежная литература по рассматриваемой нами теме представлена более широко в силу того, что зарубежные коллеги владеют оригиналами источников и тщательно работают над их переводом. Первая половина XX века отмечена работами М. Meyer⁶, Ф.-М. Abel⁷, где дается общее описание юга Палестины согласно Мадабской карте, и описание города Газы. Историческая география и топография рассматривается в работах G. Gatt⁸, А. Alt⁹, М. Avi-Yonah¹⁰, V. Guerin¹¹, Y. Aharoni¹², J.-В. Humbert¹³ и др.

В XX веке изучением отдельных проблем ранневизантийского города Газы занимались также P. Friedländer¹⁴, G. Downey¹⁵. Следующей значительной работой по античному городу последовал труд С.А.М. Glucker¹⁶. Некоторые из интересных тем, освещающие различные вопросы истории позднеан-

⁴ См.: Фрейберг Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. – М., 1975. – С. 5-52.; Фрейберг Л.А. Античность и Византия. – М., 1975 г. – 415 с.

⁵ См.: Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. – 2011. – №1 (96). – С.48-53.; Болгова А.М., Агаркова Ю.Н. Риторическая структура панегириков Прокопия Газского и Присциана // Классическая и византийская традиция. 2014: материалы VIII международной конференции. – Белгород, 2014. – С. 177-185.

⁶ См.: Meyer M.A. History of the City of Gaza. - New York, 1907. – 206 p.

⁷ См.: Abel F.-M. Le Sud Palestinien d'après la Carte Mosaïque de Madeba // Journal of the Palestine Oriental Society. - 1924. - Vol. 4. - P. 107-117; Abel F.-M. Gaza au VIe siècle d'après le rheteur Chorikios // Revue Biblique. – 1931. – Т. 40. - P. 5-31.; Abel F.-M. Les confins de la Palestine et de l'Egypte sous les Ptoleemes // Revue Biblique. - 1939. - Vol. 48. – P. 207-236.

⁸ См.: Gatt G. Legende zum Plane von Gaza // Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins. – 1888. – Bd. 11. – S. 149-159.

⁹ См.: Alt A. Beiträge zur historischen Geographie und Topographie des Negev. I. Das Bistum Orda // Journal of the Palestine Oriental Society. – 1931. – Vol. 11. – P. 204-211.

¹⁰ См.: Avi-Yonah M. The Madeba Mosaic Map. - Jerusalem, 1954. – 257 p.

¹¹ См.: Guerin V. Description (Geographique, Historique et Archéologique) de la Palestine. – Amsterdam, 1969. – 580 p.

¹² См.: Aharoni Y. The Land of the Bible: A Historical Geography. - Philadelphia, 1979. – 481 p.

¹³ См.: Humbert J.-В. Gaza méditerranéenne. Histoire et archéologie en Palestine. – Paris, 2000. – 135 p.

¹⁴ См.: Friedländer P. Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza Ekphrasis eikonos. – Città del Vaticano, 1939. – 120 S.

¹⁵ См.: Downey G. Gaza in the early Sixth Century. - Norman, 1963. - 172 p.

¹⁶ См.: Glucker C.A.M. The city of Gaza in the Roman and Byzantine periods. - Oxford, 1987. – 172 p.

тичной Газы, раскрываются в сборнике статей под редакцией В. Bitton-Ashkelony и А. Kofsky¹⁷ «Christian Gaza in Late Antiquity». В следующем году вышел другой труд «Gaza dans l'Antiquité Tardive. Archéologie, rhétorique et histoire. Actes du colloque international de Poitiers», раскрывающий вопросы археологии, искусства и литературной деятельности, редактором которого является С. Saliou¹⁸. Существенную роль в изучение культурных переходов в Газе Палестинской внес М. Champion¹⁹. По результатам международной конференции в Париже (2013 г.) в 2017 году вышел сборник, включающий последние наработки, посвященные проблемам текстов авторов, писавших в Газе в последней четверти V – 40-е гг. VI вв²⁰.

Стоит отметить также труды, посвященные исследованию отдельных авторов Газы. Эней Газский был рассмотрен в работе G. Schalkhauser²¹; Прокопием Газским занимались С. Kempen²², А. Chauvot²³, Е. Amato²⁴; информацию о Хорикие Газском можно найти в книге F. Litsas²⁵ и Е. Amato²⁶.

В частности, вопросы разработки мифа в нарративной традиции и обобщение письменных и визуальных свидетельств в их пользу прослеживает Т. Gantz²⁷; переход от античного эллинизма к христианству на примере литературных сочинений частично показан в сборнике трудов под редакцией Т.

¹⁷ См.: Bitton-Ashkelony В. *Christian Gaza in Late Antiquity*. - Brill, 2004. – 248 p.

¹⁸ См.: Saliou С. *Gaza dan l'antiquite tardive: Archeologie, rhetorique et histoire: Actes du Colloque international de Poitiers*. – Helios, 2005. – 362 p.

¹⁹ См.: Champion М. *Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-Antique Gaza*. - Oxford University Press, 2014. – 256 p.

²⁰ См.: *L'École de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité tardive* / Е. Amato. – Paris: Peeters, 2017. - P. 185.

²¹ См.: Schalkhauser G. *Aeneas von Gaza als Phiosoph*. – Erlangen, 1898. – 108 S.

²² См.: Kempen С. *Procopii Gazaei In imperatorem Anastasium panegyricus: dissertatio inauguralis quam*. – Michigan, 1918. – 68 p.

²³ См.: Chauvot А. *Procopie de Gaza, Priscien de Césarée, Panégyriques de l'empereur Anastaseler*. – Bonn, 1986. – 323 p.

²⁴ См.: *Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza* / ed. Е. Amato. – Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. – 800 p.

²⁵ См.: Litsas F.K. *Choricus of Gaza*. – Chicago, 1980. – 654 p.

²⁶ См.: *Discorso pubblico e declamazione scolastica a Gaza nella tarda antichità. Coricio di Gaza e la sua opera* / Е. Amato. – Pagina, 2014. – 288 p.

²⁷ См.: Gantz Т. *Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources*. – Baltimore, 1993. - 836 p.

Hagg и P. Rousseau²⁸, а на примере изобразительного искусства – в работах R. Talgam²⁹.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что зарубежная историческая наука, как и отечественная, не имеет специального исследования, посвященного анализу античного наследия в культуре ранневизантийской Газы на примере литературных произведений, памятников архитектуры и искусства. Имеющиеся работы сосредоточены в основном на личности авторов, их деятельности, описании некоторых из сочинений, оставляя в стороне вычленение классического компонента.

Целью данной магистерской работы является разработка формы интерпретации античного наследия в культуре ранневизантийской Газы посредством письменной традиции авторов города. В связи с поставленной целью в исследовании решаются следующие **задачи**:

1. Рассмотреть исторический очерк Газы Палестинской с точки зрения топографии местности, этнических и социально-экономических процессов, а также религиозной трансформации для понимания проявлений классической традиции в культурной среде города.

2. Проанализировать имеющиеся сочинения газских авторов, – Энея, Прокопия, Хорикия и Иоанна, - и выявить произведения, соответствующие античным литературным жанрам, а также вычленить из них античные литературные сюжеты.

3. Провести классификацию античных жанров литературы и литературных сюжетов.

4. Выявить проявления классических элементов в планировке Газы и разработать схему плана города.

²⁸ См.: Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity / ed. T. Hagg, P. Rousseau. – Berkeley, 2000. – 288 p.

²⁹ См.: Talgam R. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia during the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in late antiquity. – Leiden-Boston, 2004. – P. 209–234.; Talgam R. The Survival of Classical Culture in Palaestina and Arabia in Late Antiquity: Mosaic Art as Test Case // Bollettino di Archeologia. - 2010. - Vol. 1. - P. 54-63.

5. Выявить через письменные и изобразительные источники памятники архитектуры и искусства в городе.

6. Вычленить наличие классического компонента в памятниках архитектуры и искусства в ранневизантийской Газе.

Хронологические рамки выпускной квалификационной работы включают период с конца IV по VI вв. Данные хронологические рамки соответствуют принятой в научном мире датировке, обозначающий период Поздней античности / Ранней Византии (IV-VII вв.). На рубеже IV-V вв. в Газе проходит активный процесс христианизации, а во второй половине VI в. уже наблюдается конец процветания Школы риторики в городе и выхода последних известных сочинений рассматриваемых нами риторов.

Территориальные рамки исследования охватывают историческую область одного из важнейших городов южной Сирии и одного из древнейших городов мира – Газы, включенной в провинцию Палестина Прима.

Объектом исследования выступают памятники ранневизантийской письменной традиции, архитектуры и искусства Газы Палестинской в V-VI вв.

Предметом исследования являются античные элементы в памятниках ранневизантийской письменной традиции, архитектуры и искусства.

В качестве **методологической основы исследования**, прежде всего, выступает цивилизационный подход, авторами которого являются О. Шпенглер, А. Дж. Тойнби, Г. Еллинек, У. Росту и др. в истории, который позволяет увидеть разнообразные грани исторического процесса в движении. Духовно-культурный критерий является основополагающим в данном подходе. Цивилизационный подход позволяет историку учитывать социальные интересы, действующие силы, устоявшиеся нормы поведения, исторический опыт прошлого. Неотъемлемой частью исследования выступает «интеллектуальная история», в центре внимания которой находится деятельность и труды представителей интеллектуальной элиты газского общества. В качестве методологической основы исследования признаётся также принцип объектив-

ности (рассмотрение исторической действительности в целом без пристрастия исследователя, и изучение всех фактов в комплексе) и историзма (рассмотрение явлений и процессов в развитии, с учетом влияния различных условий в конкретно-исторической ситуации). Руководствуясь принципом системности, мы классифицируем античные жанры и сюжеты, архитектурные памятники в единую систему.

В ходе работы над магистерской диссертацией нами были использованы следующие **методы**:

- историко-сравнительный метод используется для исследования вопроса процесса культурного континуитета между ранним христианством и античностью, а также для поиска аналогий в произведениях авторов Газы и античных писателей;
- контент-анализ направлен на текстовый анализ содержания произведений Энея, Прокопия, Хорикия и Иоанна;
- метод логического анализа устанавливает оригинальность и своеобразные черты произведений конкретного автора;
- историко-генетический метод применяется для исследования изменений, произошедших в результате культурной трансформации в Газе;
- метод описания позволяет не только восстановить сведения об объектах архитектуры и искусства, но также разработать модели их изображений.

Научная новизна. Значительные научные силы были посвящены исследованию перехода от язычества к христианству в Газе, а также Школе риторики и ее выдающимся деятелям. Но работы, позволяющей выявить античные следы в письменной традиции и в материальной культуре в ранневизантийской Газе, в зарубежной и отечественной историографии нет. В этой связи нами было сделано:

1. Первая попытка систематического осмысления античного наследия в Газе Палестинской в ранневизантийский период.

2. Получило дальнейшее развитие работа с сочинениями выдающихся деятелей Школы риторики в Газе.

3. Впервые в зарубежной и отечественной историографии проведена классификация античных жанров литературы и литературных сюжетов произведений газских авторов.

4. Впервые проведен систематический анализ и классификация античных памятников архитектуры и искусства в Газе Палестинской.

5. Впервые в отечественной историографии получило дальнейшее исследование планировки и топографии города, а также изобретение схематического плана города.

Положения, выносимые на защиту:

1. Окончательная христианизация Газы произошла в конце IV века с назначением епископа Порфирия (346-420 гг.), но понадобились десятки лет после смерти епископа, чтобы Газу можно было считать поистине христианским городом.

2. Газийская культура в целом и газийское художественное творчество в частности развивались при наличии и жизненности античной и христианской традиций.

3. К главным жанрам языческой литературы, продолжившим свое существование в ранневизантийской Газе, относятся риторическая проза, философская проза, поэзия, эпистолярная литература.

4. Литературные сюжеты в произведениях Энея, Прокопия, Хорикия и Иоанна подразделяются на три вида: мифологические, исторические и этологические (нравоописательные).

5. Общая концепция ранневизантийского города во многом сохранила в себе античные формы, план, ориентации и главные структурные элементы – площадь, улицы, здания для развлечений. Город был выстроен по гипподамовой системе.

6. Традиционные классические элементы продолжали сохраняться при постройке архитектурных памятников, в том числе и религиозных; проводились работы по реставрации античных зданий.

7. Для ранневизантийских памятников искусства в Газе Палестинской характерны следующие варианты выживания классической культуры: демонстрация совместимости христианства и эллинской культуры, а также аллегорическое толкование мифов.

Структура работы. Магистерская диссертация включает в себе введение, три главы, восемь параграфов, заключение, библиографический список и приложение.

Апробация материалов и выводов работы была проделана в виде ряда докладов на научных конференциях, а также отражена в 19 публикациях:

1. *Borisovskaya I.V., Lopatina M.Yu.* Sportliche Wettkämpfe und Wagenrennen im spatantiken Gaza // *Experientia est optima magistra* (опыт – лучший учитель): сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции / Под ред. Е.А. Огнева, И.В. Борисовской. Вып. V. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016. – С.12-15.

2. *Borisovskaya I.V., Lopatina M.Yu.* Theater im spatantiken Gasa: Lage und Bauweise // *Experientia est optima magistra* (опыт – лучший учитель): сборник научных статей по результатам Международной научно-практической конференции / Под ред. Е.А. Огнева, И.В. Борисовской. Вып. V. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2016. – С.15-18.

3. *Лопатина М.Ю.* Языческие праздники в Газе IV – VI вв. в процессе культурного континуитета // «Каразинские чтения»: Тезисы 69-ой Международной научной конференции (Харьков, 29 апреля 2016 г.). – Харьков: Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина, 2016. – С. 44-45.

4. *Лопатина М.Ю.* Театр в позднеантичной Газе: местоположение и устройство // *Иресиона*. Выпуск V. К 30-летию кафедры всеобщей истории НИУ «БелГУ»: материалы научной сессии / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С.142-147.

5. *Nikolay N. Bolgov , Anna M. Bolgova , Vitaliy V. Penskoj , Vasiliy V. Lipich , Vladimir N. Shilov and Marina Yu. Lopatina . Studying the Transition Problems from Antiquity to Middle Ages in the Russian Historiography // The Social Sciences 11 (10): 2371-2375, 2016. (SCOPUS)*

6. *Лопатина М.Ю.* Положение ранневизантийской Газы на мозаичной карте из Георгиевской церкви в Мадабе: проблемы интерпретации археологической находки // 1917-2017: уроки столетия: материалы ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. Вып. I / под ред. иерея Ярослава Манохина. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. – С. 162-166.

7. *Лопатина М.Ю.* Спортивные соревнования и гонки на колесницах в позднеантичной Газе // Молодёжь – науке. 2016. Материалы молодёжных научно-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2015/2016 учебном году. Т. VIII. – Псков: Псковский государственный университет, 2016. – С. 22-25.

8. *Лопатина М.Ю.* Город-порт Маюма как одна из топографических доминант Газы Палестинской // Кондаковские чтения - V. Античность – Византия – Древняя Русь / отв. ред.-сост. Н.Н. Болгов. – Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. – С. 100-104.

9. *Bolgov N., Bolgova A., Ryabtseva M., Lopatina M., & Semecheva E.* An Investigation on an Early Byzantine Higher School in Russian Historiography // Journal of History Culture and Art Research. – 2017. - Vol. 6. - No. 4. – P. 268-276. (SCOPUS)

10. *Лопатина М.Ю.* Петр Иберийский и Ювеналий Иерусалимский как воплощение монашеского разлома в ранневизантийской Газе // Герои и антигерои в мировой истории: сборник материалов по итогам Всероссийской конференции 9 июня 2017 г. / отв. ред. Т. М. Гавристова; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: Филигрань, 2017. – С. 205-210. (РИНЦ)

11. *Лопатина М.Ю.* Античная традиция в письменном наследии христианского ритора Хорикия Газского // Эргастирий: сборник материалов Всероссийской летней школы по византиноведению (г. Белгород, август

2017) / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 109-118.

12. *Лопатина М.Ю.* Представления о городской среде Газы в риторической традиции Хорикия Газского // Молодёжь — науке. 2017. Материалы молодёжных науч- но-практических конференций Псковского государственного университета по итогам научно-исследовательской работы в 2016/2017 учебном году. Т. I. Часть II. — Псков: Псковский государственный университет, 2017. – С. 136-138.

13. *Лопатина М.Ю.* Дорожная сеть в ранневизантийской Газе // Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, посвященной 70-летию кафедры истории России Удмуртского государственного университета. Ижевск, 6–7 декабря 2016 г. — Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2017. – С. 120-125.

14. *Лопатина М.Ю.* «Экфрасис образов» Прокопия Газского и использование мифологических тем в искусстве ранневизантийской Палестины // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 252-268.

15. *Лопатина М.Ю.* Ранневизантийская поэзия в творчестве Иоанна Газского // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 268-273.

16. *Синица М.М. Лопатина М.Ю.* Прокопий Газский. Письма (Ер.2,3) // Классическая и византийская традиция. 2017: сборник материалов XI научной конференции / отв. ред. Н.Н. Болгов. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 420-421.

17. *Лопатина М.Ю.* К истории изучения Газы Палестинской в ранневизантийский период // Белгородский диалог–2017. Проблемы филологии, всеобщей и отечественной истории: сборник материалов IX Международного

молодежного научного форума, г. Белгород, 19–21 апреля 2017 г. / отв. ред. И.И. Чумак-Жунь. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 94-99.

18. *Лопатина М.Ю.* Античный элемент в формировании ранневизантийского города на примере Газы Палестинской // Вестник СНО: сборник студенческих научных работ / отв. ред.: А.Г. Жихарев, К.А. Данилова. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 82-85.

19. *Болгов Н.Н., Лопатина М.Ю.* Письма Энея Газского // Научные ведомости БелГУ. - 2017. - № 15 (264). - С. 39-46. (ВАК)

Глава I. Исторический очерк Газы Палестинской

1. Топография города

Одним из важнейших вопросов для ученых является вопрос трансформации античного города в христианский и средневековый. В современной науке город рассматривается как единое целое, детерминированное действием множества факторов — природных, экономических, политических, культурных, религиозных (в эпоху антикваров в центре внимания исследователей находились отдельные памятники). Можно аргументировать, что нынешняя археология формируется под знаком топографии; при этом историческим источником служит само пространство города и его пригорода. Термин «топография» включает в себя описание местности, города, края во всех его отношениях³⁰. Специализированный интерес к исследованию этой проблемы возник во Франции в 60-х гг. XX в., затем примкнули швейцарские и итальянские ученые, позже — археологи из Германии и англоязычных стран. Речь идет об изучении разных регионов Средиземноморья, от Галлии до Иордании³¹. В нашем исследовании будет рассмотрен один из важнейших городов южной Сирии и один из древнейших городов мира - Газа Палестинская.

Положение города и порта. Современный город Газа расположен между 31°30' северной широты и 34°28' восточной долготы³² (приложение 1). Он находится в южной части прибрежной равнины, примерно в 5 км от моря, в точке, где песчаные дюны уступают место песчаной, но плодородной почве. Город построен на круглом низком холме, который расположен на высоте 30 м над уровнем моря³³. Другой холм, известный под названием эль-Мунтар

³⁰ Даль В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Том четвертый. Р—V. - СПб.-М., 1882. - С. 427.

³¹ Симонов В.В. Введение в историю Церкви. Часть 1: Обзор источников по общей истории Церкви. — М., 2012. - С. 577.

³² Glucker С.А.М. The city if Gaza in the Roman and Byzantine periods. - Oxford, 1987. - P. 12.

³³ Guerin V. Description (Geographique, Historique et Archaeologique) de la Palestine. – Amsterdam, 1969. – P. 179.

(Ali–Muntar), расположен юго-восточнее Газы³⁴. Земли вокруг города очень плодородные из-за родниковой воды, несмотря на относительно низкий годовой уровень осадков (300-400 мм). Здесь располагалось большое количество колодцев для обеспечения водой города и прилегающих к нему областей³⁵. Обильный запас грунтовых вод образуется из-за того, что Газа расположена неподалеку от закрытой водосборной площади, где вода не имеет выхода к морю, и, таким образом, собирается под землей. Сам город находится в промежуточной зоне, дренируется многочисленными небольшими потоками, а не одним основным каналом. Отчеты путешественников XIX века, которые посещали этот город в то время, когда условия в районе в основном не изменились с древних времен, описывают Газу как исключительно благодатную территорию, с оливковыми рощами, фруктовыми садами и парками³⁶.

Первые путешественники исследовали и фиксировали древние архитектурные фрагменты, обнаруженные ими в своих исследованиях города, и никогда не сомневались в том, что современная Газа лежит на месте римского и византийского города³⁷. К XIX веку стены Газы были уже не стойкими. *Conder* и *Kitchener* описывают «зеленые холмики», простирающиеся вокруг центрального холма и предполагают, что это остатки укреплений крестоносцев³⁸.

Газа защищена песчаными дюнами с моря, которого не видно из города³⁹, но дорога ведет вниз к берегу и пристани. Это, несомненно, является местом древнего портового города Газы, который в более ранних источниках упоминается просто, как «гавань газцев» [Ptol.Geogr.V,15,2], а в византийский период был известен как Маюма. Остатки античных стен и количество

³⁴ Conder C.R. The Survey of Western Palestine. Vol. III: Judaea. - Jerusalem, 1970. - P. 238.

³⁵ Ibid. - P. 235.

³⁶ Robinson E. Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia. Vol. II. – Boston, 1841. – P. 375-376.

³⁷ Guerin V. Op. cit. – P. 178-179.

³⁸ Conder C.R. Op. cit. – P. 248.

³⁹ Meyer M.A. History of the City of Gaza. - New York, 1907. – P. 106.

черепков, найденных среди дюн с видом на берег⁴⁰, а также открытие и раскопки византийской синагоги, производственных и жилых зданий, рядом с берегом, к югу от нынешней пристани, и массивных укреплений к северу от нее, ясно дали понять, что город, существовавший на месте в тот период, был весьма преуспевающим⁴¹. В частности, на плане XIX века городские ворота Газы, на ведущей к морю дороге, отмечены в месте Маюма (Маюмские ворота)⁴². Хотя одна из теорий утверждает, что существование отмелей у берегов Газы сделало наличие порта там невозможным, и что Маюма должен быть расположен дальше на север, вблизи античного Анфедона⁴³.

Обильное водоснабжение и плодородие Газы, а также возможность ведения морской торговли от своего берега, даже без реальной гавани, несомненно, являются факторами, которые привели к процветанию и значимости Газы в античный период. Это хорошо видно из сравнения с городом Рафия, который находится в 22 милях (около 35,2 км) южнее Газы. Этот город (ныне Рафах), существующий с ранних времен, никогда не достигал величины или важности, которым обладала Газа. В основном это оазис пустыни, с уровнем осадков ниже, чем в Газе. По этому поводу *Abel* внес замечания: «Рафия обязана своим значением колодцам»⁴⁴ и «некоторые из этих колодцев были засыпаны». Но это замечание кажется весьма маловероятным, потому как Рафия никогда не была в состоянии предоставить воду даже для расположения кратковременной армии в таком масштабе, как это делала Газа. Кроме того, Рафия не имела гавани, ее берега сталкивались с опасными мелями. Об этом упоминает Диодор Сицилийский в своем труде [Diod. Bibl. Hist. XX,74,1]. С другой стороны, Газа могла обеспечить армию, потому что обладала разветв-

⁴⁰ Mackenzie D. The port of Gaza and excavations in Philistia // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. - London, 1918. - P. 73-74.

⁴¹ См.: Ovadiah A. The Synagogue at Gaza // Qadmoniot I. - 1968. - № 4. - P. 124-127.

⁴² См.: Gatt G. Legende zum Plane von Gaza // Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins. - 1888. - Bd. 11. - S. 149-159.

⁴³ Phythian-Adams W.J. Report on soundings at Gaza // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. - London, 1923. - P. 14-17.

⁴⁴ Abel F.-M. Les confins de la Palestine et de l'Egypte sous les Ptoleemes // Revue Biblique. - 1939. - Vol. 48. - P. 209.

ленной дорожной сетью и портом, которые имели жизненно важное торговое значение и способствовали прибыльной торговле в византийский период.

Будучи важным торговым центром, Газа располагалась в самом средоточии обширной дорожной сети (приложение 2). Некоторые из этих дорог были очень старыми, существовавшие еще до начала документированной истории, другие были более современными. Римское провинциальное правительство уделяло значительное внимание строительству и техническому обслуживанию сложной дорожной системы. В первую очередь, это мотивировалось военными соображениями: необходимость быстрого перемещения войск для подавления мятежей и поддержания порядка. Для этой цели существующие дороги всей провинции постепенно были выровнены и вымощены, и построены новые. Там, где необходимо, строились мосты и опорные террасы, а дороги оборудовались мильными камнями, дорожными станциями и сторожевыми постами⁴⁵.

Самой главной, и, вероятно, самой старой дорогой в Газе была большая магистраль, которая проходила с севера на юг вдоль побережья, связывая Сирию с Египтом. Когда эта дорога была впервые вымощена римлянами, не известно. Обнаруженное в северной части мощение, ведущее из Антиохии в Птолемаиду, датируется 56 г. н.э.⁴⁶, но нет никаких оснований полагать, что остальная часть дороги была завершена в то же время. Исключение составляет ситуация, которая относится к 69 г. и ассоциируется с первым мятежом. Наиболее ранние мильные камни обнаружены в провинции Иудея и датируются правлением Адриана. Видимо, он был первым, кто заказал строительство римской дорожной сети в провинции. Все найденные Адриановы мильные камни отмечают решающее военное значение дороги во время их соору-

⁴⁵ Roll I. The Roman road system in Judaea // *The Jerusalem Cathedra* 3. - Jerusalem, 1983. - P. 136-137.

⁴⁶ Thomsen P. Die Romischen Meilensteine der Provinzen Syria, Arabia und Palaestina // *Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins*. - 1917. - Vol. 40. - P. 92.

жения, и вполне вероятно, что эти дороги были вымощены на первое время⁴⁷. Не известно, но вполне вероятно, что существующие дороги подвергались переорганизации и были доведены до римских стандартов.

Другая главная дорога проходила на севере и в центре провинции, которая вела из Газы в Елевтерополь и в Иерусалим. Известно, что участок от Иерусалима до Елевтерополя был построен в 130 г., в то время, когда Адриан планировал строительство своей новой колонии на развалинах Иерусалима⁴⁸, но нет никаких сведений о продолжении строительства дороги в Газу. Адриан посещал Газу в 130 г., но маршрут, которым он пользовался, неизвестен. Недавние исследования показали, что дорога из Елевтерополя в Газу не шла непосредственно из города, а ответвленная дорога Елевтерополь-Хеврон проходила примерно в 3,2 км к югу, поворачивая на запад. Остатки небольших римских крепостей и сторожевых башен были найдены на этом участке дороги.

Существует предположение, что дорога, не идущая непосредственно в Газу, но следовавшая в направлении Нахал Шикмах, присоединялась к прибрежной дороге в нескольких километрах к югу от Аскалона⁴⁹. Помимо этих двух дорог, три других основных маршрута вели из Газы на юг и восток, через пустыню Негев. Самый северный из трёх путей проходил через Беросабу к Мампису, затем разветвлялся, и один из маршрутов вел в город Зоар (к югу от Мертвого моря), дальше в город Харахмоб (на востоке), затем простирался на юг к медным рудникам Фенонта. Линией связи служила римская дорога «Via Nova Traiana», идущая севернее Айлы через Аравийскую провинцию.

Второй, возможно, самый старый и, конечно, самый главный, из этих путей шел из Газы в Елузу, Ободу и следовал до Петры, где соединялся

⁴⁷ Isaac B.H. Milestones in Judaea from Vespasian to Constantine // Palestine Exploration Quarterly. - 1978. - Vol. 110. - P. 49.

⁴⁸ Avi-Yonah M. The Holy Land from the Persian to the Arab Conquests. - Michigan, 1966. - P. 184.

⁴⁹ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 28.

непосредственно с маршрутом, идущим вниз на юг Аравийского полуострова. Это была древняя дорога специй, используемая торговыми караванами еще в персидский период.

Третий маршрут, проходящий южнее Газы и ответвленный от главного берегового пути, миновал города Елуза и Нессана, вокруг западного края Негевской горной местности, на юг до Айлы. Это дорога также существовала с древних времен. Археологические находки в районе Айлы позволяют предположить наличие торговли со Средиземноморьем, которая проходила через Газу, в персидский период⁵⁰. Полученные данные вдоль самой дороги датируются ранним бронзовым веком и далее⁵¹. Маршрут был использован набатейцами и укреплен в римско-византийский период⁵².

Доказательством существования древней дороги Негева может служить Мадабская карта и «Tabula Peutingeriana». Мадабская карта не отмечает дорог как таковых, но совершенно очевидны места, где небольшие участки, отображенные на карте, расположены вдоль дорог⁵³. Примечательно, что все основные места на северной дороге от Газы до Харахмобы, Беросабы, Мамписиса, Зоары, и даже сам Харахмоба, отмечены на карте, как и Елуза, первый важный пункт второй дороги. Есть основания предполагать, что первоначальная карта включала такие города, как Обода, Петра и Айла, и некоторые участки между ними.

«Tabula Peutingeriana» является средневековой копией древней дорожной карты Римской империи⁵⁴. Первоначальный вид карты датируется III в. н.э., но в правление Феодосия II она была обновлена и доведена до V в. По-видимому, это был официальный документ, составленный для использования почтовой службой и предоставляющий информацию о расстояниях между

⁵⁰ См.: Meshel Z. Toldot "Darb-el-Aza" - haderekh hakedumah le Eilat udrom Sinai // Eretz Israel. - 1981. - Vol. 15. - P. 358-371.

⁵¹ Avi-Yonah M. The Madaba Mosaic Map. - Jerusalem, 1954. - P. 28-30.

⁵² Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 28.

⁵³ Levi A. Itineraria Picta: Contributo allo studio della Tabula peutingeriana. - Rome, 1967. - P. 173-174.

⁵⁴ Ibid. - P. 171.

городами и другими объектами⁵⁵. На карте отображены две дороги, проходящие через Негев, обе идут от Елузы: одна через Ободу в Айлу, а другая в Петру, и обе с промежуточными станциями, обозначенными вдоль их длины. Идентификация этих дорог и их участков привела к многочисленным дискуссиям⁵⁶.

Положение осложняется тем, что Газа и дороги, ведущие от нее, не отображены все на карте. Газа даже не отображена в качестве станции на главном торговом пути, хотя ее положение, как представляется, должно быть отмечено на дорожной линии между Аскалоном и Риноколурой. Возможно, название было опущено по пространственным соображениям, хотя на самом деле существует номер для краткого обозначения Газы. Этот участок дороги отмечен цифрой XV и указывает расстояние в милях между Аскалоном и Газой. Вполне возможно, что отсутствие названия просто ошибка либо оригинального картографа, либо более позднего переписчика⁵⁷. Отсутствие на карте дороги Газа-Петра привело к предположению, что она не была зафиксирована, поскольку не использовалась в то время, когда составлялась карта. Однако необходимость в таком предположении отпадает. Помимо берегового торгового пути и «Via Nova Traiana», большинство дорог, изображенных на карте, ведут в Иерусалим. Лишь немногие дороги, идущие с востока на запад и соединяющие другие города провинции, были зафиксированы, поэтому отсутствие дороги Петра-Газа только вписывается в эту общую картину⁵⁸.

Из Негевских дорог, дорога Петра-Газа является самой известной и наиболее спорной. Впервые она была обнаружена и исследована *Frank, Alt* и *Glueck* в 1930-е годы, а в последнее время на участке между Авдатом (Обода)

⁵⁵ Finkelstein I. The Holy Land in the Tabula Peutingeriana: a historical-geographical approach // Palestine Exploration Quarterly. - 1970. - Vol. 111. - P. 32-33.

⁵⁶ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 29.

⁵⁷ Negev A. The Date of the Petra-Gaza road // Palestine Exploration Quarterly. - 1966. - Vol. 98. - P. 89-94.

⁵⁸ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 29.

и Шаар Рамоном подробно изучена *Meshel* и *Tsafri*⁵⁹. Грунтовая дорога была расчищена от камней и на отдельных участках обозначена мильными камнями без надписей. Ряд небольших сооружений было построено вдоль линии дороги, так же как и водохранилища, а также большой хостел для путешественников, найденный в Шаар-Рамон.

Споры вокруг дороги Петра-Газа связаны с ее датировкой. С 1938 г. ученые последовали за *Kirk*⁶⁰, который утверждал, что гончарные мастерские, найденные на промежуточных станциях, расположенных вдоль Набатейской дороги, датируются не позднее, чем первой половиной II в. н.э.⁶¹ Как следствие этого, предполагалось, что дорога и ее сооружения были построены и поддерживались набатейцами, а после аннексии Набатейского царства римлянами в 106 г. заброшены⁶².

Однако, как было отмечено, строительство дорог и, в частности, установка мильных камней, как правило, имело римские черты, и предположение, что набатейцы подражали римской технике дорожного строительства в то время, когда в пределах нескольких сотен километров от Набатеи не было римской дороги, является фактом недостоверным. В последнее время, раскопки нескольких промежуточных станций на участке дороги между Кратер Рамон и Аравией показали наличие керамики и монет, что служит доказательством дальнейшего использования дороги в III-IV вв. и позднее⁶³. Полученные результаты ясно показали, что нет никакой трудности в приписывании римских особенностей к дорогам в период после 106 г., и данная дати-

⁵⁹ См.: Meshel Z. The Nabataean Road from 'Avdat to Sha'ar Ramon: Part I // Palestine Exploration Quarterly. - 1974. - Vol. 106. - P. 103-118.

⁶⁰ Kirk G.E. Explorations in the southern desert // Palestine Exploration Quarterly. - 1938. - Vol. 70. - P. 231-235.

⁶¹ Meshel Z. The Nabataean Road from 'Avdat to Sha'ar Ramon: concluded // Palestine Exploration Quarterly. - 1975. - Vol. 107. — P. 14-15.

⁶² Isaac B.H. Trade-routes to Arabia and the Roman Army // Roman Frontier Studies 1979. - 1980. - Vol. 71. - P. 889-890.

⁶³ Cohen R. Negev emergency project // Israel Exploration Journal. - 1982. - Vol. 32. - P. 263-265.

ровка имеет важное значение для того, чтобы установить непрерывность торговли пряностями через Газу.

В античную эпоху, морские ворота Газы были главной гаванью в Средиземноморье, которые служили торговым «Путем ладана» или «Путем благовоний» (приложение 3). Древний путь проходил вдоль побережья, в нескольких километрах от моря, простираясь до Сирии на севере и до Египта на юге. Он сосредотачивал исторические города - Селевкию, Лаодикию, Арад, Триполи, Библ, Берит, Сидон, Тир, Птолемаиду, Кесарию, Иоппию, Ашдод, Аскалон – на одной линии, построенные вдоль побережья. Этот путь был проторен еще с древнейших времен. С Иудейских гор в Газу вели две большие дороги, соединяясь там с прибрежными путями. Первый маршрут составлял 50 км и простирался из Иерусалима, второй караванный путь - 40 км - шел из Беэр-Шевы. Выходит, что жизнь Газы издревле бурлила в средоточии своего порта и дорог.

Благоприятные климатические условия обеспечивали Газе все преимущества и наслаждение средиземноморской жизнью. Дожди, а временами ливни, в зимнее время года, не были непрерывными; практически каждый день бывали промежутки с ясной солнечной погодой. Зимой в дневное и ночное время существовала заметная разница в температуре. Снег и мороз для этого сезона года были почти неизвестны. Для комфортного проживания можно было использовать для обогрева дома только жаровню. В летнее время полуденный воздух был накален знойными лучами солнца, но облегчение наступало ночью при спаде температуры, причем присутствие моря сохраняло температуру ниже, чем в пустыне.

Такое сочетание благоприятных условий делало положение Газы идеальным для развития и процветания города во все периоды. Поэтому, удивительно, что некоторые из античных источников свидетельствуют о том, что на каком-то этапе первоначальное местоположение было заброшено и «Новая Газа» возникла в другом месте. Информация, представленная этими источниками, не вполне ясная, и значительные противоречия возникали среди

ученых, как в их интерпретации, так и в установлении местоположения «Старой» и «Новой» Газы. Дата разрушения и нового основания Газы также не определена. Некоторые ученые ссылаются на Страбона [Strabo.Geogr.XVI,2,30(759)], что город был разрушен Александром. Но это противоречит Арриану, который ясно заявляет [Arrian.Anabasis.II,27,7], что, после завоевания Газы, Александр вновь заселил и укрепил город. Также из повествования Диодора о битве в 312 г. до н.э. между Птолемеем и Деметрием [Diod.Bibl.Hist.XIX,80, 5] очевидно, что в то время Газа была занята, укреплена и занималась торговлей.

В целом, исходя из доказательств, наиболее вероятным кажется, что «Старая Газа» – это город, разрушенный Яннеем в 96 г. до н.э., а под «Новой Газой» они подразумевают перестроенный город, основанный Габинием между 57 и 55 гг. до н.э.⁶⁴ Так же полагал и G.A. Smith, что «Новая Газа» была основана Габинием на побережье, возможно, рядом с существующей гаванью. Он ссылается на Иосифа Флавия [Josep.Bel.Jud.I,7,7] в поддержку «Maritime Gaza» и предполагает, что исходный участок, возможно, не был полностью заброшен или, по крайней мере, не на большой промежуток времени. Он по-прежнему был известен как «Desert Gaza», и люди постепенно возвращались к нему, так как он привлекал своим положением: дорожной сетью и плодородием⁶⁵. Но опять же, в научном сообществе, нет доказательств, подтверждающих эту теорию, и небезопасно истолковывать слова Иосифа Флавия достоверно.

Произошли ли изменения в границах Газы Палестинской в позднюю античность и насколько велики они были? Рассматривая этот вопрос, Leah di Segni использовала церковные, а также административные данные, исходя из предположения, что совпадение церковных и административных границ, как провинций, так и городских территорий, засвидетельствовано в канонах 12 и

⁶⁴ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 16.

⁶⁵ Smith G.A. The Historical Geography of the Holy Land. – London, 1966. – P. 36-37.

17 Халкидонского собора, и отражает ситуацию, которая уже существовала, по крайней мере, к концу IV века⁶⁶.

Как и все полисы, город Газа контролировал прилегающий к ней участок сельской местности со всеми деревнями. Византийские деревни играли важную роль в истории Газы и христианства во время византийского периода. Они упоминаются в источниках, изображены на Мадабской карте и засвидетельствованы как археологические памятники. Средневековая рукопись церковных данных Тактикон (кон. XI — нач. XII в.) сообщает, что северная граница Газы проходила по Вади-эль-Неси (Нахал Шикмах), который расположен между Газой и Аскалоном⁶⁷. К северу от Вади-эль-Неси располагался Диоклетианополь (Сарафия), а к югу — город Анфедон. Тактикон также содержит информацию о том, что епископство Анфедон было известно как Маюма⁶⁸. Это говорит о том, что престолы этих двух соседних городов были объединены. Вполне возможно, что это произошло в V-VI вв., когда Маюма исчез из различных церковных списков. Имело ли это последствия для гражданского статуса города, который до V века, по крайней мере, был независим от Газы, остается неясным.

На юге к территории Газы, вдоль побережья, относились: Бет-Аглайм, Тавафа, место рождения св. Илариона, а также поселение Бет-Даллафа, где находился монастырь Исаака Египетского. Поселение Тавафа представлено на византийской карте из Мадабы (приложение 4) одной квадратной башней. Историк Созомен размещает Тавафу примерно в семи милях (ок. 11,2 км) южнее Майюмы, на берегу реки, впадающей в море. Долина Газы, которая получила название по реке Тавафа, была деревней в римско-византийский период. Историческая и духовная ценность Тавафы заключается в монастыре, построенном в его окрестностях святым Иларионом (найден в 1991 г.). Последователи Илариона строили свои хижины поблизости, и постепенно хри-

⁶⁶ Mansi G. D. *Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collection.* — 1960. - Vol. 7. - cols. 364-365.

⁶⁷ Palmer E.H. *The Desert of the Exodus.* - Cambridge, 1871. — P. 550-554.

⁶⁸ *Ibid.* - P. 552.

стианское сообщество разработало и организовало монашеский образ жизни. Монастырь был разрушен Юлианом Отступником (360-363), после смерти которого он был перестроен на месте Umm Amer, примерно в одном километре от Khirbat Umm al-Tut⁶⁹. К юго-западу от Газы находился город Рафия. Этот город, имевший важное значение с эллинистического времени, не утратив своего значения в римский период, в V веке стал епископальным центром.

Восточнее Дейр-эль-Бала находился Сикомадзон (севернее Рафии и южнее Тавафы и Едраина на пути в Египет.). Это поселение не имело традиций муниципальной жизни и являлось местом торговли, получившим городской статус. Земли Сикомадзона были исключены из муниципальной территории Газы, а в V в. здесь также появился епископальный центр. Вся территория Сикомадзона находится в нынешнем районе Khirbat al-Sheikh Hammuda на муниципальной территории города al-Qarara. Указание на городское византийское поселение в этом районе засвидетельствовано отдельными захоронениями, круглыми каменными колодцами, фрагментами мраморных столбов с основаниями и капителями, блоками из известняка, огромным количеством римской и византийской керамики и стеклянных осколков различных предметов.

Еще один епархиальный центр на территории Газы располагался в портовом городке Маюме. Он возник в IV в., когда Константин Великий распорядился переименовать христианскую часть Маюмы в Констанцию Неаполь и отделить ее от языческого района города. По словам Созомена, в Маюме не было епископа, церковного календаря и клира – руководство и магистраты были общими с Газой.

Гораздо сложнее определить, насколько далеко границы Газы простирались на юго-восток и восток. Документы римского периода говорят, что к

⁶⁹ Sadeq M. Christian Topography of Byzantine Gaza // International Journal of Humanities and Social Science. – 2015. - Vol. 5. - No. 12. - P. 51.

Газе примыкала Идумея. Тем не менее, Идумея в ранневизантийский период уже не являлась независимой административной территорией.

На внутренней территории Газы определен целый ряд поселений: Бетелея (Бейт Лахия), Азалея (Назле) и Хафархонбра. В Бетелии было обнаружено большое количество византийских структурных фрагментов, керамических и стеклянных осколков, что свидетельствует о наличии византийского поселения. Два городских центра были обнаружены на территории сегодняшнего города Бейт Лахия. Один из них расположен в бывшем израильском поселении Elei Saini, недалеко от побережья. На участке представлены остатки церкви, датированные греческой надписью на мозаичной мостовой 544 г., термальной ванны и бытовых сооружений.

Второй участок расположен в восточной части Бейт Лахия. Азалея, расположенная севернее Газы, представлена на мозаичной карте из Мадабы. Её местоположение соответствует нынешнему Назле, муниципальному району на территории города Джебалия. Назле, скорее всего, является искаженным названием Азалея⁷⁰. На Мадабской карте юго-восточнее Сикомадзона отмечена деревня, называемая Меноис. Меноис идентифицируют с сегодняшним Khirbat Ma'in, который расположен в двух километрах юго-восточнее города Хан-Юнис, где на поверхности земли разбросано огромное количество объектов из мрамора, камня и сосуда.

В 1995 году Палестинский департамент древностей раскопал византийскую мозаичную мостовую небольшого здания, скорее всего, часовню в городе Абасан аль Кабира восточнее Хан-Юниса. Мостовая датирована в соответствии с её греческой надписью 606 г. н.э. Помимо мозаичной мостовой и захоронения, на раскопе были обнаружены различные объекты: керамика, мраморные колонны, указывающие на существование византийского городского поселения в этом районе⁷¹. Северо-восточнее Меноиса, на Мадабской карте изображена деревня Сеана с двумя башнями. Это поселение, на сего-

⁷⁰ Sadeq M. Op. cit. – P.50.

⁷¹ Ibid. – P. 52.

дняшний день, идентифицируется с Khirbat Seihan или Tell Seihan, расположенное примерно в 10 км юго-восточнее Газы.

Самым южным городом Газы является Рафия, один из византийских городских центров, изображенных на Мадабской карте. Рафию можно идентифицировать сегодня с Khirbat Rafah, о чём свидетельствуют предметы материальной культуры, относящиеся к различным историческим эпохам и указывающие на непрерывное человеческое проживание на участке, от бронзового века до византийского периода.

Во время археологических раскопок слои византийского времени были открыты в Рухаме к востоку от Газы (на середине пути к Елевтерополю), а также к северу от Рухамы, в Агле. К юго-востоку от Рухамы на Мадабской карте отмечена Бет-Агидея. Не исключено, что и эта местность входила в территорию Газы. Как поселения, расположенные на муниципальных землях Газы, известны Бет-Аглайм и Едраин, расположенный южнее Газы (Кирбет-эль-Адер). Едраин представлен на Мадабской карте тремя башнями, что означает, что он был больше, чем Тавафа (одна башня). Расположен на северном берегу долины Газы. Прибрежная линия Дейр эль-Балах также была одной из наиболее урбанизированных районов Газы в римско-византийский период. В 2 км юго-восточнее Едраина располагался Хорват Герарит. Отсюда происходит неопубликованная надпись на греческом языке, датируемая 538 г. н.э., в которой упоминается епископ Михаил. Но был ли Михаил епископом Газы – вопрос спорный, так как список епископов Газы берет начало с 540 г.

Муниципальная территория Газы на юго-востоке расстилалась, по крайней мере, до Киссуфима, расположенного в 2 км южнее Герарита. В Киссуфиме археологами была открыта церковь с многочисленными надписями и мозаиками. Не исключено также, что на территории Газы, между Хорват Герарит и Киссуфимом, располагалось поселение Кефар Ши'арта. Близ него находился монофизитский монастырь, основанный Зеноном, другом Петра Ивера.

Вдоль Вади Гадзех, в 12 км юго-восточнее Киссуфима, располагалось поселение Шилляль. Найденная здесь посвятельная надпись датируется 561/562 г. эры Газы. Однако имя епископа не сохранилось, и считать, что эта местность входила в территорию Газы, можно только предположительно⁷². Земля по обе стороны от Шилляль была занята двумя имперскими поместьями: *Saltus Constantinianus* на западе и *Saltus Gerariticus* на востоке. Поскольку они были собственностью императора, имения (*saltus*) не были привязаны к городам: поэтому эти два района, которые после раздела Палестины были включены в Палестину Прима, не принадлежали к территории Газы.

Регион под названием Гераритика, по словам Евсевия и Иеронима, располагался в 25 римских милях (ок. 40 км) к югу от Елевтерополя и включал Беэр-Шеву. Но идентификация Иеронимом района Герар с Беэр-Шевой, происходящая из событий, описанных в Бытие 20-21, приводит его к ложному выводу в комментариях к этим главам: «Из этого отрывка и предыдущих, мы должны отметить, что Исаак родился [...] в Герар, где находится город Беэр-Шева до сегодняшнего дня. После административного деления, эту провинцию называли Палестиной Салютарис». Гераритика расположена западнее и северо-западнее Беэр-Шевы.

Евсевий подразумевает географическую преемственность между Гераритикой и территорией Аскалона [Euseb. *Pamp. Onom.*, 344]. На Мадабской карте библейский Герар расположен между Беэр-Шевой и Газой. С 451 года, если не раньше, наименование «Герара» больше не применялось к просто географическому объекту, а обозначало епископство⁷³. Мадабская карта добавляет к надписи GERARA следующие слова «где находится *Saltus Gerariticus*». *Saltus Gerariticus* впервые упоминается как таковой Феодоритом Кирским, который пишет: «Никто, я думаю, не будет отрицать, что Герар принадлежит Палестине; до настоящего времени (область) в окрестностях

⁷² Болгов Н.Н. Ранневизантийская Газа в Палестине: город и его писатели // *Античная древность и средние века*. — 2014. — Вып. 42. — С. 39-40.

⁷³ См.: Alt A. Beiträge zur historischen Geographie und Topographie des Negev. I. Das Bistum Orda // *Journal of the Palestine Oriental Society*. — 1931. — Vol. 11. — P. 204-211.

Елевтерополя называется *Saltus Gerariticus* [Theod.Cyrr.Paralip.,14]. Из описания побережья Средиземного моря от Египта до Финикии в римский период Плинием и Птолемеем известно, что область, которую сформировал *Saltus Gerariticus*, никогда не была включена в территорию Газы, а принадлежала Идумее.

Взаимозависимость западного Негева и Газы хорошо отражена в папирусах из Нессаны в ранний арабский период, которые показывают, что вся эта область (Сикомадзон⁷⁴, Елуза⁷⁵ и Нессана⁷⁶) была административно зависимой от Газы.

Отдельное место стоит уделить монастырям Газы, которые находились в сельских пригородах большого торгового города. В настоящее время на территории сектора Газа нам известны единичные памятники, которые относятся к византийской эпохе. Малое, но весьма содержательное исследование взаимосвязи монастырского центра в Газе и этих памятников посвящена работа *И. Гиришфельда*⁷⁷. В своем труде автор подразделяет монастыри на три составные части, руководствуясь принципом отдаленности от города памятников.

К ближайшему к Газе внутреннему кругу относятся 9 монастырей (сельские монастыри, лежащие вне населенных пунктов):

1. Монастырь Илариона (между Газой и Маюмой, памятник Умм эль-Амар);
2. Монастырь Бет-Лайя (деревня Бейт Лахия к северу от Газы);
3. Монастырь Сильвана (Хорват Герарит, в 10 км южнее Газы);
4. Монастырь Зенона (Кефар Ши'арта, южнее Газы);
5. Монастырь Аввы Исаяи (неподалеку от Бет-Даллата, юго-западнее Газы);

⁷⁴ Kraemer C.J. Excavations at Nessana. Vol. III. – Princeton, 1958. – P. 64.

⁷⁵ Ibid. – P. 61-67.

⁷⁶ Ibid. – P. 70-71.

⁷⁷ См.: Hirschfeld Y. The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review // *Christian Gaza in Late Antiquity*. – Leiden, 2004. - P. 61–88.

6. Монастырь Петра Ивера (возле Маюмы);
7. Монастырь Севира (к западу от Газы, в окрестностях Маюма);
8. Монастырь Сердиуса (в окрестностях Тавафы);
9. Монастырь Дорофея (между Газой и Маюмой).

К среднему кругу, радиус которого составляет 15–25 км, относятся 5 памятников:

1. Хирбет Джамаме (на 20 км восточней Газы, к западу от кибуца Рухама);
2. Тель Сера (в 22 км на юго-восток от Газы);
3. Киссуфим. Монастырь св. Илии (в 1 км южнее Тель-Джема и в 15 км южнее Газы);
4. Маген. Церковь или монастырь св. Кириака (в 22 км к югу от Газы, деревня Лихнос);
5. Шелаль или Парк Эшколь (21 км южнее Газы, поблизости от древней дороги Халуца-Газа).

Ещё 5 памятников (монастыри византийской Беэр-Шевы (1,2,3) и Центрального Негева (4,5)) отнесены к внешнему кругу, который удален от Газы более чем на 25 км.:

1. Хорват Соа;
2. Тель-Масос;
3. Тель-Ира;
4. Монастырь в Мицпе Шивта;
5. Лавра в Эйн Авдат⁷⁸.

Гео-стратегическое положение Газы вдоль дороги моря между христианскими святынями Египтом и Палестиной, привлекало людей для поселения в Газе и создания деревень в разных местах по *via maris*, а также пресноводных колодцев. Об этом свидетельствуют различные археологические источники, такие как мозаичная карта из Мадабы, тексты современников и остатки церквей, мозаичных мостовых, бытовых сооружений, кладбищ и предметов

⁷⁸ См.: Юзефовский Б. Византийское монашество и монастыри Газы // Иерусалимский православный семинар. - 2013. - Вып. 4.- С. 25-34.

материальной культуры, обнаруженных в ряде византийских археологических объектов на территории Газы. В то время как практически невозможно раскопать византийский город Газа, который расположен под средневековым слоем интенсивной деятельности населения, раскопанные участки позволяют нам сегодня идентифицировать точные местоположения большинства византийских деревень, описывать их массивные здания, технику строения, декорации и надписи мозаичных мостовых.

Изучение предметов материальной культуры и инструментария, используемых в повседневной жизни, отражают социальную и духовную жизнь на раскопанных участках. Сходство с другими предметами, обнаруженными в Газе, свидетельствует о контакте и взаимосвязи между населением города Газы и деревнями, с одной стороны, и между ними и всем регионом, с другой. Раскопанные большие кладбища на различных объектах являются явным свидетельством хорошо населенных городских центров в Газе в византийский период. Украшение большого количества гробниц и высокое качество византийских массивных зданий свидетельствуют о процветающей экономике Газы в то время. Вскрытые сооружения, массивные термальные бани и водохранилища, связанные с церквями, свидетельствуют о высоком качестве планирования, архитектуры и строительных технологий.

Помимо крайне важных работ Марка Диакона, Созомена и Иеронима, раскопанные остатки церквей, часовен, кладбищ, мозаичных мостовых, архитектурных фрагментов и предметов материальной культуры являются незаменимыми элементами, подчеркивающими ту важную роль, которую Газа сыграла в истории христианства, урбанизации и истории архитектуры. Монастырь св. Илариона, например, был преддверием монашества в Палестине, а также монастырской архитектуры в регионе. Процветание морского порта Маюма или Констанции служит доказательством ранней фазы христианства задолго до постройки первой церкви в Газе св. Порфирием. Маюма процветал в византийский период, так как он постоянно привлекал новых жителей, в том числе, чужеземцев, таких как египтяне, которые были заняты торгов-

лей. Маюма также способствовал торговле и контактам между Газой и средиземноморскими регионами⁷⁹.

Весь римско-византийский город Газа находится сегодня под средневековой и современной Газой на искусственной насыпи старого города. В новых зданиях старого города были обнаружены римско-византийские сооружения, колонны, мраморные капители, греческие надписи. Как показано на Мадабской карте из Иордании, византийский город-крепость Газа характеризовался высоким уровнем урбанизма. На карте он изображен как второй по величине город Палестины после Иерусалима⁸⁰. Стоит заметить также, что используемая идентификация топонимов ранневизантийской Газы и ее окрестностей в современном исследовательском мире считается общепринятой.

2. Этнические и социально-экономические процессы в городе Газа

В царствование императора Диоклетиана в провинциях были проведены широкие административные и военные реформы. Эти реформы напрямую не затронули Газу, хотя, несомненно, урегулирование состояния в провинциях было благоприятным условием для её торговли. Перевод X легиона «Френтензис» из Иерусалима в Айлу (Аилат) свидетельствует о важности этого порта в то время, и вполне вероятно, что, по крайней мере, часть товаров, выгружавшихся там, доставлялась в Газу [Euseb. Pamр. Onom. I,44].

Газа, из-за своего положения, находясь на перекрестке торговых путей и имея морской порт (Маюма) представляла собой на протяжении всей своей истории процветающий и динамичный город. Важным шагом, на пути между египетской дельтой в Палестину и Ливан, являлось сохранение с IV тыс. до

⁷⁹ Sadeq M. Op. cit. - P. 53.

⁸⁰ Ibid. – P. 47.

н.э. торговых связей со своими соседями⁸¹. Археологические находки, особенно керамика, и письменные источники свидетельствуют о динамичности экономической деятельности в Газе в эпоху персидского, эллинистического и римского господства. Архив Зенона содержит первые доказательства торговых отношений между Сирией и Египтом в III веке до н.э. Газа, как и Птолемаида, Тир и Сидон, являлась центром перераспределения продуктов со всей Сирии.

Египет импортировал из Сирии некоторые категории вин, белое масло, мед, сушеный инжир, грецкие орехи, гранаты, сушеный виноград, финики, кедровые орехи, оливки, различные виды соленой рыбы и мясо, одеяла, матрасы, шерсть, светильники, животных, рабов. Газа экспортировала не только в Египет, но и в бассейн Средиземного моря, разнообразные товары, проходящие через Петра и/или Пальмиры, южную Аравию, в регионы Хадрамаут и Дофар к Африканскому Рогу, Эритрее и Сомали, и даже в более отдаленные страны индийского полуострова и на о. Цейлон. Также в Газе был обнаружен ладан, смола из Сокотры, высушенный нард, эссенция корицы, кассий, майоран, бальзам, эссенция розы и лилии, хна, благовония, редкие масла, душистая древесина, целебные мази, специи, краска, драгоценные и полудрагоценные камни, цветной хлопок и китайский шелк.

Во время греко-римского периода, набатейцы являлись основными игроками в торговле ладаном и специями⁸². В свою очередь, Газа поставляла продукты египтян и нубийцев: золото, слоновую кость, черное дерево, шкуры диких и экзотических животных, рабов, а также пшеницу, вино и фрукты⁸³. Газа также играла важную роль в перераспределении товаров из Эгейской области (вина, мед, сыры) и незначительной части западного Средиземноморья. Таким образом, отметим наличие западных продуктов в Сирии,

⁸¹ См.: Humbert J.-B. *Gaza méditerranéenne. Histoire et archéologie en Palestine*. – Paris, 2000. – P. 27-30.

⁸² Sartre M. *D'Alexandre à Zénobie: Une Histoire du Levant antique IVe s. av. J.C. - IIIe s.* - Paris, 2003. – P. 259-260.

⁸³ Ibid. - P. 261-262.

начиная с эллинистической эпохи: вина из Италии, солевые растворы из южной Испании, оливковое масло и/или вина из Северной Африки⁸⁴. Есть также подтверждение сирийской торговли на Западе: несколько амфор для хранения и транспортировки фиников и/или вина были зафиксированы вдоль реки Роны (Франция)⁸⁵.

В ранневизантийский период в экономике Газы важное место занимала торговля вином. Газа в этот период служила не просто в качестве промежуточной станции для перегрузки кораблей внешними товарами, а воспринималась как центр, из которого местная продукция экспортировалась в другие части средиземноморского мира. В это время южная Палестина находилась на пике своего расцвета, особенно процветало сельское хозяйство. Видное место среди культур, выращиваемых в оазисах Негева, занимал виноград, шедший на виноделие. Вина были весьма известны своими вкусовыми и целебными свойствами и их экспортировали во всем Средиземноморье, до Галлии и Британии. Раскопки трех городов в Негеве (Обода, Елуза и Субейта) дали ряд сложных винных прессов, что указывает на производство вина в промышленном масштабе (в самом городе Газе подобных объектов не обнаружено).

Известно, что уже к середине IV в. города Аскалон и Газа, кроме прочего товара, посылали в регионы Сирии и Египта в большом количестве хорошее вино («Totius Orbis Descriptio»)⁸⁶. Примерно в то же время, по словам Иеронима, монахи, посещаемые Иларионом, были заняты выращиванием виноградной лозы на полях вокруг своих пустынных монастырей [Jerome.V.H.,25,26,27]. А в конце IV века Марк Диакон ссылается на колонию египетских торговцев вином, проживающих в порту Газы, Маюме [Marc.Diac.V.P.,58]. Факт того, что Марк Диакон и «Totius Orbis Descriptio»

⁸⁴ Sartre M. Op.cit. - P. 257.

⁸⁵ Dixneuf D. Production et circulation des biens à Gaza Durant l'Antiquité Tardive: le témoignage des amphores // Gaza dans l'Antiquité Tardive. Archéologie, rhétorique et histoire. Actes du colloque international de Poitiers (6 -7 mai 2004). - Salerno, 2005. – P. 52.

⁸⁶ Glucker C.A.M. Op. cit. – P. 93.

упоминают Египет, видимо, указывает на то, что на данном этапе торговля газским вином была ограничена соседними провинциями и восточной частью Средиземноморья. Но в последующие века слава местного вина распространилась далеко за пределы города; ссылки на него встречаются в ряде работ писателей латинского Запада. В V в. о газском вине упоминает галло-римский писатель и поэт Сидоний Аполлинарий, в VI в. - позднеимский историк и политик Кассиодор и латинский африканский поэт Корипп. Даже епископ Турский, Григорий, ссылается на крепость газского вина. Во 2-й пол. VI века епископ Пуатье, Венанций Фортунат, среди других вин высокого качества называет вино из Газы. В начале VII в., под натиском арабов, виноторговля Газы, по-видимому, снизилась, на что указывает Исидор Севильский: «Газское вино предлагается региону, в котором находится город. Для города Газы им является Палестина»⁸⁷.

P. Mayerson в одной из работ предположил, что вино из Газы популяризировали на Западе паломники из Франции, Италии и Испании. Предполагается, что это вино можно было транспортировать на тех же судах, на которых прибывали паломники⁸⁸. Существуют также археологические данные по объемам виноторговли Газы с Западом. В 1975 г. *J.-A. Riley*, в результате изучения амфорного материала Кесарии и на основании петрографического анализа керамики, отнес производство амфор типа LRA 4 к региону Газы. *J. Riley* отмечает широкое распространение этой керамики: в Палестине она встречается главным образом на юге страны (Ашдод, Газа); в небольших количествах она обнаружена в Константинополе и Египте; ряд примеров зафиксирован в Испании (IV и VI вв.) и в Англии, главным образом, в Лондоне; также подобные находки отмечены в Трире (Германия), Румынии и на Боспоре⁸⁹. Основной тип газских амфор, с низким и относительно широким

⁸⁷ Dixneuf D. Op. cit. – P. 60-61.

⁸⁸ Mayerson P. The Wine and Vineyards of Gaza in the Byzantine period // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. - 1985. – No. 257. - P. 79-80.

⁸⁹ См.: Riley J.A. The Pottery from the First Season of Excavations in the Caesarea Hippodrome // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. – 1975. – No. 218. – P. 27-31.

горлышком, мог в равной степени подходить для хранения и транспортировки как сухих продуктов, так и жидкостей⁹⁰. В 1998 г. *D. Piéri* завершил классификацию данных амфор. Им были выделены две основные группы (LRA 4A и LRA 4B) и их пять вариантов. Проанализировав эти варианты, можно отметить некоторые константы: отсутствие высокого горла, маленькие закругленные ручки, прикрепленные на плечо и близко к венчику, глубокие желобки, выполненные на плечах и в основании. Характерной особенностью этих амфор также является наличие глинистых бородок в верхней части горла и передающих основную отделку. Стоит отметить, что вино привозилось в Газу из разных мест для разлива и упаковки в амфоры и дальнейшего экспорта. По всей видимости, это послужило тому, что многочисленные региональные вина были объединены под общим названием «газское вино» (*vinum Gazetum, Gazetina, Gazeticum*), которое оставило следы в письменных источниках всего Средиземноморья, в том числе, и латинского Запада.

Сельское хозяйство в этом регионе процветало благодаря методам регенерации воды и высокой эффективности орошения, разработанным набатейцами. Кроме того, археологические исследования на нескольких участках в Негеве, таких как Обода, Елуза и Субейта (Собата), и разведка на всей территории Израиля показали следы наличия многочисленных прессов, около 1500 учтенных на сегодняшний день, удостоверяющих производство вина почти в промышленных масштабах. Производственные сооружения, где изготавливалось вино, зачастую размещались в сельской местности, а иногда и в монастырях. Отсутствие систематических археологических разведок в полосе Газы, по-прежнему, оставляет значительное белое пятно на карте при определении размещения прессов.

Тем не менее, вино, конечно же, не единственный сельскохозяйственный продукт, который транспортировался и продавался на рынках Газы. Рыбаки, крестьяне, ремесленники и бедуины приходили продавать здесь пше-

⁹⁰ Dan Y. *The City in Eretz Israel during the Late Roman and Byzantine Periods*. – Jerusalem, 1984. – P. 184-185.

ницу, финики, гранаты, оливки, масло, сушеную рыбу, соленья и различные изделия местных промыслов⁹¹. Газа получала из своих внутренних районов сельскохозяйственный излишек, который затем перераспределяла в Палестине, в соседних провинциях и по всему Средиземноморью. Такая торговля также шла в обратном направлении: Газа затем предоставляла городам Негева все виды товаров со всего средиземноморского бассейна.

Однако торговля специями и предметы роскоши не исчезли полностью. Как отметил *D. Piéri* о продуктах, транспортируемых и проданных восточными торговцами на Западе «это очень часто упоминаемые в текстах драгоценные одежды и шелка, которые используются в равной степени мужчинами и женщинами»⁹² и импортируемый товар восточного производства: драгоценные камни, золото и серебро, ювелирные изделия, духи, специи, египетские папирусы и различные богослужебные предметы⁹³.

Торговая деятельность могла привлекать значительную часть жителей города Газы, но не всех. Надо полагать, кустарная и промышленная деятельность имела весомый успех. Гончары предоставляли необходимые сосуды для хранения и транспортировки вина, но с использованием местной керамики. Также встречаются красильщики, мастера по дереву, мозаике и другие виды промысла, которые обычно располагались на оживленной набережной города. И, наконец, город являлся одной из отправных точек маршрутов паломничества к горе Синай.

Таким образом, он привлекал множество паломников, приходивших посетить храмы и мартирии. Эти паломники являлись значительным источником дохода, так как жилье, питание, покупка мощей и оплата экскурсоводов для посещения святынь требовала определенных расходов⁹⁴. Процветание торговли ладаном, пряностями, благовониями, драгоценными камнями,

⁹¹ Humbert J-B. Op. cit. – P. 25.

⁹² Piéri D. Les marchands orientaux dans le grand commerce avec l'Occident à l'époque protobyzantine (IVème - VIème siècles apr. J.-C.) // Annales d'Histoire et d'Archéologie. - Beyrouth, 1997-1998. – P. 24.

⁹³ Ibid. - P. 26.

⁹⁴ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 96-98.

все виды восточных продуктов и вино, обеспечивали материальное благополучие городу вплоть до правления династии Аббасидов (VIII в.), которые затем обратили свой взгляд на расширение сухопутных торговых маршрутов через Иран и Афганистан.

Этнический состав населения. Население Газы было смешанным, так как отражало различные волны завоевания, которые нависали над городом. К периоду эллинизма филистимляне библейских времен давно утратили свою идентичность и слились с местным ханаанским населением. Завоевание Газы Александром не привело к появлению македонских или греческих поселенцев. По его приказу все жители города были уничтожены, а затем заселены людьми из окрестных деревень. Без сомнения, это было смешанное население, ханаанско-филистимлянского происхождения. Финикийцы, которые колонизировали большую часть побережья Палестины, не достигли Газы⁹⁵. Существовало также сильное арабское влияние в Газе к моменту Александровского завоевания города. Он служил гарнизоном для арабских войск под персидским командованием [Arrian.Anab.,II,25,4], и вполне возможно, что среди жителей города были и арабские элементы. Точная идентификация арабских племен, связанных с Газой в то время, была долгое время спорной. Но в настоящее время принято считать, что самыми близкими связями с городом обладало племя Кедар, которое контролировало прибрежную зону на юге⁹⁶. И лишь в последующие годы, наиболее сильные и влиятельные набатейцы вытеснили арабов из этого района, и развивали свои тесные отношения с Газой.

За годы правления Птолемеев и Селевкидов, Газа постепенно становится эллинизированной. Стоит отметить, что в процесс эллинизации должны быть вовлечены греки, или, по крайней мере, греки-ораторы. Наличие элиты общества, воспитанной в греческой культурной традиции и владею-

⁹⁵ Aharoni Y. The Land of the Bible: A Historical Geography. - Philadelphia, 1979. – P. 415-416.

⁹⁶ Ibid. - P. 414-415.

щей греческим языком, также является неотъемлемым элементом данного процесса. Однако существуют два фрагмента доказательств того, что арамейский язык был и оставался повседневным языком большинства жителей Газы и ее окрестностей. Оба источника византийского происхождения и, к сожалению, у обоих содержатся удивительные элементы, поэтому не могут быть приняты во внимание все их детали. Однако, предполагаемая ситуация на фоне этих историй, кажется весьма вероятной.

Первый источник – «Жизнь святого Илариона» Иеронима Стридонского. Он повествует о случае, в котором Иларион обращается на арамейском к имперскому офицеру, который чудесным образом дает ответ на этом же языке, несмотря на знание только латинского и франкского языков [Jerome.V.H.,22]. Иларион мог говорить прекрасно и по-гречески: в той же истории, как сообщает источник, он повторил свои вопросы на греческом языке для соратников офицера. К тому же он учился грамматике в Александрии [Jerome.V.H.,2]. Может возникнуть вопрос, зачем он выбрал для обращения с чужеземцем (Иероним в комментариях отмечает его светлую кожу и рыжие волосы) арамейский язык. Возможно, он решил пользоваться им в качестве своей повседневной речи, как часть отказа от язычества, и приблизить его к простым сельским жителям, среди которых он, видимо, имел больше успеха в привлечении новообращенных, чем среди искушенных в житейских делах жителей города⁹⁷.

Второй источник – Марк Диакон. Он сообщает, что во время дискуссии среди христиан о дальнейшей судьбе Марнеиона, дитя, по-видимому, охваченный божественным вдохновением, выкрикнул, что храм должен быть сожжен. Это высказывание, как говорят, было произнесено на арамейском. Позже, во время допроса епископом, он повторил свою речь на греческом языке, хотя его мать настаивала, что ни она, ни ее сын не знали, что это за язык [Marc.Diac.V.P.,66-68]. Какой бы ни была истина этого эпизода, оче-

⁹⁷ Rubin Z. Christianity in Byzantine Palestine: missionary activity and religious coercion // The Jerusalem Cathedra 3. - Jerusalem, 1983. - P. 97-113.

видно, что арамейский язык был вполне нормальным явлением среди христиан Газы.

Дело в том, что оба эти источника относятся к византийскому периоду, тогда, как греческая культура в Газе была близка к высокой культуре, и риторическая школа в городе также имела место быть. Это указывает на то, что подобная ситуация была не нова и что, на протяжении всей истории Газы, в рамках эллинистически-римского мира, арамейский всегда был языком простых людей, а греческий язык и его культура затронули лишь аристократию этого города. Имея средства, они, в свою очередь, отправляли своих сыновей в гимназию, чтобы те могли получить наиболее ценное образование.

Газа никогда не была еврейским городом, и нет никаких свидетельств еврейского проживания в эллинистический и ранний римский период. Однако, некоторые исторические и талмудические источники намекают на существование еврейской общины, которая в VI веке уже стала устоявшейся и процветающей, а археологические находки это подтверждают. Самым ранним упоминанием о присутствии евреев в Газе является весьма искаженная информация в Пасхальной хронике (VII в.): после восстания Бар-Кохбы (II в.), еврейские пленные были проданы на невольничьем рынке, связанным с ярмаркой в Газе [Chron.Pasch.,I,474]. Но это не означает вовсе, что эти евреи обязательно являлись уроженцами рассматриваемого региона до восстания.

Есть отдельные Талмудические ссылки на Газу, но некоторые из них предоставляют мало информации. Поздний источник Mishanic сообщает историю палестинского раввина, проживающего в конце II в. н.э. R. Eleazar, сына R. Simeon ben Yochai: «Это место находилось на границе Газы, и они назвали его Quarantined Ruin». Подразумевается то, что в конце II века Газа рассматривалась как Земля Израильская, и там проживали евреи. В другом источнике IV века говорится, что раби Yitzak bar Nahman, проживающий в Газе, будет назначен старейшиной (судьей в раввинский суд), при условии, что он вернется в Землю Израильскую. Как показывает талмудический текст, с точки зрения раввинских судов, Газа рассматривалась за пределами Земли

Израильской. Это также свидетельствует о том, что существовала еврейская община в Газе, так как невозможно, чтобы раввин, назначенный старейшиной, проживал один в нееврейском городе. В совокупности, эти отрывки позволяют предположить, что, возможно во II – IV вв., еврейская община, вероятно, небольшая, проживала в Газе.

Есть также несколько христианских ссылок на евреев в Газе. Слова Амвросия Медиоланского доказывают присутствие евреев в городе и их связь с еврейской общиной в Аскалоне: «... сколько базилик сожгли евреи во времена Юлиана. Две в Дамаске... сожгли базилику в Газе, Аскалоне, Бейруте ... и других местах»⁹⁸. Но замечания Амвросия могут быть тенденциозными. Разумеется, язычники Газы не нуждались в уроках от евреев, враждебных по отношению к христианам, и Созомен не упоминает участие евреев в атаках на христиан в городе во время правления Юлиана [Soz.H.E.,V,9].

Последнее упоминание евреев в Газе в византийский период приходится на VII век и дано в Житии св. Иоанна Милостивого. Безымянный монах описывает, как он был встречен у ворот Газы еврейской девочкой, которая сказала ему, что хотела бы стать христианкой, и умоляла его взять ее с собой, на что он, в конце концов, согласился, намереваясь определить ее в монастырь [Житие Иоанна Мил.]. Следует отметить, что это всего лишь предположение, так как конкретно не указано, что эта девочка проживала со своей семьей в городе.

Помимо этих нескольких отсылок, главным доказательством существования еврейской общины в Газе служат археологические находки. Clermont-Ganneau прокомментировал надпись на иврите на колонне с выгравированной менорой в Большой мечети в Газе, и утверждал, что она пришла из синагоги. Но, в то же время, считал, что нет достаточных доказательств присутствия евреев в городе, и предположил, что колонна могла быть доставлена из Александрии или Кесарии. Небольшой фрагмент святилища синагоги, с не-

⁹⁸ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 99-100.

сколькими греческими буквами на одной стороне и изображением меноры, шофара и лулава на другой, также был найден недалеко от Газы⁹⁹.

Но, обнаружение мозаичной мостовой на побережье Газы позволило с точностью определить существование синагоги в городе, а также явилось доказательством величины и процветания общины¹⁰⁰. Ее размер ориентировочно составляет 26×30 м., почти квадратной формы, что совсем необычно для палестинских синагог того времени. Она была разделена на пять залов четырьмя рядами колонн и содержала в себе широкий центральный неф с двумя узкими проходами на каждой стороне. На восточной стороне находилась апсида, углубленная на 3 м и используемая для Ковчега Завета. В западной части имелись, вероятно, три входа, ведущие к центральному нефу и двум боковым. Существовал дополнительный вход в южной стене. Неф и его приделы были первоначально вымощены мозаикой, которые позже были покрыты большими мраморными плитами, немногие из которых уцелели. Мозаика находилась в южном проходе¹⁰¹. Другой сохранившийся участок расположен в центральной части, на западной стороне. Он изображает царя Давида в образе Орфея, играющего на лире нескольким животным. Надпись на иврите позволяет точно идентифицировать изображение¹⁰². Другие находки в синагоге включают фрагменты четырех святилищ из мрамора, два из которых аналогичны по конструкции медальонам на мозаичной мостовой, и два больших мраморных водоема, один из которых содержит надпись на греческом языке¹⁰³.

Окончание строительства синагоги датируется мозаичной надписью 508/509 г. н.э. Следует отметить, что синагога была построена на развалинах частных домов или производственных зданий, то есть она не заменяла более

⁹⁹ Clermont-Ganneau C. Archaeological Researches in Palestine 1873-1874. - London, 1896. - P. 389-396.

¹⁰⁰ Sukenik E.L. The ancient synagogue of El-Hammeh (Hammath-by-Gadara). - Jerusalem, 1935. - P. 62.

¹⁰¹ Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. Vol. II / ed. M. Avi-Yonah. - Jerusalem, 1978. - P. 412

¹⁰² Ibid. - P. 96.

¹⁰³ См.: Barasch M. The David Mosaic of Gaza // Assaph. - 1980. - №1. - P. 1-43.

раннюю синагогу. Это может свидетельствовать о том, что еврейская община из Маюмы становилась все более процветающей и, возможно, достигла больших размеров в конце V века. Безусловно, масштаб здания и его сложные декорации указывают на общность определенного благосостояния. Данная синагога определяет наличие еврейской общины в портовом городе Маюма, члены которой, по-видимому, занимались торговлей. Но до сих пор нет прямых доказательств того, что евреи в действительности обосновались в самом городе Газа. Гончарные лампы, найденные в синагоге, датируются концом VI - началом VII века. Вероятно, что синагога была уничтожена сразу же после мусульманского завоевания.

В Газе также существовала и община самаритян. Было высказано предположение, что самаритяне стали оседать в больших языческих городах в период после подавления восстания Бар-Кохбы, и вполне возможно, что они прибыли в Газу в это время. Однако первое свидетельство их присутствия относится к IV в. н.э. С тех пор в Газе иногда упоминаются самаритянские хронисты. Историк Абуль Фатх сообщает, что в 634 г. самаритяне из Маюма, как и из других прибрежных городов, бежали на восток, возможно, в Дамаск, чтобы избежать встречи с арабами. Они депонировали свое имущество у первосвященника и не вернулись. В действительности же, самаритянская община в Газе, по-прежнему, продолжала существовать, но только уже под властью мусульман¹⁰⁴.

Еще одно подтверждение присутствия самаритянских и еврейских общин в деревнях вокруг Газы можно найти в сирийской хронике от 634 г., где сообщается о битве между византийцами и мусульманами, в которой четыре тысячи бедных жителей, христиан, евреев и самаритян, были убиты¹⁰⁵. Данная формулировка предполагает, что это были местные жители, которые пытались защитить свою землю и имущество, а не профессиональные военные.

¹⁰⁴ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 101.

¹⁰⁵ Montgomery J.A. The Samaritans. - New York, 1968. - P. 127.

Кроме того, для смешанной популяции Газы характерно присутствие инородной общины торговцев (купцов), проживающих в Маюме. Марк Диякон упоминает египетских виноторговцев [Marc.Diac.V.P.,58] и большую группу арабов из Мекки, обосновавшихся в Газе за несколько лет до мусульманского завоевания [Marc.Diac.V.P.,57]. Вероятнее всего, что на территории Газы проживали и другие группы населения, о которых мы, к сожалению, не имеем никаких сведений.

Таким образом, письменные источники и археологические данные позволяют установить, по крайней мере, 5 категорий населения, проживающих на территории Газы в византийский период: грекоязычные арамеи, евреи, самаритяне, египтяне и арабы.

3. Закат язычества и становление христианства в Газе Палестинской

Благодаря письменной традиции христианских авторов, в конце III века, после незначительного перерыва, некоторые сведения исторического характера о Газе Палестинской появляются вновь. Об образовании христианской общины в Газе мало что известно. Первым епископом города, предположительно являлся Филимон, к которому было адресовано письмо св. Павла¹⁰⁶. Но, как показывает анализ более поздних документов, это сообщество оставалось незначительным и хрупким вплоть до начала V века.

Во время правления императора Диоклетиана многие христиане Газы подвергались гонениям и претерпевали муки. Среди мучеников заметное место занимает епископ газской христианской общины верующих Сильван, который был обезглавлен. Евсевий перечисляет и других мучеников: сожженного заживо Тимофея, которого почитали за постройку мавритянина, брошенные зверям Агапий и Фекла и другие. Также сохранились в мавритянии, сооружен-

¹⁰⁶ Stark K.B. Gaza und die Philistaische Kuste. – Jena, 1852. – P. 613.

ном Тимофеем, останки страдальцев за веру Феи и Маиуры [Marc.Diac.V.P.,20].

Страстотерпчество не смогло уничтожить христианскую веру в этом районе Палестины. И в 325 г. епископ Газы уже присутствовал на Никейском соборе¹⁰⁷. Приблизительно в это время, жители порта Маюма приняли массово христианскую веру. Их энтузиазм настолько впечатлил императора Константина, что тот даровал порту статус самостоятельного полиса и дал ему новое имя «Констанция». Существует две главные точки зрения на новое название порта: Созомен утверждает, что последний получил наименование в честь сына Константа [Soz.H.E.,II,5], а Евсевий - в честь сестры [Euseb.V.C.,IV,38]¹⁰⁸. Граждане Газы, остававшиеся, в основной своей массе, непоколебимыми язычниками, вероятно, были весьма недовольны утратой контроля над своим портом. Об их протестах в то время сведений нет. Но известно, что с воцарением нового императора Юлиана, импонировавшего язычеству, они воспользовались случаем и обратились к нему с просьбой. Юлиан отменил указание Константина.

Следовательно, Маюма утратил права независимого полиса и новое наименование. Он оказался вновь включен в газский полис, имея то же общественное управление и магистраты. Исключение составляли церковные дела, где порту допускалось сохранять своих епископов, духовенство и праздники, то есть оставаться независимым. Созомен сообщает, что в первой половине V века существование Маюмского епископства было поставлено под угрозу епископом Газы, который после смерти епископа Маюма захотел объединить два престола на том основании, что не надлежит одному городу иметь двух епископов. Жители Маюма обжаловали решение, и всенародный Синод избрал нового епископа, аргументируя тем, что решения языческого императора не должны влиять на положение в церковных делах [Soz.H.E.,V,3]. Но, в

¹⁰⁷ Чехановец Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы // Мнемон. – СПб., 2006. – С. 432.

¹⁰⁸ Millar F.G.B. The Emperor in the Roman World. – London, 1977. – P. 410.

конечном итоге, отдельное епископство Маюма перестало существовать, объединенное, очевидно, с епископством соседнего города Анфедон (дата объединения неизвестна).

Маюмский епископ не упоминается Марком Диаконом, хотя описано как христианское население с энтузиазмом поддерживало усилия епископа Порфирия для подавления языческого богослужения в Газе [Marc.Diac.V.P.,57,58]. По всей вероятности, такое упущение может быть связано с тем, что позднее редактор работы Марка Диакона решил убрать отсылки на фигуру, чьи полномочия больше не существовали в его время. Хотя известно, что Петр Иберийский был назначен епископом Маюмским вскоре после Халкидонского Собора 451 г. Однако Маюма не фигурирует ни в списке епископств Георгия Кирия, ни в Hieroclis Syriemus: их окончательная редакция, вероятно, относится ко времени Юстиниана. По неясным причинам, весьма вероятно, что епископство Маюма исчезло на некоторое время в VI веке¹⁰⁹.

Напряженность, существовавшая между Газой и Маюмой, не может быть просто объяснена как конфликт между языческим и новым восторженным христианским сообществом. Жители Газы, как язычники, так и христиане, твердо настаивали на своем праве на господство и контроль над портом, в то время как жители Маюма с упрямством отстаивали свою независимость. Наиболее очевидная причина такого напряжения между городами - экономическая. Естественно, Газа стремилась сохранить контроль над портом, от торговли которого зависело, в определенной мере, ее процветание; в то время как торговцы Маюма были заинтересованы в том, чтобы использовать свою прибыль для развития собственного города-порта, а не для большего прославления Газы.

Весомое значение для христианской истории имели события первой половины IV века, свидетелем которых стала Газа. На первой фазе город был втянут в полемику между арианами (последователями александрийского

¹⁰⁹ Glucker C.A.M. Op. cit. – P. 44.

священнослужителя Ария) и афанасианами (последователи александрийского епископа Афанасия). Епископом Газы в то время был Асклиппа (Асклепа). Марк Диакон говорит, что он был основателем «Старой церкви» к западу от города и описывает его как «претерпевший многие гонения за православную веру, жизнь которого и дела записаны в раю наслаждения» [Marc.Diac.V.P.,20]. Природа этих преследований была выяснена церковными историками Сократом и Созоменом. В 341 г. он был обвинен арианами в ереси и, наряду с другими епископами, против которых были выдвинуты подобные обвинения, был смещен с должности. На его место был назначен некий Квинтиан. Но смещенные с должности епископы обратились с жалобой к Папе римскому Юлию. Он исследовал жалобы и пришел к выводу, что епископы приняли Никейское вероучение, и приказал восстановить их в должности. Местные общины по-прежнему не хотели принимать их, на что потребовалось вмешательство императора Констанция, чтобы обеспечить соблюдение решения Папы [Soc.H.E.,II,15; Soz.H.E.,III,8].

Период IV века был также отмечен деятельностью Илариона, который привнес монашество в Палестину, и чья история была наглядно рассказана Иеронимом Стридонским. Он родился в деревне Тавафа в семье богатых землевладельцев, отправленный ими в Александрию в юные годы, чтобы учиться грамматике [Jerome.V.H.,2]. В Александрии Иларион (уже будучи христианином, хотя его родители были преданы идолослужению) оказался под влиянием Антония, создателя монашеского образа жизни, жившего отшельником в египетской пустыне. В возрасте пятнадцати лет, после смерти его родителей, он вернулся в Тавафу, разделил наследство между братьями и бедными людьми и отправился в пустыню. Поселился в суровой и изолированной местности, южнее Маюмы; недалеко от побережья построил себе грубую хижину и погрузился в жизнь лишений и опасностей [Jerome.V.H.,3]. Однако он не поддавался ни голодной смерти, ни разоблачению, ни многочисленным разбойникам, которые наводняли эту местность [Jerome.V.H.,3].

Со временем Иларион приобрел репутацию святого человека и стал посещаться в своем безлюдном месте как христианами, так и язычниками, просящими его помочь молитвами в решении своих проблем. Иероним рассказывает о чудесных исцелениях и изгнаниях демонов, которые совершил Иларион [Jerome.V.H.,13-23]. Хотя эти истории не стоит принимать в буквальном смысле, но некоторые из них представляют интерес.

Одним из примеров является история франкского кандидата императора Констанция, из которого Иларион изгнал демона. Иларион задавал ему вопросы на сирийском языке и тот чудесным образом отвечал на них [Jerome.V.H.,22]. Данная деталь указывает, что Иларион принял язык сельских жителей, среди которых он жил, несмотря на свое греческое образование.

Еще одна интересная история об Италике, христианине из Маюмы, который выставил конный экипаж для участия в гонках колесниц против экипажа дуумвира из Газы и, опасаясь, что его противник использовал черную магию для обеспечения своей победы, попросил помощи у Илариона [Jerome.V.H.,20]. Слово «дуумвир» - два высших должностных лица в римских муниципиях и колониях, сменявшиеся ежегодно - является доказательством того, что к этому времени Газа достигла статуса римской муниципии¹¹⁰. Ответ Италика на вопрос Илариона, когда последний спросил его «почему он не продаст своих коней и не раздаст деньги бедным», является также интересным доказательством того, что в Газе, как и в других городах, содержание конного экипажа было общественной обязанностью, навязанной более состоятельными гражданами, по всей видимости, с целью обеспечения общественных развлечений. Обращение большого количества язычников в христианство, которое последовало за победой Италика в условиях общественного волнения, должно быть преувеличено, поскольку ясно, что христианская община в Газе долгое время оставалась маленькой и слабой.

¹¹⁰ Dan Y. Circus factions (Blues and Greens) in Byzantine Palestine // The Jerusalem Cathedra 1. – Jerusalem, 1981. – P. 108.

Деятельность Илариона не ограничивалась Газой и ее ближайшими соседями. Созомен рассказывает о визите в языческую деревню Вефилию, на северо-востоке Газы, в дом семьи Созомена. После успешного изгнания демона из Алафиона (связь с Созоменом не ясна), дед Созомена и вся семья были обращены в христианство [Soz. H.E.,V,15]. Известно также, что Иларион посетил Елузу во время фестиваля сарацин (бедуинов), чтобы обратить ее участников в новую веру и заложить фундамент для церкви [Jerom. V.H.,25].

В целом, рассказы об успехе Илариона в обращении в новую веру нужно воспринимать как преувеличенные. По данным Марка Диакона, как Газа, так и окружающие ее поселения, по-прежнему, яростно выступали против христианства спустя приблизительно сорок лет после его смерти (Иларион умер в 371/372 г.). Отдельные индивидуумы и семьи, подобно Созомену, вполне могли принять христианство, привлекаемые личностью Илариона, а, возможно, его успехами как целителя верой, но нет никаких данных о происходивших массовых обращениях. Возможно, что его деятельность была более успешной среди кочующих сарацин, чем среди оседлого населения, и что рассказ об Елузе действительно отражает истинную традицию обращения одного из племен, хотя основание церкви вызывает большие сомнения¹¹¹.

Но главное достижение Илариона заключалось не в успехе миссионерской деятельности, а в его внедрении монашества в Палестину. И, по сути, рассказ Иеронима вовсе не о том, что Иларион видел в качестве своей главной цели массовое обращение в христианство. Он изображен как отшельник, чья растущая репутация постепенно привлекала его к более тесному контакту с народом. Среди просителей у Илариона были и другие посетители его пустынной кельи, те, кого привлекал его аскетический образ жизни и желание разделить одиночество [Jerom. V.H.,14]. Они построили свои хижины неподалеку, что способствовало постепенному возникновению общины и складыванию организованного монашеского образа жизни. Другие монастырские общины возникли в отдельных частях страны, очевидно, видя вдохновение в

¹¹¹ Rubin Z. Op. cit. – P. 103-105.

Иларионе. Иероним описывает его как совершающего поездку по этим монастырям и мягко осуждающего тех монахов, чье поведение не соответствовало его идеалам [Jerom. V.H.,24-29].

Неминуемо, Иларион и его монахи вызвали враждебность языческого большинства, которые воспользовались возможностью вступления Юлиана (361-363) на престол, чтобы отомстить. Было получено разрешение на арест и казнь Илариона и его главного ученика Исихия, и толпа газийцев во главе с ликтором префекта направились к монастырю. Иларион и Исихий в это время посещали гробницу Антония в Египте, но монастырь был разграблен и разрушен [Jerom. V.H.,33]. В дальнейшем Иларион вынужден был отплыть сначала в Сицилию, а затем на Кипр, где он и скончался [Jerom. V.H.,35,41,45]. Когда опасность миновала, Исихий привез тело Илариона в Палестину, где его погребли в древнем монастыре [Jerom. V.H.,46].

Правление Юлиана также стало поводом для начала насилия со стороны язычников против христиан в самой Газе. Созомен подробно описывает дикое убийство трех молодых людей и то, как их останки впоследствии были сохранены и почитаемы в Маюме. Губернатор провинции подавил беспорядки и арестовал зачинщиков, намереваясь привлечь их к ответственности за убийство. Своими действиями он вызвал сильное недовольство Юлиана. Был уволен со своего поста и предстал перед судом. Император Юлиан всячески угождал язычникам, а его действия в отношении христиан преследовали цель достижения внутреннего раздора Церкви, чтобы последняя вступила в междоусобную войну и уклонилась от собственных постановлений и подвергла порицанию Констанция [Soz. H.E.,V, 9].

В конце правления Юлиана Газа пережила стихийное бедствие, в результате сильного землетрясения 19 мая 363 г., поразившего обширные районы Палестины. Ущерб был зарегистрирован в Газе, как и в ряде других городов, однако степень и серьезность повреждений неизвестны, и здесь, стоит

отметить, не были проведены тщательные раскопки для обеспечения археологическими доказательствами¹¹².

Окончательная христианизация Газы произошла только в конце IV века с назначением епископа Порфирия, который, по-видимому, объединил личную праведность и крайнюю кротость в своем пристрастии к людям с фанатичной решимостью по искоренению языческого культа в своем городе. Живописный отчет о борьбе и окончательном успехе в уничтожении языческих культов в городе был предоставлен его верным спутником и дьяконом Марком Диаконом. Он представляет собой достоверное описание, хотя к нескольким эпизодам можно отнести с определенной долей скептицизма: имеющиеся литературные параллели, и ряд деталей, очевидно, были изменены и сфальсифицированы более поздним редактором, предположительно на доктринальных основаниях.

Когда Порфирий прибыл в Газу в марте 394 г. в сопровождении Марка, то обнаружил небольшую общину, состоящую из 280 христиан [Marc. Dias. V.P.,19]. Он трудился в течение нескольких лет по увеличению размера своей паствы, постоянно подвергаясь преследованиям, а иногда угрозам со стороны враждебного языческого большинства [Marc. Dias. V.P.,17,19-25]. В 398 году он отправил Марка в Константинополь с петицией к императору Аркадию. Отклик императора оказался благоприятным; был издан императорский указ о закрытии языческих храмов, а Иларий, помощник начальника придворного штата и войск, был отправлен, чтобы убедиться в исполнении указа. Он прибыл в Газу, в сопровождении должностных лиц из Кесарии и военнослужащих, и приказал уничтожить все изображения и закрыть храмы, за исключением Марнеиона (предположительно из-за крупной взятки) [Marc. Dias. V.P.,26-27].

Язычники вскоре вернулись в частном порядке к своим традиционным обычаям, но с тех пор стало очевидно, что это был лишь вопрос времени, ко-

¹¹² См. подробнее: Лопатина М.Ю. К истории изучения Газы Палестинской в ранневизантийский период // Белгородский диалог–2017. - Белгород, 2017. – С. 94-98.

гда Марнеион и другие храмы были полностью уничтожены. Иероним, по крайней мере, предвидел это, когда в 400/401 г. писал Лаете: «Уже и египетский Серапис стал Христианином. Марнас Газский скорбит и постоянно пребывает в страхе от разрушения храма»¹¹³.

Язычники продолжали преследование христиан и их епископа, а в сентябре 400 г. Порфирий направился к архиепископу Кесарии. Они вместе устремились в Константинополь, чтобы обратиться к императору и получили поддержку Августы Евдоксии, которая передала их просьбу мужу [Marc.Diac.V.P.,32-34]. Аркадий, однако, отклонил их обращение на основании того, что, хотя Газа и может быть языческой, она верно уплатила налоги и принесла большой доход казне [Marc.Diac.V.P.,37-41]. Евдоксия продолжала оказывать поддержку епископам, и в конечном итоге, посредством своего маневрирования, прошение было преподнесено несовершеннолетним сыном, будущим императором Феодосием II, которое Аркадий счел обязанным принять.

Императорский указ был направлен на уничтожение храмов, а высокопоставленный чиновник, Кинегий, был назначен для того, чтобы убедиться в исполнении приказа. Августа лично преподнесла епископам большую сумму денег на строительство церкви в Газе и паломнического хостела, где приезжающих монахов можно было содержать в течение трех дней бесплатно [Marc.Diac.V.P.,42-54]. Восторженный приёмом, Порфирий прибыл в Маюму 1 мая 402 года, а через две недели прибыл Кинегий в сопровождении консула и дукса из Кесарии, а также большого количества войск. Многие из язычников, в том числе большинство самых богатых граждан Газы, бежали в деревни или в другие города, а Кинегий быстро реквизировал их дома для расквартирования своих войск. Указ был провозглашен, и христиане с энтузиазмом присоединились к военным, которые уничтожали храмы. Жрецы Марны забаррикадировались в своем храме и оказали упорное сопротивление, но, в

¹¹³ Hieronymus. Epistolae // Patrologiae Cursus Completus Series Graeca / ed. J. Migne. – 1857. -Vol. 22. - coll. 870.

конце концов, святилище Марны было разграблено и уничтожено. Частные дома были подвержены обыску, изображения и священные книги изымались и сжигались [Marc.Diac.V.P.,57-71].

Летом Порфирий приступил к строительству новой церкви на месте сожжённого храма Марны. Между христианами существовали разногласия относительно планировки: следует ли сохранить в основе храма круг, или его память должна быть полностью уничтожена. Споры были урегулированы прибытием письма от Августы, содержащее план крестообразной церкви, которому она попросила следовать при строительстве. В следующем году (403 г.) она отправила тридцать две колонны из блестящего зеленого Каристийского мрамора для новой церкви [Marc.Diac.V.P.,83]. Через пять лет строительство церкви было завершено. Она получила название Евдокиевой, а освящение Порфирий совершил в воскресный день святой Пасхи (407 г.). Праздник продолжался в течение недели, и в нем приняли участие многие монахи из окрестных деревень, а также другие гости [Marc.Diac.V.P.,92]. Фактически, данный праздник являлся первым случаем, когда собралось большое число христиан в Газе, очень напоминающий те празднества, описанные Хорикием примерно 130 лет спустя, что проводились при освящении новых церквей¹¹⁴.

Даже после такого успеха неприятности Порфирия не закончились, и, по крайней мере, один раз споры между христианами и язычниками привели к бунту, который требовал вмешательства войск из Кесарии [Marc.Diac.V.P.,95-99]. Марк ничего не пишет о последних годах жизни Порфирия и заканчивает свой рассказ смертью епископа, которую он тщательно датирует календарем Газы от 26 февраля 420 года [Marc.Diac.V.P.,103].

«Житие Порфирия Газского» позволяет к тому же определить социальный и экономический статус язычников и христиан в Газе. Похоже, что большинство более богатых эллинизированных граждан были язычниками, а христианство опиралось, главным образом, на бедные слои населения. До

¹¹⁴ Glucker C.A.M. Op. cit. – P. 48.

прихода императорской комиссии, направленной для разрушения храмов, многие язычники ушли из города [Marc. Diac. V.P.,63].

Представление о том, что язычники были более эллинизированными, подкрепляется несколькими именами газийцев, записанные Марком. Двух из знатных главных магистратов Газы звали Тимофей и Епифаний [Marc. Diac. V.P.,25], и женщина, характеризующаяся как некая жена городской знати, носила греко-римское имя Элия [Marc. Diac. V.P.,28-31]. Через какое-то время после завершения строительства Евдоксиевой церкви вспыхнул бунт, спровоцированный спором между икономом святой церкви и одним из первых мужей Сампсихом. Этимология этого имени неясна. Во всяком случае, возможно, что Сампсих был язычником, и поскольку остальные члены городского совета бросились ему помогать в борьбе с христианами, по-видимому, они тоже были идолопоклонниками [Marc. Diac. V.P.,95]. Не все ведущие граждане бежали во время разрушения храмов, и не все они обратились в новую веру. Несмотря на растущее влияние христиан, они всё еще играли свою традиционную роль в управлении городом.

Христиане были в меньшей степени эллинизированы. Арамейский язык был вполне нормальным явлением в христианской общине. Это также находит подтверждение в двух именах. Первое имя относится к девушке, которая приютила Порфирия и Марка, когда они сбегали от преследований через крышу. Ее звали Салафта - искаженная форма арамейского имени, - имя которой Марк толкует по-гречески как Ирина [Marc. Diac. V.P.,98, 100, 102]. Другое арамейское имя относится к диаконисе Манариде, которое Марк объясняет по-гречески как Фотина [Marc. Diac. V.P.,102].

Тем не менее, очевидно, что христианство притягивало не только очень бедных людей. Церковь владела имуществом: земельные владения в одной из деревень за пределами Газы и право собирать с нее доходы, хотя сбор иногда мог затрудняться из-за языческой вражды [Marc. Diac. V.P.,22]. Спор между Сампсихом и икономом святой церкви был завязан также на вопросе о землях [Marc. Diac. V.P.,95].

Более того, один из примеров, который приводит Марк в отношении преследования христиан язычниками, состоит в том, что они «не позволяли им занимать государственные должности, и относились к ним как к плохим гражданам» [Marc. Diac. V.P.,32]. Это указывает на то, что государственная служба по-прежнему являлась востребованной, поскольку приносила власть и влияние, несмотря на то, что она сопряжена была с тяжелым финансовым бременем, и что, по крайней мере, некоторые из христианских общин имели право на это. Если бы они были дисквалифицированы по финансовому или социальному признаку, то тогда не могли бы жаловаться на дискриминацию по религиозному признаку.

Конечно же, некоторые богатые люди, имея социальное положение, являлись членами христианской общины, но всё же передовые граждане Газы сохраняли верность эллинскому язычеству, а новая вера с легкостью была распознаваема среди бедных и говорящих на арамейском языке. Сила и влияние Церкви усилились в годы, последовавшие за разрушением храмов, но это заняло десятки лет после смерти епископа Порфирия, прежде чем новая религия была принята большинством народа, и Газу можно было бы считать поистине христианским городом.

Таким образом, из всех городов ранневизантийской Палестины Газа предлагает наиболее полный пример затянувшейся христианизации города, который официально завершился в начале V века. Несмотря на то, что Газа, как мы выяснили, не была изолирована от других городов и стран, - наоборот, город находился на перекрестке торговых путей, - христианство так и не получило широкого распространения среди городского населения. Опираясь на источник Марка Диакона, известно, что к концу IV века насчитывалось всего лишь 280 христиан, проживающих преимущественно в морском порте Маюма. Сложившаяся геолокация христианского меньшинства являлась следствием экономической причины. Остальное население Газы продолжало оставаться приверженным язычеству. Враждебно настроенному к язычникам, епископу Порфирию, пришлось прибегнуть к имперским эдиктам и воору-

женным методам, чтобы искоренить языческий культ в городе. Но разрушение языческих святынь и храмов – это всего лишь материальная сторона «войны» епископа. Важно понимать, что факт слома ментальности в начале V века не произошел, и классические элементы продолжали сохраняться в жизни газского общества вплоть до арабского завоевания.

Глава II. Классическое наследие в письменной традиции газских авторов

В отличие от Западной Римской империи, где античная цивилизация сильно пострадала от варварских вторжений IV-V вв., Восточная Римская империя приобрела свою специфику в результате ряда внутренних перемен и преобразований¹¹⁵. Византийская культура в целом и византийское художественное творчество в частности развивались при наличии и жизненности античной и христианской традиций.

Византийская литература, будучи живой системой отражения действительности, приобрела свою специфику: IV-VI вв. отмечены открытым состоянием с увядающей античностью. В это время складываются византийские жанры – церковная проповедь, хроника, житие, но еще живы и античный эпос, хранящий традиции эллинизма, и риторика, продолжающая «вторую софистику», и философско-художественная проза¹¹⁶.

В смене следующих за античностью эпох, из которых каждая подходила к античной культуре по своему, Византия занимает особое место, так как она сыграла главную роль в сохранении художественных сокровищ древности¹¹⁷.

Император Юстиниан, пожелавший реставрировать Римскую империю, ее государственный и культурный уклад, сознательно попустительствовал классицистским приемам в литературе, вследствие чего возник набор топики и композиционных схем, язык образов и фигур, восходящих к эллинской мифологии и риторике, но по сути дела снизившихся до роли условных штампов¹¹⁸.

¹¹⁵ Фрейберг Л.А. Византийская литература эпохи расцвета IX - XV вв. – М., 1978. – С. 3.

¹¹⁶ Там же. – С. 4-5.

¹¹⁷ Фрейберг Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху // Античность и Византия. – М., 1975. – С. 5.

¹¹⁸ Фрейберг Л.А. Византийская... – С. 5.

1. Жанры литературы

Газа в конце V в. была домом для двух процветающих, но довольно разных культурных сообществ: аскетического и софистического. Город славился не только риторской школой, которая дала изощренные и рафинированные образцы красноречия и поэзии, созданные на античной основе, но и школой мимов, следующей традициям мимических представлений эллинистического времени¹¹⁹.

Особое место в усвоении и переработке византийской литературной античности занимает Газская школа. В творчестве газских риторов, писателей и поэтов V-VI вв. античные мотивы обретали для себя весьма разнообразную и порой неожиданную трактовку. Это относится в равной мере и к риторам Прокопию и Хорикию, и поэту Иоанну Газскому, и к автору философского диалога Энею Софисту, который пытался сблизить христианство и платоновское учение¹²⁰. Анализ дошедших до нас произведений авторов Газы, позволяет выделить главные жанры языческой литературы, продолжившие свое существование в ранневизантийском городе:

- 1) риторическая проза;
- 2) философская проза;
- 3) поэзия;
- 4) эпистолярная литература.

Рассмотрим подробнее каждый из них.

Риторическая или ораторская проза (от лат. *orare* - говорить) – художественный жанр, возникший в Древней Греции в начале V в. до н.э. - живая речь, заключающаяся в умении убеждать, побуждать к действию, доставлять эстетическое удовольствие¹²¹. Менандр Лаодикейский (III в. н.э.) разделил риторические речи на 3 вида:

¹¹⁹ Фрейберг Л.А. Античное... – С. 9.

¹²⁰ Там же. - С. 21.

¹²¹ Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / под ред. В.Н. Ярхо. – М., 2002. – С. 226.

1) судебные, о делах общественных, государственных и частных;
 2) совещательные, о работе в советах и народных собраниях;
 3) торжественные речи, которые именуются также похвалами или порицаниями¹²². Еще Аристотель (IV в. до н.э.) ввел термин «эпидейктический» - походной, парадный - для обозначения торжественного красноречия, а не для споров и тяжб¹²³. Торжественное красноречие, в свою очередь, подразделяется на:

3.1. Похвала:

3.1.1. похвала божествам (гимны):

- а) пэаны и гипорхемы (гимны к Аполлону);
- б) дионисийские: дифирамбы и иовакхи (гимны к Дионису);
- с) эротические (гимны к Афродите);
- д) гимны к другим богам, конкретизируя адресата (например, К Зевсу).

3.1.2. похвала смертным:

- а) одушевленные (разумные (люди) и неразумные (бессловесные животные – водяные и наземные));
- б) неодушевленные.

3.2. Поношение или «порицание» (не подразделяется на виды).

В римской провинции эпохи Империи отдельные речи группируются следующим образом:

1 группа речей (связана с обожествлением императором Римской империи и богом-покровителем города)¹²⁴:

- 1) похвальная речь императору;
- 2) благодарственная речь, обязательно сопровождающая преподнесение императору венка по поручению родного города;
- 3) заключительная просительная речь за родной город, равно посвященная императору;

¹²² Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика / Институт мировой литературы имени А.М. Горького. – М., 1991. – С. 162.

¹²³ Там же. – С. 65.

¹²⁴ Там же. – С. 162-163.

4) праздничная речь богу-покровителю родного города, ученика, направленная как образец речи на его родину.

2 группа речей (обращена к императорским чиновникам и городам провинции):

1) речь призывательная – приглашает чиновника посетить родной город оратора;

2) оратор прославляет управление чиновника;

3) речь на прибытие, стоит точно посередине между общественными и частными речами (эпибатерион);

4) прощальная речь, произносимая в двух случаях: при возвращении из чужого города в родной или при отъезде из родного города¹²⁵;

3 группа речей:

1) беседная речь, которая может быть использована почти для всех случаев, за исключением самых возвышенных, а также для упоминающихся выше речей «на прибытие» и «отъезд»;

2) речь, с помощью которой провожают уходящего:

- свадебная речь;

- «спальная», исполняемая в конце свадебного обряда, когда молодая

чета удаляется в комнату невесты;

- речь ко дню рождения;

- плач;

- утешение;

- надгробная речь.

Для литературы ранневизантийской Газы характерны эпидейктические речи. Главными представителями ораторской прозы, а также христианской Школы риторики в Газе в V-VI вв. (неповторимого феномена в культурной истории Ранней Византии, где синтез классического и христианского наследия достиг наиболее плодотворного выражения), являются Прокопий Газ-

¹²⁵ Античная поэтика. Указ. соч. – С. 164.

ский (ок. 465-528) и его ученик Хорикий Газский (ок. 500 - ок. 590 гг.). И Прокопий и Хорикий были плодотворными писателями. Но в отличие от своего ученика, наследие Прокопия четко делится на две группы – христианскую и античную. Из-за специфики исследования в нашей работе берется во внимание только античная часть наследия. Итак, сочинения риторов составлены в классической риторической традиции и относятся, независимо от типовой категории, к признанным жанрам красноречия.

1. *Диалексис* – рассуждение (предварительная речь, вступление) на какую-нибудь тему, по конкретному поводу. К данной группе относятся три диалексиса Прокопия – о весне I-II [Proc.Op.I, Op.II] и о розе [Proc.Op.III], а также двадцать пять вступлений к речам Хорикия. Они носят громоздкие наименования, в которых подчас можно найти «рекомендации» и цели обучения для учащихся «студентов». Наполнение же источников всецело античное¹²⁶.

2. *Экфрасис* (др.-греч. — высказываю, выражаю) — описание произведения изобразительного искусства или архитектуры в литературном тексте. Данный вид включает две работы Прокопия: описание часов на рынке Газы [Proc.Op.VIII] и картины «Федра и Ипполит» [Proc.Op.IX]. Его экфрасисы интересны не только цитируемостью авторов, но еще раз подтверждают связь между работами Прокопия и его положением в Школе риторики¹²⁷.

3. *Эпитафия* (др.-греч. «надгробная надпись») – траурная речь, которую произносили публично на церемонии захоронения. Эпитафия строится по обычной, традиционной схеме: во введении оратор подчеркивает трудность своей задачи, в главной части речь идет о воспитании и жизни умершего, восхваляются его дела, заключительная часть содержит обращение к жи-

¹²⁶ Болгова А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы // Научные ведомости БелГУ. – 2011. - № 1 (96). - С.50.

¹²⁷ См.: Talgam R. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia During the Fifth and Sixth Centuries // Christian Gaza in Late Antiquity. – Leiden-Boston, 2004. - P. 209—234.

вущим, а также слова утешения близким покойного¹²⁸. Похвала здесь является частью более широкой темы, дополняемая сетованием (плач), утешением и назиданием¹²⁹. К данному виду речей относятся две эпитафии Хорикия: одна посвящена матери епископа Газы Маркиана, Марие [Chor.VII = Or. 6 F./R.¹³⁰], а другая - учителю Прокопию [Chor.VIII = Or. 7 F./R.]. Эпитафия Марие была произнесена после 518 года, когда ее сын Маркиан уже был епископом Газы, а эпитафия Прокопию - между 526 и 536 годами, исходя из вероятной датировки смерти Прокопия и ссылок внутри эпитафии.

4. *Энкомий* (др.-греч. «хвалебная песнь») – сочинение, прославляющее определенное лицо. Энкомии, написанные в стихах, предназначались для праздничного шествия или пира; энкомий в прозе – панегирик или риторическое упражнение, в котором восхвалялся мифологический персонаж или реальное лицо¹³¹. Похвала – основная тема речи. Предмет энкомия – лица, предметы (справедливость, целомудрие), времена года, местности (нива, гавань), бессловесные животные (конь, бык) и растения (оливковое дерево, виноградная лоза). Энкомий имел следующую структуру: предисловие; «происхождение» (родина, предки, отцы); «воспитание» (образование, навыки, правила); «деяния» - душевные качества (мудрость, целомудрие, мужество, справедливость), телесные качества (красота, сила, быстрота), участь (могущество, богатство, друзья); сравнение, сопоставив и признав восхваляемое предпочтительным; эпилог¹³². К данному виду относятся четыре энкомия Хорикия, две из которых адресованы епископу Газы Маркиану [Chor. I = Or. 1 F./R. и II = Or. 2 F./R.], одна дуксу Палестины Аратию и архонту Стефану [Chor. III = Or. 3 F./R.], и еще одна предназначена дуксу Палестины Сумму [Chor. IV = Or. 4 F./R.]. Праздник, посвященный строительству или восста-

¹²⁸ Словарь античности / Под ред. В.И. Кузищина. - М., 1989. - С. 661; Лопатина М.Ю. Античная традиция... - С. 110.

¹²⁹ Античная поэтика. Указ. соч. – С. 66.

¹³⁰ См.: Choricij Gazaei opera /Ed. R. Foerster, E. Richtsteig. - Leipzig, 1929. – 576 p.

¹³¹ Античная культура. Указ. соч. - С.311.

¹³² Книга Хрий / пер. с древнеармянского, пред. и комм. Г. Мурадян, ред. Л. Степанян. – Ереван, 2000. – С. 93.

новлению церкви св. Сергия в 535-536 годах, побудил Хорикия написать Первую похвалу епископу Маркиану, а торжественное открытие церкви св. Стефана между 536 и 542 годами, послужило написанием Второй похвалы епископу. Энкомий Сумму относится примерно к 532 году, как и Аратию и Стефану.

5. *Этопея* (др.-греч. «изображение нрава») – первоначально так называли исключительно ораторов-логографов, умевших так сочинить речь, чтобы она целиком отвечала нраву клиента и потому легко бы им запоминалась. Впоследствии, во времена Римской империи, этопея – риторическое упражнение, которое учащийся должен сочинить от имени некоего (чаще всего) мифического персонажа, попавшего в затруднительное положение¹³³. Различаются три вида этопеи:

5.1. собственно этопея – когда лицо является известным, а мы выдумываем только нрав;

5.2. просопея – когда выдуманно одновременно как нрав, так и лицо;

5.3. идолопея – когда лицо известное, однако минувшее, и мы вводим мысленный образ этого лица.

Этопеи бывают: патетические (содержат страдание), этические (содержат только описание характера), смешанные (имеющие и то, и другое). Стиль – краткий и непринужденный, лишенный всяческих фигур и украшений. Составлять ее следует вместо глав в трех временах: в настоящем, прошедшем и будущем¹³⁴. К данному виду относятся четыре этопеи Прокопия: о пастухе [Proc.Op.IV], о морской торговле [Proc.Op.V], об Афродите [Proc.Op.VI], о Фениксе [Proc.Op.VII].

6. *Монодия* (др.-греч. песнь одного) – разновидность древнегреческой лирики в противоположность хоровой¹³⁵. Так называлась сольная песнь актера в драме. К данному типу относятся два произведения Прокопия, хотя их

¹³³ Античная культура. Указ. соч. - С.322.

¹³⁴ Книга Хрий. Указ. соч. - С. 174.

¹³⁵ Античная культура. Указ. соч. - С.173.

ринадлежность сомнительна: монодия на храм св. Софии и на обрушение его купола.

7. *Панегирик* (др.-греч. всенародная речь) – хвалебная речь, произносимая на многолюдных празднествах, и посвященная восхвалению города, местного божества, павших воинов¹³⁶. В поздней античности наряду с традиционными похвалами городам и богам получили распространение похвалы императорам¹³⁷. К данному виду речей принадлежат два панегирика Прокопия - стратега Азиатика [Proc. Or. X] и императору Анастасию [Proc. Or. XI].

8. *Эпиталамий* – песнь, исполнявшаяся хором юношей и девушек перед входом в брачный покой с пожеланием счастья молодым¹³⁸. Эпиталама – песнь в честь свадьбы, мотивом которой выступала похвала новобрачным, расположение к ним богов, пожелание благополучия. К этому виду речей относится сочинение Хорикия: Эпиталамий Прокопию, Иоанну и Элии [Chor. VI = Or. 5 F./R.].

9. *Апология* (др.-греч. оправдание) — защитительная речь или защитительное письмо, сочинение, текст, направленный на защиту чего или кого-либо. Предполагается, что объект апологии подвергается внешним нападкам. Этот вид включает произведение «Апология мимов или Слово о подражании жизни в театре Диониса», написанная Хорикием [Chor. XXXII = Or. 8 F./R.]¹³⁹. Самой ранней редакцией Апологии мимов может служить 526 год¹⁴⁰.

10. *Декламации* (лат. declamatio – упражнение в красноречии) – произнесение художественных произведений вслух, главным образом парадных

¹³⁶ Словарь античности. Указ. соч. - С.409

¹³⁷ Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 716.

¹³⁸ Античная культура. Указ. соч. - С.316.

¹³⁹ Schouler V. Choricus déclamateur // Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. - Salerno, 2005. - P. 119.

¹⁴⁰ См. подробнее: Лопатина М.Ю. Античная традиция в письменном наследии христианского риторика Хорикия Газского // Эргастирий. – Белгород, 2017. – С. 109-118.

речей (в особенности учебных)¹⁴¹. Рукописная традиция включает двенадцать декламаций Хорикия из его преподавательской деятельности:

- 1) Полидам [Chor. X = decl. 1 F./R.];
- 2) Приам [Chor. XII = decl. 2 F./R.];
- 3) Лидийцы [Chor. XIV = decl. 3 F./R.];
- 4) Мильтиад [Chor. XVII = decl. 4 F./R.];
- 5) Юноша-воин [Chor. XX = decl. 5 F./R.];
- 6) Сребролюбивый отец [Chor. XXIII = decl. 6 F./R.];
- 7) Тираноубийца [Chor. XXVI = decl. 7 F./R.];
- 8) Спартанец [Chor. XXIX = decl. 8 F./R.];
- 9) Дитя-убийца [Chor. XXXV = decl. 9 F./R.];
- 10) Патрокл [Chor. XXXVIII = decl. 10 F./R.];
- 11) Воин [Chor. XL = decl. 11 F./R.];
- 12) Оратор [Chor. XLII = decl. 12 F./R.].

Стоит выделить два основных момента относительно области деятельности, в которой мастер ораторского искусства упражнялся. Во-первых, это умение хвалить, которое подразумевало три составляющих: искусство придать эффектную мелодичность слову (как хвалить?); навык поиска ценности в объекте, достойный восхваления (за что хвалить?); мастерство создать предмет прославления близким аудитории слушателей (для чего хвалить?)¹⁴². Во-вторых, главным элементом эмоциональной устной речи было повторение однокоренных слов, поскольку повторение ключевых слов если не единственный, то самый естественный способ зафиксировать их в сознании слушателей. Интересующие нас повторы мы находим не только у истоков древнегреческой литературы, но и во все время ее существования. Так, любованье словом носит у многих ранневизантийских авторов едва ли не культовый характер¹⁴³.

¹⁴¹ Литературная энциклопедия. Указ. соч. - С. 210.

¹⁴² Античная поэтика. Указ. соч. - С. 66.

¹⁴³ Там же. - С. 125.

В литературной традиции ранневизантийской Газы мы находим и диалог как разновидность философской прозы. *Диалог* (от др.-греч. беседа) – литературный жанр, оформившийся в философских сочинениях Платона. В диалоге взгляды выражаются в форме беседы какого-нибудь мудреца с учениками или друзьями, либо диалог заключает в себе спор двух и более лиц¹⁴⁴. К этому жанру относится философский трактат под названием Теофраст, или О бессмертии души и воскресении тел Энея Газского¹⁴⁵. Эней Газский (родился примерно в середине V в.) – ученик александрийского философа, неоплатоника Гиерокла. Получив образование в Александрии в школе неоплатонизма, он вернулся в Газу Палестинскую и начал занимался красноречием. «Теофраст», предположительно, был написан во время правления вандала Гунерика в Африке (477-484)¹⁴⁶. Речь в произведении носит характер простой, живой беседы, не имеющей отчетливого плана. Развитие идей протекает произвольно, зачастую употребляются повторения. Стоит отметить, что форма диалога, столь возлюбленная греческими философами, нередко встречается в святоотеческой литературе.

Неотъемлемой частью основных жанров античности является *поэзия* – искусство слова в стихотворной форме (эпические поэмы, разные виды лирики, трагедии и комедии). Произведение, написанное в стихотворной форме, в отличие от прозы, принимает ритмическую завершенность. Движение слов в стихе, ритмическое и синтаксическое строение — все это таит в себе безграничные смысловые возможности, которых не найти в прозе¹⁴⁷. Единственным поэтом, чьи связи со средой Газы кажутся весьма вероятными, является Иоанн. Его деятельность приходится на царствование Анастасия (491-518), Юстина I (518-527) и отчасти Юстиниана I (527-565)¹⁴⁸. До нас дошли следу-

¹⁴⁴ Античная культура. Указ. соч. - С.97.

¹⁴⁵ См.: Aeneas of Gaza: Theophrastus with Zacharias of Mytilene: Ammonius / Ed. Sebastian Gertz, John Dillon, and Donald Russell. – London, 2012. – 180 p.

¹⁴⁶ Schalkhauser G. Aeneas von Gaza als Philosoph. - Erlangen, 1898. - S.7.

¹⁴⁷ Литературная энциклопедия. Указ. соч. - С. 778-779.

¹⁴⁸ Jean. Sa vie // L'École de Gaza. - URL: <http://ecoledegaza.fr/gazae-schola/> (дата обращения: 15.10.2017).

ющие его работы: «Description du Tableau cosmique»¹⁴⁹, шесть анакреонтических стихотворения и название седьмого¹⁵⁰.

«Description du Tableau cosmique» (Описание...) - это экфрасис, или подробное описание произведения искусства в Зимней бане Газы, вероятно, композиции, украшавшей апсиду или купол здания. Встречается формулировка и «устройство» и «изображение» [Jean.Tab. 12]. Однако выбор терминов, используемых в нескольких отрывках стихотворения, скорее указывает на картину, но вариант мозаики также не исключается. Описание... было декламировано в присутствии аудитории, состоящей из местных знатоков и, возможно, внешних людей, занимающих административную должность на региональном уровне [Jean.Tab. 21]. Упомянутые «судьи» являлись поэтическими цензорами, разбирающимися в аттицизме [Jean.Tab. 20]. Эта последняя характеристика важна для понимания теоретического идеала, разработанного автором.

Не имея возможности определить дату, стихотворение, скорее всего, было декламировано во время фестиваля, связанного с розалиями, упоминаемыми в отрывке, где говорится о приходе весны [Jean.Tab. 390-395].

Стихотворение состоит из 732 стихов, 29 ямбических стоп, разделенных на два пролога [Jean.Tab. 1-25 и 390-395] и 703 дактилических гексаметра, разделенных на две части [Jean.Tab. 26-389 и 396-732]. И ямб, и гексаметр, и пролог – основные элементы античного стиха. Ямб – это двусложная стопа в античной метрике, состоящая из краткого (безударного) и долгого (ударного) слогов¹⁵¹. Гексаметр – шестистопный стихотворный размер. Наибольшее распространение в античности получил дактилический гексаметр, использовавшийся в эпосе¹⁵². Пролог – предисловие, вводная часть, содержащая сюжетную экспозицию, знакомство зрителя с местом действия и с

¹⁴⁹ См.: Jean de Gaza. Description du Tableau cosmique / ed. D. Lauritzen. - Paris, 2015. - 432 p.

¹⁵⁰ См. последнее издание: Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310 / ed. F. Ciccolella. - Alessandria, 2000. – 293 p.

¹⁵¹ Античная культура. Указ. соч. - С. 331.

¹⁵² Там же. - С. 72.

его участниками. Широко использовался в древнегреческих трагедиях, комедиях, драмах¹⁵³.

Анакреонтическая поэзия - лирика, воспевающая радость жизни и мирские наслаждения. Возникла в период эллинизма, как подражание древнегреческому поэту, представителю сольной лирики Анакреонту. Короткие стихотворения Иоанна могут быть определены как прогимнаσμα или подготовительные риторические упражнения, некоторые из них получили статус энкомий, фактически произнесенные в официальных случаях [Jean.Anacr. 1-3], в то время как другие были составлены, чтобы служить образцом по грамматике для учащихся [Jean.Anacr. 4-7]:

1. ответ на предшествующую речь;
2. речь в честь двух лиц, Захария, дукса Аскалона и Захария Газского;
3. импровизированная свадебная речь для Анатоля, сына Фауста, который занимает высшую должность в Газе;
4. импровизации в день розалий после выступлений его учеников;
5. речь, произнесенная в день розалий в классе;
6. этопея в форме песнопения на тему того, что Афродита говорит в поисках Адониса;
7. этопея, от которой сохранилось только название, о том, что сказал бы Дионис о приходе весны.

Стоит отметить, что на произведения Иоанна Газского оказал большое влияние египетский поэт Нонн Панополитанский. Возможно, что Иоанн был одним из первых, кто способствовал популяризации его стиля в Газе. Творческий процесс Иоанна выступает как постоянное взаимодействие между подражанием и новаторством. Хотя эти два понятия являются противоположными, здесь кроется сложное и тонкое понимание творчества. Техника Нонна воспроизводится и адаптируется в соответствии с его назначением, в результате чего появляется новаторское стихотворение. Первая особенность, которая перешла от Нонна, - это форма стиха, которая приводит эпическую

¹⁵³ Античная культура. Указ. соч. - С. 228.

поэзию к наиболее систематизированному уровню. С этой точки зрения, Иоанн, очевидно, является нонновским поэтом. Краткой информации о различных типах гексаметров, которые использует Иоанн, достаточно для аргументации. Иоанн предпочитает дактиль спондею в пропорции, которая показывает определенную нонновскую манеру. Первые четыре стопы его гексаметра составляют 83,16% дактиля, так что это ставит его в прямую зависимость от Нонна (85,21% дактилей). И это только первый шаг к установлению связи между Иоанном и Нонном. Это также подтверждается и его использованием цитат. Гексаметр Иоанна так похож на нонновский, что вполне возможно, он составлен из многих сегментов, взятых из египетских стихов.

Более того, вопрос о жанре и правилах поэтического творчества не отличается для Нонна в Египте в середине V века и для Иоанна в Палестине в первые десятилетия VI века. Но Иоанна делает уникальным и сразу узнаваемым то, что он пишет энкомиастический экфрасис произведения искусства, и выражает вместе с тем похвалу должностным лицам Газы¹⁵⁴. Будучи преемником, Иоанн раскрывает суть гения Нонна. Вопреки другим работам в Газе, прибегая к тому же типу - экфрасису, - но написанному в прозе, Иоанн явно не называет имя человека или людей, которых он восхваляет. В Газе была первичной проза, и нельзя сказать, что Нонн вдохновил школу поэзии в Газе. Таким образом, Иоанн является своего рода исключением в этой среде.

К особому жанру древнегреческой и римской литературы, нашедший свое отражение в ранневизантийской Газе, относится эпистолография (др.-греч. *epistola* – письмо, *grapho* - пишу) или *эпистолярный жанр* – жанр письма. Изначально, письма предназначались для широкого круга читателей, хотя и имели конкретного адресата. Письма, особенно на этические темы, подчинялись влиянию риторики, которая формализовала и классифицировала нормы эпистолярного мастерства и задеиствовала произведения на конкретную

¹⁵⁴ Lauritzen D. Nonnus in Gaza. The Expansion of Modern Poetry from Egypt to Palestine in the Early Sixth Century CE // Nonnus of Panopolis in Context: Poetry and Cultural Milieu in Late Antiquity with a Section on Nonnus and the Modern World. – Berlin, 2014. - P. 423-429.

тому и от конкретных лиц в обазовательную систему в риторских школах. Эпистолагафия времен Римской империи носила черты литературной условности, сводя к минимуму личности автора и адресатов.

В позднеантичный период эпистолярный жанр приобретает иной характер: он рассматривается, главным образом, как подлинная переписка образованной верхушки римского и византийского общества¹⁵⁵. Итак, письмо – это письменная беседа отсутствующего с отсутствующим, преследующая какую-то полезную цель. Украшением письма служили, главным образом, ясность, умеренная краткость и архаические выражения. В письме находят место упоминания о мифах, любезные истории, отсылки на античные труды, мудрые правила, конечно же, без диалектических рассуждений, и сатирические пословицы. Основные требования риторов к письму – соблюдение определенного стиля и размера, так как при чтении письмо должно доставлять наслаждение, это своего рода подарок адресату¹⁵⁶.

Эпистолярный жанр в ранневизантийской Газе представлен письмами Прокопия Газского и Энея Газского. Первостепенную значимость имеет эпистолярное наследие Прокопия Газского, которое включает 166¹⁵⁷, а последнее издание Э. Амато¹⁵⁸ – 174 письма. Они помогают восстановить не только биографию ритора, но и содержат богатую информацию о культуре Газы. W. Aly высказал мнение, и трудно не согласиться с ним, что письма, написанные для отправки, затем использовались в качестве учебных материалов¹⁵⁹. Кроме писем Прокопия, до нас дошли 25 писем Энея, имеющие почти исключительно личный характер и только случайно затрагивающие философские темы¹⁶⁰. Письма Энея также свидетельствуют о том, что пайдейя была «отличительной чертой руководящей группы империи, разделяемой знатоками

¹⁵⁵ Античная культура. Указ. соч. - С. 228.

¹⁵⁶ Античная поэтика. Указ. соч. - С. 186.

¹⁵⁷ См.: Procopii Gazaeci Epistolae et Declamationes / ed. Antonio Garzya. - Ettal, 1963. - 111 p.

¹⁵⁸ См.: Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza / ed. E. Amato. - Alessandria, 2010. - 697 p.

¹⁵⁹ Aly W. Prokopios von Gaza // Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. - Vol. 23.1. - cols. 268.

¹⁶⁰ См.: Enea di Gaza. Epistole / ed. L. Massa Positano. - Naples, 1962. - 129 p.

каждого региона и персоналом императорского правительства...»¹⁶¹. Такую социальную значимость можно увидеть в письмах, в которых рекомендуются превосходные ученики в преподаватели или на места в правительстве. В этих письмах используются все условности классических писем для восхваления¹⁶². Письма адресованы друзьям и знакомым. Они свидетельствуют о том, в какой степени крепко сохранялась в Школах риторики и в словесности классическая традиция даже в личной переписке на разнообразные темы.

Таким образом, в Газе в V-VI вв. можно проследить мирное сосуществование между христианским благочестием и классическим наследием, которое, по словам *Yakov Ashkenazi*, было особенностью города, который едва ли можно было найти в других городах Востока. Ораторская проза оказалась тем элементом античной культуры, который продолжил существовать после ее заката, обретая для себя продолжение в христианской проповеди. В ранневизантийский период цель ораторской прозы сводилась к копированию классических образцов. Некоторые ораторы достигали в этом такой виртуозности, что их язык становился неотличим от классического¹⁶³. Тип созданного риторами литературного идеализированного портрета, в котором в действиях человека раскрывались его достоинства и который должен был служить назидательным и побудительным примером, стал одной из художественных ценностей, унаследованных от античности последующими эпохами. Передача наследия совершалась уже в переломном IV в., когда учителя христианской церкви, в молодости прошедшие обучение в риторских школах, приспособивали традиционную риторическую технику к нуждам нового вероучения. В форме похвального слова они противопоставляли известным языческим знаменитостям своего собственного героя – проповедника и страдальца

¹⁶¹ Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire*. – Madison, 1992. – P. 36-37.

¹⁶² Trapp M.B. *Greek and Latin Letters: An Anthology, with Translation*. – Cambridge, 2003. – P. 236.

¹⁶³ Античная культура. Указ. соч. - С. 227.

за веру¹⁶⁴. *Prances Young* считает, что христиане приняли языческие методы интерпретации, но заменили классику, которая была объектом герменевтического упражнения. Библия становилась новой литературной основой их дискурса¹⁶⁵. *Ter Haar Romeny* предположил, что комментарии, ориентированные на Библию, выполняли образовательную функцию в риторических школах¹⁶⁶.

Несмотря на то, что в Газе в V-VI вв. происходила постепенная переориентация на библейскую грамотность, мы все же имеем дело с 28 диалексисами, 18 речами, 12 декламациями, 1 диалогом, 7 стихотворениями и 199 письмами, написанными в стиле классической литературной традиции. Из чего можно заключить, что самым популярным жанром античной литературы в христианизированной Газе оставалась риторическая проза и письмо.

2. Виды литературных сюжетов

Рассматривая классическое наследие в письменной традиции газских авторов, нас интересует вопрос не только жанров, но и видов литературных сюжетов, использовавшихся в их произведениях. Для раскрытия данного вопроса, необходимо выявить на какие источники опирались Эней, Хорикий, Прокопий, Иоанн, а также определить, как они систематизировали и излагали свой материал. Изображенное событие и способ сообщения о нем в произведениях называется сюжетом. Это заимствованные из прошлого истории, подлежащие обработке автора¹⁶⁷. По типам проблематики *Г.Н. Поспелов* делит произведения на мифологические, героические (исторические), этологические и романические. *А.Б. Есин* выделяет еще и философский тип. Большинство вышеприведенных сюжетов мы можем найти у авторов Газы V-VI вв.

¹⁶⁴ Античная поэтика. Указ. соч. - С. 101.

¹⁶⁵ Young F.M. *Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture*. – Cambridge, 1997. - P. 47.

¹⁶⁶ Romeny B. ter Haar. *Procopius of Gaza and his Library // From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron*. – Leiden, 2007. - P. 190.

¹⁶⁷ Литературная энциклопедия. Указ. соч. - С. 1048.

Сочинения Хорикия дают прекрасный образец того, как не только античная форма, но и античное содержание находят новое, византийское выражение. К примеру, *Eberhard Richtsteig* делит декламации Хорикия на три вида, соответствующие классификации *Г.Н. Поспелова* и *А.Б. Есина*: мифологические, исторические и этологические (нравоописательные), - в зависимости от того, являются ли персонажи гомеровскими, историческими или представителями определенных образов. Декламации посвящены конкретному случаю, но сам эпизод и персонажи являются вымышленными, поскольку ритор принимает роль какого-либо исторического или общего персонажа на протяжении всего времени выступления. Хорикий смело использовал все богатство классического наследия¹⁶⁸, которое наиболее отчетливо прослеживается в названиях его декламаций.

К мифологическому виду мы можем отнести следующие работы: Полидам [Chor.Decl. 1], Приам [Chor.Decl. 2], Патрокл [Chor.Decl. 10]. Полидам и Приам идут в паре: речь главного героя первой декламации и оспаривание главным героем другой. Хорикий придумывает слова, которые Полидам бы произнес на предложение Ахилла заключить альянс с троянами в обмен на брак с Поликсеной¹⁶⁹, и контраргументы Приама, который выступает против этого предложения. Во введении Хорикий объясняет, что Приаму нужно очернить характер Ахилла, как Демосфен это делает с Филиппом, и поэтому подчеркивает его высокомерие, любовные дела, неустойчивый характер, отсутствие уважения к власти, непочтительность и плохое обращение с Гектором. В десятой декламации представлена речь, которую произнес бы Патрокл, чтобы убедить Ахилла снова вернуться к войне. Данные эпизоды основаны на Илиаде Гомера, и часто, требуется, чтобы декламатор работал над хорошо известным текстом и сам думал о том, как найти и развить соответствующие аргументы. Как показывает этот пример, истории и персонажи

¹⁶⁸ Болгова А.М. Указ. соч. - С.49-50.

¹⁶⁹ Gantz T. *Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources*. - Baltimore, 1993. - P. 628.

классической литературы и мифологии по-прежнему были важным источником материала для риторических манипуляций. Здесь нет попытки воссоздать гомеровский язык, за исключением самого обобщенного, но есть очень близкие аллюзии на текст, которые, естественно, образованная аудитория, несомненно, должна была признать и оценить.

К историческому виду относятся декламации Лидийцы [Chor.Decl. 3], Мильтиад [Chor.Decl. 4] и Спартанец [Chor.Decl. 8]. Сочинение Лидийцы вдохновлено главами 155-156 первой книги Истории Геродота, в которой говорится о том, что Кир должен оказать снисхождение лидийцам, а, чтобы те не подняли мятеж, им будет приказано носить хитоны и высокие сапоги, а также играть на арфе и кифаре. В декламации Хорикий придумывает речь, как лидийцам убедить царя Кира снова взять в руки оружие, чтобы помочь ему в борьбе против массагетов: они показывают внешне возможность пуститься в бой за Кира, но на самом деле они надеются обмануть его, чтобы вновь взяться за оружие. В декламации Мильтиад, как и в случае с предыдущей, Хорикий приводит аргумент из Истории Геродота. Он придавал первостепенное значение нравственному облику для каждого персонажа¹⁷⁰. Эта речь посвящена победившему полководцу, который спас свой город, переодевшись в женскую одежду, чтобы обмануть вражеские войска. Это воображаемая традиция в мнимом полисе, ознаменовавшая победу, сохранит впоследствии детали для потомков. В одном отрывке оратор размышляет над состоянием ума, которое заставило его пересечь эту особенно чувствительную границу: «Ибо я видел, что по мере того, как сила наших войск ослабевала и сила противника возрастала, ситуация требовала от меня умных и хитрых действий, и, изображая в своем сознании захват города, я думал об ужасных вещах, оскорблениях, которые обычно совершают захватчики: оскверняют брачные комнаты, насилуют незамужних девушек, не щадят мальчиков. Именно из-за этого мысленного образа я решил переодеться, скрывая свою истинную природу, чтобы защитить женщин и молодых людей города». Этот

¹⁷⁰ Heath M. Menander: A Rhetor in Context. - Oxford, 2004. - P. 238.

отрывок является примером топосов с давней традицией в истории, поэзии и ораторском искусстве¹⁷¹. Эти две декламации исследуют связанные темы представления и олицетворения речи лидийцев, в частности задавая вопросы о связи внешнего вида и реальности и о влиянии привычки на персонажа. Диссонанс между внешним видом человека и его внутренней природой – одна из повторяющихся тем в своде декламаций Хорикия. Лидийцы пытаются доказать, что их артистические занятия и «женский образ» привели к необратимым изменениям в своей природе и что они являются живым доказательством того, что «манеры делают человека». Их аргумент имел прочную основу в античной мысли о способности формирования человека, отраженного в идее, что повторное подражание может оказать прочное воздействие на душу. По утверждению «лидийского» оратора, внешний вид отражает реальность; полководец же отмечает, что маскировка под женщину не влияет на его природу. А вот последняя работа с историческим сюжетом – Спартанец – касается размышления об искусстве и легитимности изображения богини в образе куртизанки. Вероятнее всего, что декламации предшествовало другое публичное выступление, в котором скульптор Пракситель защищал себя лично. В этом произведении Хорикий выступает в роли обвинителя, анонимного спартанца, который подает в суд на скульптора Праксителя за то, что последний смоделировал статую богини Афродиты со своей любовницы, куртизанки Фрины. Оратор утверждает, что нецелесообразно использовать культовую статую, которая на самом деле является портретом куртизанки. В работе, что неудивительно, говорится о связи субъекта и его представления. Оратор утверждает, что визуальное сходство, передаваемое через функции или атрибуты, является ключевой проблемой, а одного названия, которое может быть заменено и изменено, не достаточно. Он также затрагивает представление о божественном, ссылаясь на гомеровское вдохновение великой статуей Зевса из Олимпии скульптора Фидия.

¹⁷¹ Paul G.M. *Urbs Capta: Sketch of an Ancient Literary Motif // Phoenix*. - 1982. - Vol. 36. - P. 146.

К *этологическому* виду принадлежат оставшиеся шесть декламаций: Юноша-воин [Chor.Decl. 5], Сребролюбивый отец [Chor.Decl. 6], Тираноубийца [Chor.Decl. 7], Дитя-убийца [Chor.Decl. 9], Воин [Chor.Decl. 11], Оратор [Chor.Decl. 4]. Юноша-воин и Сребролюбивый отец идут в паре и отражают конфронтацию поколений, а именно традиционное противостояние между отцом и сыном. Но, выходя за рамки столкновения между отцом, который хочет женить сына на богатой женщине, чтобы увеличить свое наследство, и сыном, желающим славы, декламация рассматривает расхождение с точки зрения социальной морали. Отец поддерживает идею, направленную на преумножение состояния и поддержание строгого образа жизни. Сын, напротив, признает военную подготовку, чтобы обеспечить свободу своим согражданам, что, однако, не приводит его к отказу от плотских удовольствий. Поэтому в мирное время его сын посвящает себя любовным наслаждениям, обращая внимание на бедную молодую девушку, и отказывается от возможности жениться на знатной богатой женщине, к тому же уродливой. Ответ отца сыну представлен в произведении Сребролюбивый отец, где он пытается отвлечь своего ребенка от идеи жениться на бедной молодой девушке, говоря о богатстве как единственной стабильности в жизни. В декламации Тираноубийца изображен убийца тирана, требующий награду за его гибель. Однако, здесь главный герой лично не убивал тирана, а покончил с ним, убив его сына: тиран, узнав о смерти своего ребенка, был убит отчаянием. Тираноубийцу, следовательно, спрашивают в декламации, как ему представляется картина, в которой проявляются его действия. Напротив, главный герой декламации Воин уклоняется от награды за свой подвиг: доблестный стратиг спас воображаемый город, разоблачив противника ночью, одетого в женскую одежду.

Декламация Дитя-убийца является также предметом схоластических упражнений: есть отец, убивающий свою дочь, чтобы она не досталась тирану, который влюблен в девушку. Но ситуация осложняется еще одной смертью: молодой человек, влюбленный в убитую девушку умирает от отчаяния.

В декламации обвинения выдвигаются отцом мальчика. Произведение Оратор показывает гражданина, полностью посвященного риторике и патриотизму, и воинственного полководца, находящегося «на службе у Ареса». Оппозиция формируется вокруг того факта, что оратору удалось убедить врага снять осаду посредством своего красноречия и поэтому просит награду за победу. Полководец выступает против этого, поскольку данный факт не является делом военным. Но оратор не просит денежного вознаграждения: он хочет, чтобы дети его сограждан посещали школу и получали образование, чтобы быть способными ораторами, а не достойными воинами, тем самым подчеркивая верховенство слова над силой оружия.

Двенадцать декламаций Хорикия представляют особый интерес для размышления об искусстве подражания. Например, необходимость воплотить скупого старика, главного героя декламации, действительно приводит Хорикия к столкновению между техникой, подражанием и поэзией Гомера. Целью этих трех форм подражания является изображение персонажа до такой степени, чтобы убедить зрителей, что оратор действительно воображаемый. Эта цель достигается при помощи пантомимы и Гомера, обладающего универсальным и приятным языком, который легко позволяет его использовать для любого типа персонажа¹⁷². Ритор должен использовать также свое мастерство, так как он далек от персонажа по возрасту и характеру. В совокупности это показывает, насколько Хорикий был особенно чувствителен к теме подражания: как подчеркивала *Ruth Webb*, ритор Газы осознавал театральный характер своих декламаций и необходимость создавать вымышленные миры, в которых можно было бы возродить главных героев в публичных выступлениях через мимесис, который включал каждый аспект выступления.

Malcolm Heath подчеркивает, что искусство торжественной речи было эффективным способом обучения навыкам аргументации, которые оставались актуальными в эпоху поздней античности¹⁷³. В частности, на самом вы-

¹⁷² Choricii Gazeai opera.. Указ.соч. - P.249.

¹⁷³ Heath M. Menander... P. 224.

соком уровне декламация также охватывала навыки, которые можно было бы считать «литературными», такие как описание, характеристика и мастерство лингвистического стиля. С точки зрения содержания, драматические и романтические сюжеты всегда были особенностью декламации. Пристрастие к рассказам о молодых героях, пиратах, о страсти и насилии, несомненно, служило стремлением привлечения внимания обучающихся, но многие из этих тем, как утверждал *Robert Kaster* и другие, имели более широкое социальное значение¹⁷⁴. Свод Хорикия не является исключением. В работах оратора проявляется тема сексуального желания, ведущего либо к браку, либо угрозе насилия: есть желание Ахилла по отношению к Поликсене, любовь сына скряги к красивой, но бедной молодой девушке и треугольник любовных отношений девушки, тирана и молодого человека, который убивает себя из-за ее смерти.

То, что действительно отличает свод Хорикия, - это акцент в самих речах на темы художественного представления и обманчивой внешности. Декламации показывают богатый потенциал риторического жанра, обеспечивающие сложную подготовку по анализу, представлению и аргументации, как это совершенно ясно из сложных теоретических трактатов, которые сохранились с поздней античности. Декламации Хорикия, как результат культурного консерватизма, сохранили древние традиции в городе, который был отрезан от основного потока, что, в свою очередь, сделало Газу «чрезвычайно приятным местом жительства для ученых людей»¹⁷⁵.

В отличие от декламаций, речи Хорикия, как и Прокопия, философский диалог Энея и эпистолярное наследие из-за своей специфики, сложно отнести к конкретному сюжетному виду. Но пространственный их обзор поможет выявить сюжетные линии и источник заимствования.

¹⁷⁴ Kaster R.A. Controlling Reason: Declamation in Rhetorical Education at Rome // *Education in Greek and Roman Antiquity*. - Leiden, 2001. - P. 321.

¹⁷⁵ Downey G. *Gaza in the early Sixth Century*. - Norman, 1963. - P. 112-113.

Рассматривая речи Хорикия, стоит упомянуть *Delphine Lauritzen*, которая провела анализ энкомия Маркиану. Первая ссылка, которую она обнаружила у ранневизантийского автора, относится к Аристофану. Это употребление точного глагола, «нарвать, собирать», то есть собирать поэтические отрывки, которые идут рука об руку. Важно отметить, что ссылка на Аристофана помещена в начале речи Хорикия. Данный сегмент, в свою очередь, имеет вводную функцию. Этот факт можно сравнить с известным феноменом, который касается поэтических прологов этого периода. *Alan Cameron* показал, что ямбические прологи, которые вводят фрагменты, написанные гексаметром, считаются более торжественным метром, характеризуются ритмом, который приближает их к прозе и определенной свободе тона. Однако это относительная свобода, поскольку она кодируется как тело самого стихотворения. Второй тип поэтической ссылки относится к эллинистическому поэту Феокриту, который реализуется в экфрасисе. И последнее, но не менее важное: Хорикий ссылается на Гомера. Эти ссылки, по преимуществу, являются самыми многочисленными и самыми разнообразными.

Интересно отметить, что они появляются в речи в середине и приобретают большое значение в конце. Так как гексаметр считался «серьезным» стихотворным размером, не случайно, что Хорикий «вводит» фигуру Гомера в тот момент, когда его речь достигает максимального раскрытия. Например, при описании церкви св. Сергия при приближении к концу (описание купола) заметен более адаптированный тон и переход от «легкого» Феокрита к «тяжелому» Гомеру [Chor.Or. 1. 34, 35]. Здесь Хорикий заимствует две цитаты из Одиссеи, где описывается прекрасный сад Алкиноя, царя феакийцев, который созерцает Одиссей [Hom.Od. 7.115 ~ Chor.Or. 1,21; Hom.Od 7.117 ~ Chor.Or. 1,35]. Поэтому выбор вполне уместен: поэтический экфрасис сада в Одиссее для панегирического экфрасиса сада св. Сергия в Газе. Там же упоминается и одна из самых значительных групповых фигур гомеровской поэ-

зии - сирены¹⁷⁶. Во II речи к Маркиану Хорикий говорит об образовании епископа. При этом он употребляет термин «поэтические врата», который заимствуется у Платона из сочинения «Федр», а в речи, посвященной Прокопию, Хорикий пишет о «палестре Гермеса». Это все синонимы грамматической школы¹⁷⁷. В Юношеской апологии X «В защиту мимов» Хорикий приводит свидетельства того, что в подражании нет ничего плохого. Причем, заметим, что примеры взяты из Илиады и Одиссея, где подражают боги, не то, что люди в его время. Он упоминает Афину, Деифобу, Афродиту, Посейдона, Ареса. И даже риторика – это подражание. Здесь он упоминает следующие имена: Платон, Софон. Также ритор приводит здесь отрывок из комедии древнегреческого комедиографа Аристофана «Лягушки». А XX отрывок вообще пренасыщен мифическими богами, причем Хорикий не называет их имена напрямую. Например, «прославлять бога – повелителя коней» имеется в виду Посейдон, «воспевать дочь Латоны» - Артемида, «они вина не пьют и смокв не едят» относится к богу Дионису¹⁷⁸. Все это говорит о том, что публика, к которой обращался Хорикий, была осведомлена кто эти люди и даже, возможно, знала их сочинения. Даже в чисто христианские сюжеты (например, энкомий Прокопию) Хорикий вводил имена персонажей классической мифологии, примеры из жизни исторических деятелей античных времен. По подсчетам Г.Л. Курбатова, Хорикий 274 раза упоминает Гомера, 356 раз Платона, 493 раза антиохийского ритора Либания¹⁷⁹.

Традиции классической риторики явно прослеживаются в Панегирике Анастасию. То, что сразу поражает читателя Панегирика, - тот факт, что все сравнения относятся к далекому, мифологическому, легендарному прошлому или, по крайней мере, к эллинистическому. Прокопий говорит, что импера-

¹⁷⁶ См.: Lauritzen D. Hermès et ses Muses dans le premier Éloge de Marcien par Chorikios // Coricio di Gaza e la sua opera. – Bari, 2014. - P. 93-98.

¹⁷⁷ Болгова А.М. Указ. соч. - С.51.

¹⁷⁸ См.: Хорикий. Речь в защиту тех, кто воспроизводит жизнь в театре Диониса // Памятники византийской литературы IV—IX веков / пер. Л.А. Фрейберг. - М., 1968. - С. 151—156.

¹⁷⁹ Болгова А.М. Указ. соч. - С.50.

тору присуще властолюбие спартанца, что его предок - Геракл, а через него – Зевс. Также он восхваляет родной город императора, Эпидамн, возможно, используя в качестве источника Фукидида¹⁸⁰. С другой стороны, Прокопий восхваляет благочестие Анастасия: он, как известно, проповедовал в Святой Софии, и ему была предложена должность епископа Антиохийского. Бог просто обозначается как «Вседержитель», а Император противопоставляется мифическому Эвмолпу¹⁸¹, который перешел от царства к священству после неудачи в качестве правителя. Другие персонажи, которые служат объектами сравнения и контраста с Анастасием, являются Александр Великий и Филипп Македонский. Он ссылается на диалог между Александром и индийским царем Пором, также упомянутым Плутархом¹⁸², и он заимствует выражения из Гесиода¹⁸³. Анастасий сравнивается и со спартанским царем Агесилаем. Среди других авторов наиболее заметны Фукидид, Исократ, Аристотель, Демосфен, Плутарх, Элий Аристид, Либаний, Фемистий и Юлиан¹⁸⁴. В целом, композиция произведения соответствует схеме Менандра, хотя он не показывает с ним связи¹⁸⁵.

Четыре главы [Proc. Op. XI, 18-21] показывают императорскую щедрость, проявляемую в различных городах государства, качество, за которое хвалят Анастасия¹⁸⁶. Первая из этих глав касается определенно «священного города», название которого не упоминается. Следующие две относятся к «городу, названному в честь Цезаря», видимо, Кесария Палестинская, и «город, названный в честь Александра», очевидно Александрия Египетская. Последняя глава посвящена Константинополю, по крайней мере, косвенно это можно установить, так как Прокопий посвящает всю свою похвалу строительству

¹⁸⁰ Chauvot A. Procopé de Gaza, Priscien de Césarée, Panégyriques de l'empereur Anastaseler. – Bonn, 1986. – P. 5-6.

¹⁸¹ Ibid. – P. 7.

¹⁸² Ibid. - P. 12-13.

¹⁸³ Ibid. – P. 23-24.

¹⁸⁴ См.: Kempen C. Procopii Gazaei In imperatorem Anastasium panegyricus: dissertatio inauguralis quam. - Michigan, 1918. – P. 18-37

¹⁸⁵ Chauvot A. Op. cit. - P. 114-116.

¹⁸⁶ Bury J.V. A History of the Later Roman Empire. Vol. I. – New York, 2011. – P. 447.

императором Анастасием знаменитой стены (Сам Гомер, как он говорит, увидев это, забыл бы о гневе Ахилла и позвал Муз, чтобы достойно чествовать его)¹⁸⁷.

Речь может быть датирована между 498 годом, когда Анастасий отменил налог (*chrysargyron*), и 501/502 гг¹⁸⁸. Поводом написания речи послужило освящение статуи правителя. Прокопий произнес панегирик перед толпой своих сограждан, которые теснились вокруг императорского изображения, выказывая уважение и сознавая, что «ощущают присутствие самого Императора через его образ» (концепция, укорененная в античном менталитете)¹⁸⁹. Не удивительно, что, как гимны, которые часто читались перед храмами или божественными статуями, хвалебные речи часто произносились рядом со статуей или изображением государя, покровителя или губернатора¹⁹⁰. В конкретном случае задача составления дискурса была предоставлена ритору *буле*, советом, состоящим из местной знати, для того, чтобы мероприятие было достойно празднования и дань статуе сопровождалось хорошим слогом.

Диалексис Прокопия о розе рассказывает о печальной любви Адониса и Афродиты (причем упоминается Афродита Урания - божественная любовь, противоположность ей Афродита Пандемос - земная любовь). Здесь же упоминаются Амуры, Зевс, Посейдон, Арес, Гермес, Гефест [Proc. Op. III]. Роза, как вытекает из речи, это плод любви. Когда-то она имела белый цвет, но по благословию Афродиты превратилась в то, что есть сейчас. Даже свадебные навесы были увенчаны ими, и символом Граций была роза. И это не случайно. Более того, смешиваясь в Дионисе, она представляет собой спасение для людей. Завершает же речь Прокопий следующими словами: «Ну, пусть Бог проявит милосердие и дарует нам вернуться снова, чтобы увидеть весну и похвалить розу» [Proc. Op. III, 4]. Интересно отметить, что история, осно-

¹⁸⁷ Jones C.P. Procopius of Gaza and the Water of the Holy City // Greek, Roman, and Byzantine Studies. – 2007. - № 47. — P. 456.

¹⁸⁸ Chauvot A. Op. cit. - P. 95.

¹⁸⁹ Rees R. Layers of Loyalty in Latin Panegyric: AD 289–307. – Oxford, 2002. – P. 13.

¹⁹⁰ Ando C. Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire. - Oakland, 2000. – P. 251.

ванная на этом мифе, находит отражение и в диалексисах о весне I, II, о розе, этопее об Афродите, а также в диалексисе Хорикия [Chor. Or. XVI] и в анакреонтическом стихе Иоанна Газского [Jean. Anacr. 6]

В диалексисе о весне вновь встречаются мифологические персонажи: Нерей и Пандион (причем Прокопий говорит об их дочерях, не называя конкретных имен), защитник пастухов Пан и пастбища Афродиты, возлюбленная Пана Эхо, Аполлон и его соперник в любви к Гиацинту Зефир, Дафна, Нарцисс и бог любви Эрос. Упоминаются и Гомер (Прокопий пишет о том, что он как будто слышит его стихи) [Proc. Or. I]. Они же повторяются и во второй речи Прокопия. В описании пейзажа Прокопий опирается на платоновский Федр [Proc. Or. II]. В этопее о пастухе не фигурирует из вышперечисленных богов только Дафна, но появляется мифическая история возникновения роз. И опять необычная концовка: «Наслаждаясь этими плодами сезона, я молюсь вместе со своим стадом, чтобы увидеть лето и что весна, безмолвствующая зима, сможет снова сиять для нас» [Proc. Or. IV, 5]. В речи о морской торговле речь идет, по преимуществу, о созвездиях, благодаря которым моряки находят путь: великий Орион, прикованной цепями Андромеде, Персею, поднимающего правую руку против морского монстра, Арго (имеется ввиду созвездие «Корабль Арго»).

На пути к Сицилии они встречают Харибду как Одиссей; Троя ассоциируется с прекрасной Еленой, а Кипр с покровительницей острова Афродитой; Аттика вызывает восхищение древними легендами. Здесь же имеется отсылка и на исторический сюжет, когда Прокопий упоминает об угрозе Ксеркса, о совершенном им насилии на суше и на море (т.е. речь идет о поражении в Фермопильской битве в греко-персидской войне 480-479 гг. до н.э.) [Proc. Or. V]. В основе необычного названия этопеи о Фениксе заложена IX песнь Иллиады Гомера. Это хорошо видно из упоминающихся в речи мифологических легендарных героях: правом союзнике Агамемноне (т.е. союзнике троянцев), Одиссее, Аяксе, Ахилле, Пелее, и, наконец, о Фениксе, который скорбит о судьбе греков и пытается примирить Ахилла и Агамемнона. Дан-

ный эпизод относит нас, таким образом, к посольству Феникса, Одиссея и Аякса к Ахиллу, где Феникс является предводителем посольства [Proc. Or. VII]. В отрывочном фрагменте панегирика стратигу Азиатикку, Прокопий упоминает 9 Муз [Proc. Or. X], но какую оратор призывает для похвалы можно только догадаться из-за отсутствия полного текста. На эту роль подходит как Муза Полигимния, покровительница пантомимы и торжественных гимнов, так и покровительницы эпической и лирической поэзии, Каллиопа и Эвтерпа, соответственно. Исходя из имеющихся источников, можно предположить, она вдохновляла не только Прокопия, но и Хорикия.

Особый интерес представляет сочинение Энея Теофраст, который являет значительное разнообразие затронутых в нем вопросов и обширность аргументации. В первой части представлена полемика против учения о предсуществовании и переселении душ, а во второй части излагается учение о бессмертии души и о воскрешении тела. В Теофрасте фигурируют три собеседника: Эгипт, Эвксифей и Теофраст. Теофраст Энея, вероятно, древний персонаж — знаменитый философ-перипатетик, который пользовался определенной известностью в имперскую эпоху: на него возлагается задача изложить позднеантичные идеологические течения. По мнению некоторых ученых, Теофраст скрывает за собой язычника Аммония, учителя неоплатонической философии в Александрии. Теофраст — это «тот, кто говорит о Боге», но о боге языческом, в то время как Эвксифей представляет христианскую веру в качестве «того, кто молится Богу». Название берет имя главного языческого собеседника диалога, как Аммоний у Захарии. Помимо мифологических и исторических сюжетов, здесь имеют место быть краткие изречения поучительно-философского характера — *гномы*¹⁹¹. Проблемы, рассмотрению которых посвящен диалог, определяют философский интерес Энея и его отношение к главнейшим философским направлениям: в нем выносятся на рассмотрение доводы в пользу бессмертия души и воскресения тела. Однако работа не включает в себе ни одного из внешних признаков, по которым его

¹⁹¹ Литературная энциклопедия. Указ. соч. - С. 83.

можно было бы без оговорок отнести к разряду произведений христианской литературы. Эней ни разу не употребляет имени Христа, не приводит текстов Св. Писания, не ссылается на отцов церкви и из всех догматов христианства говорит только о триединстве Бога, но и то в таких выражениях, которые заставляют подозревать влияние Платона. Влияние христианства на него следует признать не особенно значительным, так как в нем довольно сильны пережитки язычества: он клянется богами, обращается к Зевсу с просьбой, с полным убеждением говорит о тартаре, о нектаре и т.п.¹⁹².

Что касается античной философии, то обращает на себя внимание различное отношение Энея к Аристотелю и к Платону. Его ни в коем случае нельзя считать последователем Аристотеля. Он упоминает о нем всего два или три раза, и упоминает не как об учителе, которому он обязан своими воззрениями. Напротив, он ставит Аристотелю в упрек, что тот не признавал бессмертия души [Aen. Theor. 5; 47,1], а материю считал вечной. Следовательно, Эней расходился с ним в самых коренных для себя вопросах. Иным было его отношение к Платону. Хотя он порицал Платона за учение о переселении душ и указывал на противоречие в его учении о душе [Aen. Theor. 5; 47,1], тем не менее, можно указать немало пунктов, где воззрения Энея совершенно сходятся с воззрениями Платона. Он не думал скрывать это сходство, а наоборот, всякий раз его отмечает. Так он поступает, говоря о творении мира, о бессмертии души и во многих других случаях¹⁹³.

Вообще все мировоззрение Энея развивалось, несомненно, в духе и направлении Платона, а иногда и в прямой от него зависимости. От Платона он заимствовал ряд историко-философских экскурсов, в отдельных мелочах можно заметить следы его влияния. Первоначальный раздел Теофастра Энея содержит риторические аллюзии на Федра Платона, чтобы создать атмосферу открытости для платоновской философии. Федр начинается с того, что персонажи выбирают живописное место для последующего диалога. Герои дру-

¹⁹² Schalkhausser G. Op. cit. - S. 78.

¹⁹³ Ibid. - S. 81-82.

желюбно общаются и находят себе приятное положение в тени под деревом, чтобы начать свои этические и метафизические дискуссии [Plato. Phaedr. 1-4]. Встреча друзей, упоминаемая в Федре, параллельна диалогу Энея, поскольку старые друзья студенческих дней воссоединяются в Александрии, обсуждают состояние философии в Афинах - неоплатоническую крепость - и начинают сталкиваться с философскими проблемами, связанными с вопросом о существовании души. Диалог Энея задает дискуссии на берегах Нила, но намек на платоновский диалог помогает создать ощущение открытого разговора между христианскими и языческими философскими персонажами в начале эневского произведения. Таким образом, платоновский мир был перенесен на конец V века, и читатели могут рассчитывать на плодотворную философскую дискуссию между представителями различных интеллектуальных систем. Не подлежит сомнению знакомство Энея с Порфирием, Ямвлихом и другими представителями неоплатонизма. Но особенно говорит об этом знакомстве язык Энея: его философская терминология, классификация многих понятий, ряд эпитетов, прилагаемых им к Богу, сильно напоминают сочинения неоплатоников. Знакомство Энея с греческой философией этим не ограничивается: он сам упоминает Гераклита, Эмпедокла, Пифагора и некоторых других. Но влияние их на Энея ни в чем значительном не сказалось.

Как у опытного ратора, у Энея под рукой оказался широкий спектр литературных и мифологических материалов, которые он с успехом использовал в Теофрасте, чтобы украсить свои аргументы. Илиада Гомера цитируется особенно эффектно [Aen. Theor. 10,4], где его эпическое описание битвы (ситуация, где Зевс выводит с поля Гектора) служит для того, чтобы подчеркнуть разногласие между философами о предмете реинкарнации. В своей полемике с платоническими теориями реинкарнации Эней ссылается на Одиссею, когда сравнивает Одиссея с муравьем, и в интересном ключе цитирует гомеровский эпитет «шлемоблещущий», сравнивая Гектора, ключевую фигуру в Илиаде, с осой. В мифологической тематике Эней опирается также на многих других писателей, от Пиндара до Аполлодора. Например, одна из ре-

чей Евксифея [Aen. Theor. 62,2], включает в себя коллекцию историй о воскрешении из множества источников, включая библиотеку Аполлодора, неизвестную книгу эрудированного автора Евдокса Книдского (IV в. до н.э.) и древнегреческого историка и оратора Феопомпа. Другими важными литературными источниками являются Ксенофонт и Геродот. Когда дискуссия идет о пользе бедности для добродетельных, это означает, что на заднем плане стоит «Симпозиум» Ксенофонта, как это имеет место в случае сравнения боли Эвксифея с болью корня мандрагоры [Aen. Theor. 30,8]. Геродот также предоставляет множество исторических и мифических историй, которые оживляют аргументы в диалоге. Например, можно найти ссылки в его Истории на фракийских гетов [Aen. Theor. 34,11], поклонение Протею и Елене [Aen. Theor. 34,16-17], а вместе с поэтом Пиндаром - история воскрешения Аристея [Aen. Theor. 63,20]. Знание непонятного и удивительного одинаково важно для проявления пайдеи. В этом отношении Эней проявляет себя как писатель, обращаясь к образованной аудитории, которая будет ценить отсылки на такие фигуры, как Пифагор из Родоса [Aen. Theor. 54,4] или к причудливым практикам, таким как появление пчел из разлагающихся туш животных [Aen. Theor. 56,20-23]. Способность Энея обращаться с классической греческой культурой очевидна, тем более примечательно, что христианские источники не имеют особого значения в диалоге. Эней ссылается на Троицу только один раз, в богословском экскурсе [Aen. Theor. 44,1-45,4], и даже тогда пытается показать, как принципы христианской веры согласуются с учением Халдейских Оракулов, сборником эзотерических высказываний, имевший в свое время значительный авторитет для платоников. Для развития и ясного раскрытия своих положений Эней, наряду с диалектической аргументацией, пользуется сравнениями, аллегориями: из явлений природы и обыденной жизни человека он выводит посредством аналогии высшие отвлеченные истины.

Итак, содержание Теофраста разнообразится множеством изречений древних философов, мифами и преданиями. Обширное их применение при

изложении христианских истин и разборе теории переселения души свидетельствует о том, что Эней хорошо знал мифологию и древнюю философию и многое из них внес в свое сочинение, так как видел и в той, и в другой следы христианского учения¹⁹⁴. Создается впечатление, что таким образом Эней хотел оснастить нас своего рода синтезом современного ему комплекса научного знания, а кроме того, продемонстрировать нам свою хорошую квалификацию в качестве христианского философа. Он рассуждает о мире умопостигаемом и о мире чувственном, о демиурге и об акте творения, о духе и о материи, об учении, посвященном душе и об учении, посвященном промыслу Божию. Причем трудно установить, насколько велико было влияние, оказанное на него неоплатоником-язычником Гиероклом Александрийским. Вечность или сотворенность мира, смертность или бессмертие души были, очевидно, в то время вопросами, которые преимущественно привлекали к себе образованных людей, как греческое общество, так даже и за его пределами. Ими продолжали интересоваться и позже. Вопросы эти являются центральными в системе христианского мировоззрения, и такое же положение они занимают в системе неоплатонизма, который, однако, дает на них ответ, противоположный тому, какой мы находим в христианстве. Следовательно, выбор этих тем показывает, что Эней был близко знаком с неоплатонизмом. Например, учение о предсуществовании и переселении душ Эней рассматривает во всех тех видоизменениях, которые оно получило у Платона, Порфирия, Ямвлиха, Прокла и других. Но он, с другой стороны, обнаруживает большую стойкость в своих христианских убеждениях и по всем главным положениям неоплатонизма оказывается его непримиримым противником. На наш взгляд, христианский ритор многим обязан неоплатоническому учению, несмотря на то, что является его заклятым врагом.

В отличие от рассмотренных выше литературных жанров, ориентированных в большинстве своем на обучение в Школе риторики, рассмотрим

¹⁹⁴ См. Введенский Д. Э. Газский и его сочинение «Феофраст или о бессмертии души и воскресении» // Православный собеседник. – 1902. – № 4. – С. 1–18.

личную переписку риторов, где мифические сюжеты проявляются особенно иллюстративно.

Доминирующим тоном писем Энея является уверенность в социальном значении классического образования. Многие письма демонстрируют авторитетность в интеллектуальных способностях эпохи. Как подтверждение можно привести письмо о новом гидравлическом устройстве, где упоминается сад Алкиноя и используются другие ссылки на Гомера [Aen. Ep. 3, 5-9, 11, 17-20, 25]. То есть практически половина писем содержит отсылки к величайшему древнегреческому поэту. Антиохия, например, описывается в пылающих терминах как «город Муз», где отцы могут с радостью зачислить своих сыновей в ожидании их обучения аргументации и рассуждению [Aen. Ep. 17]. Антиохия блистательна: она ликует в своем древнем наследии, и благословение от Каллиопы, Аполлона и Гермеса означает, что классическая слава все еще существует в эпоху Энея [Aen. Ep. 17]. Эней пишет своему бывшему ученику Феодору, восхваляя мастерство его ораторского искусства и претендуя на некоторую славу для себя, поскольку «что красиво осуществляется детьми, действительно оценивается по отцам» [Aen. Ep. 18]. В этом письме Эней продолжает: «Да здравствует, поэтому, элегантность твоей речи, ради которой афиняне просили молодежь выучить чистый аттический язык не у отцов, а у сирийца <...>. Поэтому я получаю от тебя часть наград» [Aen. Ep. 18]. Обширные классические аллюзии и ссылки используются для ознакомления ученика с будущим благодетелем, как бы для того, чтобы заверить адресата, что студент говорит на том же языке, что и Эней и его друзья, и как таковой действительно подходит для работы. Итак, один студент, Понтон, передан на рассмотрение как «гимнаст», который обучился «боевому состязанию риторического искусства» и «уходит, как если бы он был хорошим атлетом, по дороге до Олимпии, уже хорошо подготовленный к конкурсу» и готовый «принять Олимпийскую победу» [Aen. Ep. 11]. Мастерство Энея в классической литературе и риторике, проявленное в хвалебных письмах, сделало его, так сказать, привратником, для высшего общества.

Культурные сюжеты, узнаваемые из классического мира об агонистических действиях, ясны из фразы Энея, который просит своего адресата, «члена консулов» «блестяще осуществлять руководство на играх и раздавать призы не за кулачный бой и борьбу, а за искусство говорить и мудрость» [Aen. Ep. 11]. О восхвалении и сравнении его [неизвестного] с гомеровским Одиссеем, а адресата с Алкиноем, речь идет в письме к Епифанию софисту: «Красиво жить и писать умеет тот, кому я вручил это письмо. <...>. Много городов повидав, он, как некий Одиссей, приходит теперь к вам, как к Алкиною. И он вам расскажет о своих скитаниях, как рассказывал Одиссей, а вы положите конец его странствиям и отправьте его домой, как это сделал Алкиной».

Письма также показывают следы социального перехода, которые затронули школы. Эней писал другу, некоему Кассу, призывая его остаться в городе и преподавать [Aen. Ep. 2]: «Когда Лаэрт был стариком, он больше не хотел быть королем и управлять людьми, но он хотел быть садовником и ухаживать за деревьями [~Hom. Od. XXIV]. Вы, кажется мне, подражаете этому человеку, иначе вы бы не покинули город и его жителей и долгое время не сидели на открытом воздухе, тратя свое время на разговоры с растениями. Но нужно вспоминать не Лаэрта, а скорее Сократа и его учения, в которых он философски и должным образом рассуждал о том, что места и растения, как правило, ничему не научат, а скорее мужчины, которые находятся в городах [~Plato. Phaedr, 5]. Подчиняясь Сократу, и, не обращая внимания на поля, где рабочие срывают плоды, которые являются бесплодием мудрости, напоминают о ваших знакомых школах, в которых можно учиться и учить определенную мудрость, а самое главное: угодить своим друзьям». Здесь Эней также опирется на классическую литературу, ссылаясь на Гомера и Платона. Даже в письме к пресвитеру Дорофею Эней использует отсылки на произведение Платона: «Толпа, как говорится, подходит к святыням грязными ногами, как тот лысый медник у Платона, который предстал пред госпожой закоптелым и вонючим. Ты же от одной святыни переходишь к дру-

гой, от философии к священнослужению. Тот, кто передаст тебе это письмо, тоже священнослужитель, значит, тебе друг. Он возлюбил тишину и когда услышал, - не знаю где, – что есть какая-то пустынная гора, посвященная богу и подходящая для тихого уединения, отправился на поиски ее. Но препятствует ему бедность и все связанные с ней бедствия, от которых ты можешь его избавить: распорядись, чтобы священники, живущие по пути к этой горе, помогали ему» [Aen. Ep. 21]. Отсылка на Республику Платона подтверждает тот факт, что классические аллюзии ценятся и можно ожидать понимания с другой стороны.

Тем не менее, интертекстуальная аллюзия далеко не проста. Платонический отрывок происходит из раздела Республики, где Сократ спорит о том, что произойдет с Философией, если философы покинут ее. Он утверждает, что, как только истинные философы покинут ее, Философия будет захвачена «второразрядными нарушителями», которые бросятся к ней «как толпа преступников, укрывающихся в храме» [Plato. Rep. 495c-d]¹⁹⁵. Произведение Житие Исайи подтверждает новые отношения между христианской мудростью и языческим обучением. Эней, которого описывают как «самого ученого и христианского человека (который известен) во всей его мудрости», говорил: «Часто, когда я сомневался в отрывке из трудов Платона, Аристотеля или Плотина, и не мог найти решения в своих комментариях или интерпретировать их один, я спросил (Исаию), и он просветил меня ... Таким образом, он также опровергал их ложь и укреплял правду христианского учения» [Zach. Vita Isaiae, 8]. Исайя здесь представлен как философ-монах, аскет, который лучше разбирается в философских аргументах, чем обученные интеллектуалы. Это, в свою очередь, инвертирует стандартный литературный образ хри-

¹⁹⁵ Champion M.W. Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-antique Gaza. – Oxford, 2014. – P. 47.

стианского аскета, который избегает классической философии для практической мудрости христианского аскетизма¹⁹⁶.

В седьмом письме Эней пишет схоластику Диодору, восхваляя поэта по имени Геродот, который превосходит Орфея, очаровавшего природу своей лирой, и, гомеровского Тамириса, который гордился тем, что он может петь как Музы [Aen. Ep. 7]. Поэзия Геродота включает мир между Энеем и Диодором, который представлен как дружелюбный [Aen. Ep. 22]. Эней просит Диодора охранять их дружбу симпатией, благосклонностью, наслаждением, рукоплесканием и похвалами, создавая «священный театр» и «запрещенную комедию». У нас появляется намек на то, что не все формы классического дискурса были приемлемы в Газе, и мы можем увидеть более раннюю версию конфликта из-за газских мимов, известного из речи Хорикия в их защиту¹⁹⁷. Выражение «священный театр» может быть воспринято в свете актуальных на тот момент прений о том, разрешат ли театральные постановки в христианской Газе. В письме к Сарапиону, Эней вновь возвращается к образу театра [Aen. Ep. 16]. Письмо Сарапиона к Энею соединяет зрителей в театр и вызывает рукоплескания, что является убедительным аргументом в пользу риторики в ответ на письмо Энея, в котором он, по-видимому, «признался в любви к риторике, надеясь получить лекарство» от Сарапиона. Почему ритору нужно признаться в любви к риторике? И зачем ему нужно лекарство? Без предыдущего письма Энея или ответа Сарапиона, ответы на такие вопросы остаются вне нашего понимания. Но в остальной части письма Эней демонстрирует, что ответ Сарапиона действительно «укрепил, а не растворил» его любовь к риторике. Но это не главное, что нас интересует. Он начинает с выражения сочувствия «трагическому событию», которое заставило его затопить «саму землю слезами». Эней пишет, что «нас уничтожают тем же источником, которым мы должны были быть спасены» в битве «начатой свя-

¹⁹⁶ Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity / ed. T. Hagg, P. Rousseau . – Berkeley, 2000. – P. 118.

¹⁹⁷ Webb R. Demons and Dancers: Performance in Late Antiquity. – Cambridge, 2008. – P. 7.

ценниками, теми, кто проповедует мир». В этом письме библейские аллюзии смешиваются с классическими. Представляет интерес и письмо пресвитеру Стефану: «Не в первый раз я говорю с тобой, мы беседовали и раньше. Было это над Нилом, на берегах которого мы вместе весело служили музам. Речь была очень серьезной, но в то же время шутилой и забавной. Спор о красоте: судьями были греки, а состязались между собой Нирей, красивейший из земнородных, и Терсит, худший из всех, кто пришел под Трою. Очаровательней всего было то, что Терсит считал себя более красивым и ... ему действительно была присуждена награда; и этому не помешал даже насмешливый рассказ Гомера, который описывает каждую часть тела Терсита, подчеркивая ее безобразие и издевается даже над его волосами. Вот как ты когда-то шутил со своими слушателями! А теперь, как я слышал, ты стал серьезным, проповедуешь в храмах прекрасное учение и своим словом упорядочиваешь нравы сограждан» [Аеп. Ер. 15]. Отсылки относятся к традиционному классическому утешению, вновь подтверждая силу классической культуры как механизма преодоления дистанции между корреспондентами¹⁹⁸.

Современник Энея, Прокопий Газский, обладал не менее сложным и весьма риторическим языком, что буквально вторит его обширной культуре. Рассматривая сочинения, можно сделать вывод, что язык Прокопия постоянно колеблется между буквальным и метафорическим. В его произведениях присутствует смесь древних и современных терминов, языческих и христианских выражений, а также очень частые ссылки и аллюзии. Его письма адресованы его ученикам и важным сверстникам. Мифологические персонажи - Ахилл и Одиссей, а также Музы и Грации - появляются регулярно. К упомянутым авторам относятся Гомер, Гесиод, Солон, Еврипид, Пиндар, Геродот, Фукидид, Платон, Демосфен, Исократ и Эпиктет. В одном письме он фактически представляет себя как некто, кто подражает Геродоту, Фукидиду

¹⁹⁸ См. подробнее: Болгов Н.Н., Лопатина М.Ю. Письма Энея Газского // Научные ведомости БелГУ. - 2017. - № 15 (264). - С. 39-46.

и Демосфену¹⁹⁹. Несмотря на насыщенность писем классическими элементами, ему, конечно, давалась высокая оценка со стороны адресатов.

Использование классического дискурса Энеем, Покопием, Хорикием говорит о такой модели человеческих отношений, где «имена богов и героев служат ... как утверждение высоких культурных ценностей, к которым стремятся участники (в процессе завоевания пайдеи)²⁰⁰. Таким образом, мифологические сюжеты использовались потому, что образованные люди знали и наслаждались мифическими историями. Эти знания и наслаждение являются частью того, что связывает образованный класс, независимо от их предпочтительной религиозной идентичности, вместе. Поэтому даже в похвале епископу Газы Маркиану (VI в.) Хорикий пишет: «когда вы были молодым человеком, вы отщипывали от поэтов лучшие части и собирали все, что было полезно, радуясь мифам и считая, что они были построены гомеровскими писателями для простого наслаждения» [Chor. Or.1, 6]. Хорикий использует в своем энкомии язык Гомера «не для его повествования, а для того, чтобы хвалить самого епископа» [Chor. Or.2, 2]. А, например, сходство между письмами Энея и письмами более ранних авторов античного периода частично свидетельствует о сохраняющейся ценности классических дискурсов. Однако в случае с Энеем они были соответствующим образом трансформированы и поняты в рамках христианской основы. *R. Scott* определил для VI века форму, претендующую на приверженность классическим практикам и идеологиям, но одновременно действующую по-новому. Этой культурной схеме соответствует использование неоплатонических аргументов христиан против неоплатоников для создания новых интеллектуальных систем²⁰¹.

Не менее интересно, написанное с картины, стихотворение Иоанна Газского. Как было утсановлено в предыдущем параграфе, в основе своей, он

¹⁹⁹ Procopii Gazaei. Op. cit. - P. 77.

²⁰⁰ Roberts M. The Use of Myth in Latin Epithalamia from Statius to Venatius Fortunatus // Translations of the American Philological Association. – 1989. – Vol. 119. – P. 341.

²⁰¹ Scott R. D. The Classical Tradition in Byzantine Historiography // Byzantium and the Classical Tradition. – Birmingham, 1981. – P. 73.

подражал египетскому поэту Нонну Панополитанскому. Описание начинается с христианского введения, в середине поэмы автор описывает воздвижение Креста²⁰², что в целом бы позволило отнести стихотворение к христианской литературе, но оно насыщено аллегориями и персонификациями. В начале упоминаются обстоятельства создания стихотворения [Jean. Tab.1-25], затем следует гексаметрический пролог, состоящий из двух гимнов, один из которых адресован поэтическим божествам [Jean. Tab. 26-43], а другой – Богу Космоса [Jean. Tab. 44-53]. Описание... отражает шестьдесят персонификаций космических сил, разделенных на две группы и находящихся в определенной иерархии относительно друг друга (приложение 5). В первой части описывается Крест и Троица [Jean. Tab. 54-69]. Группа Солнце (I) включает:

1. Небо, солнечный диск, Мудрость и Превосходительство, Атлас, а также переход в гармонию мира [Jean. Tab. 70-161];
2. Время [Jean. Tab. 162-204];
3. группа звезд включает вечернюю Звезду, Колесницу и Луну [Jean.Tab. 205-249];
4. Четыре Ветра [Jean. Tab. 250-296];
5. Океан в сопровождении быка и морского чудовища, Бездны и ангела [Jean.Tab. 297-339];
6. Аврора и двенадцать часов дня [Jean. Tab. 340-385].

Короткий промежуточный ямбический пролог затем вписывается в текст прерванной декламации, который происходит в середине дня [Jean.Tab. 386-389]. Промежуточный гексаметрический пролог на тему цветения роз [Jean.Tab. 390-395] позволяет перейти ко второй части стихотворения, которое содержит описание:

7. Группа Земля, соединяющая главные фигуры - два ангела, два змея, двое детей-плодов и две персонификации почвы [Jean. Tab. 396-453];

²⁰² Дауни Г. Газа в начале VI века / пер. с англ. и сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова. – Белгород, 2014. - С. 68.

8. Океан сопровождается ангелом, различными рыбами и морскими существами, а группа Гроза включает тучу, двое детей-дождей, две женские фигуры (гром и молнию) и трех ангелов [Jean. Tab. 498-558];

9. Радуга, которой, как и для Времени, посвящен определенный переход [Jean.Tab. 559-591];

Группа Солнце (II) включает [Jean. Tab. 592-702]:

1. Утренняя звезда;
2. Птица-феникс;
3. Две полные чаши;
4. Рассвет;
5. Восток;
6. Ночь;
7. Четыре сезона года.

Стихотворение заканчивается заключительной триадой, которая включает в себя Эфира, венчающего лавром, победителя Природы, фигурирующего в облике льва [Jean. Tab. 703-732]. В целом, Иоанн представляет Космос как божественное существо, которое создается не из ничего, как христианский Бог, а из предсуществующей материи, как в платоновской традиции²⁰³. В этой области также можно ожидать интересных результатов из сравнения лексики *Tabula mundi* Иоанна с теологической поэзией оракулов. В работе Иоанна обнаружены теологические принципы синкретизма, типичные для позднеантичного язычества, под влиянием неоплатонизма²⁰⁴.

Иоанн цитирует выражения и целые стихи из Нонна. У каждого гексаметра есть хотя бы одно или даже несколько ссылок на египтянина. Иоанн цитирует как Деяния Диониса (316 точно идентифицируемых цитат), так и Парафраз (32 точно идентифицируемых цитаты). Если учесть соответствующую длину этих двух работ, расхождение оказывается незначительным.

²⁰³ Piccardi D.G. Poesia e filosofia in Giovanni di Gaza // *L'École de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité tardive*. – Paris, 2017. – P. 143.

²⁰⁴ Ibid. – P. 149.

Сравнительно говоря, Иоанн цитирует Дионисиаку в два раза больше, чем Парафраз. Но стихотворение Иоанна не является бессмысленной последовательностью отрывков и беспорядочно сложенной «добычи», украденной у великого поэта, - это реконструкция, авторство которой целиком принадлежит ее новому архитектору.

С точки зрения структуры, Деяния Диониса и Парафраз Нонна, с одной стороны, и Описание... Иоанна, с другой стороны, не имеют ничего общего. Иоанн использует ямбические прологи, не найденные у Нонна и у других современников. Но два первоначальных гексаметрических вступления Иоанна [Jean. Tab. 25–53] заимствуют несколько тем и формулировок у Нонна. Здесь можно упомянуть классический призыв к Музе [Nonn. Dion. 1.1; 1.45; 25.1; 25.264] и Музам [Nonn. Dion. 1.11; 25.18], которым помогает Вакх [Nonn. Dion. 1.34]: Иоанн же переработал их в хор поэтических фигур, включающий Сирены, Муз и Аполлона [Jean. Tab. 26–43]. Промежуточное ямбическое вступление Иоанна, описывающее перерыв в полдень [Jean. Tab. 386–389], сопровождается промежуточным гексаметрическим вступлением на весенние розы [Jean. Tab. 390–395]. Здесь тоже Иоанн создает свою собственную вариацию, объединяя два типа вступлений, эпический тон Нонна, адаптированный к более точным обстоятельствам. Более того, Иоанн не подражает содержанию стихов Нонна. Деяния Диониса - это рассказ, посвященный мифологическому материалу, а Описание является экфрасисом аллегорических фигур. Существенное несоответствие поразительно. Деяния Диониса посвящены эпическим делам бога вина, Парафраз перерабатывает библейский текст, а Описание рассказывает о мире, изображенном в виде персонификаций. Уникален и философский аспект его стихов. Иоанн не пытается построить неоплатоническую систему и не дает точной христианской интерпретации изображения. Ни Айон (сказочный мир), ни упоминание о Совете Эфеса не являются конкретными или спорными. Цель поэта - наилучшим образом выполнить свое обязательство, удостоверившись, что покровители (местные элиты), получатели (должностные лица, получающие похвалу) и

зрители (люди и ученые) довольны тем, как он преподносит свой предмет в стиле современной поэзии²⁰⁵.

Газа была благоприятным местом для «экспорта» поэзии Нонна в начале VI века. Во-первых, сама деятельность Иоанна Газского, который читал работы Нонна и смог впоследствии подражать новому стилю. И факт того, что он был грамматиком, говорит в пользу его литературных способностей. Во-вторых, поэзия Нонна столкнулась с аудиторией Газы, которая могла понять и оценить ее. Более того, лучшая византийская коллекция античной поэзии не ошибалась в отношении между поэтом Египта и Газы: Палатинская антология первоначально включала Парафраз Нонна вместе с Описанием Иоанна²⁰⁶. Таким образом, Иоанну удалось адаптировать античную технику Нонна в соответствии с конкретной христианской средой Газы. Преемники, возможно, не превзошли своего учителя, но пестрота, присущая Нонну, распространилась на всех его потомков.

Из вышесказанного можно заключить, что оптимистическая оценка современных достижений классической пайдеи не только дает авторам Газы уверенность в занятии неоплатонизмом, схоластической, риторической и поэтической деятельностью, но также побуждает их к переделке во что-то новое. Не менее интересным фактом является то, что христианская риторика была известна как классической традицией, так и библейским собранием²⁰⁷. Это хорошо прослеживается в сочинениях Прокопия: в своих профанных произведениях он никоим образом не ссылаясь на Библию; в своих библейских комментариях мы не видим ссылок на Гомера. Будучи традиционным софистом, он строго следовал правилам каждого жанра. Например, в панегирике было важно сравнить человека, которого хвалят, с персонажем из мифологического прошлого. Он не проводил сравнение между Императором и царем Давидом, не только из-за разнородной аудитории, но и потому, что это

²⁰⁵ Lauritzen D. Nonnus...P. 423-429.

²⁰⁶ Ibid. - P. 433.

²⁰⁷ Amirav H. Rhetoric and Tradition: John Chrysostom on Noah and the Flood. - Leuven, 2003. - P. 4.

просто не было характерно для этого жанра. И согласно принципам интерпретации его софистской школы и правилам вопросно-ответного жанра, нужно было объяснять Гомера на основе Гомера, что влекло за собой объяснение Библии на основе Библии. Прокопий пользовался большим авторитетом, и его декламации слушались публикой с энтузиазмом. Очарование публики, вызванное искусством слога Прокопия, также подтверждается Хорикием, который в то же время дает полное описание деятельности учителя в области учения риторики. В своем надгробном слове о Прокопии Хорикий описывает его как отличного софиста. Ученики Прокопия не переносили ничего, кроме чистого аттического языка, не любили посторонних мыслей и плохого ритма или композиции. Среди его речей были и такие, где он как оратор удивительно показал, что юноши любят разглагольствовать, и он очаровывал своим словом даже прохожих. Аудитория Прокопия предстает как сообщество, которое разделяет те же нравственные ценности и культурные вкусы, что и он. В рамках этого сообщества искусство Прокопия находит свое оправдание: он является «софистом», то есть, арбитром красноречия и, в то же время, высокоморальным человеком, христианином, который может вести своих современников в нужном направлении, напоминая им о добродетельных примерах. Картина образов адресатов Прокопия, предстающая в его письмах, совпадает с описанием Газы и аудитории ратора как «роя мудрых пчел», который колеблется между языческим наследием и христианской духовностью. Заметим, что Хорикий считал его реинкарнацией Демосфена [Chor. Or. 7, 7-10], но при этом отмечает, что Прокопий также сыграл не последнюю роль в распространении христианства и консолидации местной Церкви, хотя он никогда не примерял церковное платье [Chor. Or. 7, 18-19].

Преемник Прокопия, Хорикий, играл в образовательном и административном управлении местной школы риторики важную роль, и его связь с важными современными представителями церкви и императорского трона косвенно подтверждает значение его деятельности и успеха как оратора и учителя риторики. В произведениях Хорикия обнаруживается необычайно

риторская отделка, а кроме того, необыкновенная насыщенность греческими цитатами. На их долю приходится в некоторых местах почти половина текста²⁰⁸. Хорикий писал только в риторическом стиле, поэтому его по праву можно назвать аттицистом. По сути, если не знать времени и обстоятельств жизни этого ритора, многие его тексты будут казаться чисто античными. Фотий утверждал, что Хорикий все еще был связан с «истинной религией», так как в его речах использовались мифы и языческие рассказы из классической традиции. Но если он не использует христианские имена или термины, даже когда декламирует похвалу епископу Маркиану, это не говорит об отрицании его приверженности к христианству.

Его сочинения были ценны для преподавателей риторики в качестве образца, который приводят в пример ученикам, показывая особенности стиля и языка. Например, практика декламаций требовала создания целостного, вымышленного мира. Опора античных методов аргументации на правдоподобные и вероятные означала, что практические речи должны были быть установлены в мире, где действия определенного характера можно было бы считать вероятными или маловероятными и где имелся аналогичный набор моральных ценностей для тех, кто имеет отношение к реальному миру ораторов и аудитории. Результатом является самодостаточная вселенная, населенная персонажами, чей нравственный облик и действия в значительной степени продиктованы исторической и литературной традицией, из которой они происходят²⁰⁹. Сценарии многих декламаций основаны на канонических текстах классической Греции, поэтому все они использовались долгое время в качестве источников для многих ораторов своего времени. Традиционно, ситуации заимствовались либо из греческой истории (категория, которая могла включать Троянскую войну), либо из набора типичных сценариев, связанных с персонажами - скрягой, героем, убийцей-тираном и др. И Эней, и

²⁰⁸ Фрейберг Л.А. Античное...С. 21-22.

²⁰⁹ Heath M. Hermogenes On Issues: Strategies of Argument in Later Greek Rhetoric. - Oxford, 1995. - P. 31.

Прокопий, и Хорикий использовали ссылки на Гомера. В этом нет ничего удивительного. Наоборот, это приносило своего рода успокоительный комфорт, который должен легко резонировать в аудитории. Прочитать Гомера в Газе в VI веке - значит сослаться на традицию, а в более широкой перспективе - возвращение к источникам великой классической риторики. Как мы видим, софисты Газы цитирует только классику и особенно классическую классику – Гомера²¹⁰. Среди других авторов, в первую очередь, стоит отметить оратора Демосфена, Геродота и Фукидида, являющихся риторическим источником, а Платон рассматривается как образец стиля и источник для извлечения рассуждений, аргументов, примеров. Наряду с ними, например, Хорикий обращался и к поздним авторам – к Либанию.

Таким образом, декламации Хорикия иллюстрируют полный спектр персон: персонажи Троянской войны (Приам, Полидам и Патрокл), персонажи классической истории (Мильтиад и спартанец современника Праксителя), и общие персонажи, населяющие классический полис и дающие обобщенное представление о нем (молодой герой, его скупой отец, воин, оратор). Из этого следует, что гомеризм и аттицизм в Газе в начале VI века шли рука об руку. Такие условия сохранения антикизирующих авторов в ранневизантийском городе, кроме того, также являются общими и для других писателей, воплотивших некоторые важнейшие основы для сохранения классической традиции в Византии.

²¹⁰ Lauritzen D. Hermes... - P. 99.

Глава III. Проявление классической традиции в материальной культуре

1. Планировка города

Коренным рубежом для истории всего римского мира можно назвать первую четверть IV века, в результате чего в городах, начались преобразования, которые затронули все их будущее. Одной из ключевых проблем является формирование облика ранневизантийского города, и наша задача состоит в том, чтобы рассмотреть какие античные элементы топографии города впитала новая христианская культура и что привнесла нового.

Античная эпоха разработала главные принципы и приемы не только архитектурного искусства, но и выбор места для основания городов, их территориального устройства и планировки, и что наиболее важно - учет влияния природных условий. На территории Газы не проводилось систематических археологических исследований, но имеющиеся данные о топографии и городском ландшафте города в позднюю античность многочисленны и разнообразны. Их можно извлечь из описаний европейских путешественников XIX века, из античных изобразительных источников, например, Мадабской карты с указанием на Газу, а также некоторых литературных источников. Отчеты путешественников XIX века, посещавших город, содержат описание Газы как исключительно благодатной территории, утопающей в оливковых рощах, фруктовых садах и парках²¹¹. Первые путешественники исследовали и фиксировали древние архитектурные фрагменты, и у них не вызывало сомнения, что современная Газа лежит на месте римского и византийского города²¹².

В настоящее время трудно поверить, что город Газа был одним из самых процветающих и крупнейших городов Палестины в римское и византий-

²¹¹ Robinson E. *Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia*. Vol. III. – Boston, 1841. – P. 375-376.

²¹² Guerin V. *Op. cit.* - P. 178-179.

ское время, а в V и VI веках - литературный и риторический центр, репутация которого привлекала учеников со всего мира. Развитие города Газы, в прошлом имело благоприятное положение не только из-за порта Маюма, но и благодаря своей чрезвычайно плодородной почве.

Одна из проблем, волнующая исследователей, заключается в том, что в Газе почти не проводилось археологических раскопок. Античные здания в более поздние времена использовались в качестве «каменоломен». От знаменитой Евдокиевой церкви, построенной ок. 402 года на месте разрушенного святилища в честь языческого местного бога Марнаса, для которой императрица Евдокия пожертвовала 32 колонны из зеленого мрамора, ничего не сохранилось. Главным визуальным источником для анализа планировки города Газы и топографии прилегающей к ней территории в византийский период является карта из Мадабы, мозаика из церкви этого иорданского города²¹³. Ее первоначальный размер составлял 15,6 x 6 м. На ней изображена Святая Земля, а Средиземное море на переднем плане является границей изображения. Газа показана как второй по величине город после Иерусалима. Карта была изготовлена в VI веке²¹⁴, и, видимо, полагалась, хотя и не полностью, на «Ономастикон» Евсевия для обозначения топонимов²¹⁵. В дополнение к основному архитектурному плану каждого города, некоторые важные строения содержали изображение. При этом художник стремился придать особый характер каждому региону. Несмотря на то, что карта обозначает византийские города и их церкви, архитектурный план каждого города, изображенного на карте, берет свое начало не в середине VI века²¹⁶, а ранее. Раскопки на различных участках территории древней Палестины ясно показывают, что основа планировки городов, построенных в римский период, находилась в непре-

²¹³ Avi-Yonah M. The Madaba...P. 18-20.

²¹⁴ Ibid. - P. 16-18.

²¹⁵ Ibid. - P. 28-32.

²¹⁶ Pullan W. The Representation of the Late Antique City in the Madaba Map // Madaba Map Centenary. - Jerusalem, 1999. - P. 165-171.

рывном использовании (с некоторыми изменениями, касающимися религиозной сферы) на протяжении всего византийского периода²¹⁷.

К моменту ее открытия, карта была сильно повреждена, но раздел с изображением Газы и ее окрестностями частично сохранился: восточнее изображения Газы остались буквы AZA. Город представлен как один из крупнейших на карте, не считая Иерусалима. Газа была построена на круглом холме, который расположен на высоте 30 м над уровнем моря²¹⁸. Другой холм, известный как Али-Мунтар, возвышается к юго-востоку от Газы²¹⁹. Стоит отметить, что наличие возвышенности все еще остается заметным в нынешнем городском пространстве. Наличие возвышенности играло важную роль при строительстве, как греческих городов, так и римских. Обращаясь к трактату «Об архитектуре» римского архитектора Витрувия (I в. до н.э.), мы также можем заключить, что главным правилом при постройке города оставалась возвышенное место, не туманное, не морозное, обращенное к умеренным странам света [Vitr.De archit.I.IV,1].

Древнегреческими философами Платоном и Аристотелем было высказано мнение о том, что центр города предпочтительно должен быть расположен не далеко от моря, но не на побережье. Указание на положение в отношении Газы к морю соответствует действительности «идеального города» в представлениях античных философов. Современный город Газа находится в южной части прибрежной равнины, примерно в 5-6 км от моря²²⁰. Мадабская карта указывает на существование морского порта Маюма или Маюмас – античного центра торговой жизни, находившегося примерно в 6 км от Газы. Впервые он упоминается в Зенона папирусе (259 г. до н.э.). Маюма функционировал как порт Газы, но с началом христианской эры был признан на неко-

²¹⁷ Watson P. The Byzantine Period // The Archaeology of Jordan. - Sheffield, 2001. - P. 484-486.

²¹⁸ Guerin V. Op. cit. – P. 179.

²¹⁹ Conder C.R. The Survey of Western Palestine. Vol. III: Judaea. - London, 1970. – P. 238.

²²⁰ Ibid. - P. 235.

торое время независимым городом и носил греческое название Νεαπόλις²²¹ (Неаполис - «новый город»). Но такое прочтение совсем не бесспорно. Ни один другой источник не дает имя Неаполис для Маюма. Единственной альтернативой названию Маюма в литературных источниках является Констанция, названный так Константином Великим, когда он возвел его в статус полиса. Но Созомен отмечает, когда приказ Константина был отменен Юлианом, городу возвращено прежнее наименование [Soz.H.E.,V,3]. Из самой карты, например, не ясно, что надпись относится к Маюма (поврежденная надпись ΚΑΙΝΕΑ). Но, Хорикий Газский упоминает, что «ценность города покоится на гармонии и смешивании бризов, равномерно распределенных в течение года, элегантности зданий, умеренном характере жителей. Таковы характеристики города – Газы <...> Земля на самом деле способна производить для жителей все, что рождается в зависимости от сезона года. Море, расположенное неподалеку от города, своим биением волн не нарушает процесс наслаждения хорегией» [Chor.Or.2,5-6]. Понятие умеренного климата, характеризующее гармоничным чередованием времен года, происходит из наблюдений гиппократовой школы. Он стал типовым мотивом хвалебной песни для города или региона, используемый, в частности, Элием Аристом, Либанием, Василием из Селевкии, а также авторами из произведения «Описание всего мира и народов»²²². Это также говорит и о правильном расположении города у моря. Город не может быть здоровым, как и жители, если он обращен на юг (летом в полдень небо пылает от солнца) или запад (летом в полдень воздух нагревается, а вечером - раскален) [Vitr. De archit. I.IV,1].

Небольшой фрагмент, из сохранившегося изображения города западнее Газы, показывает несколько красных крыш зданий и широкую улицу, соединяющую их в правом углу. Центр, по всей видимости, был не огорожен сте-

²²¹ Avi-Yonah M. The Madaba...P. 74-75.

²²² Saliou C. L'orateur et la ville: réflexions sur l'ap port de Chorikios à la connaissance de l'histoire de l'espace urbain de Gaza. - Salerno, 2005. - P. 172-174.

ной, тем не менее, ворота показаны в конце главной улицы. Тот факт, что Маюме дано детальное изображение, а не просто представлено в виде двух или трех возвышающихся ворот, как большинству из небольших городов и деревень на карте, является доказательством его размера и значимости в византийский период. Сама надпись расположена не рядом с изображением города, а ближе к Газе. Необходимо отметить, что для карты нехарактерно, чтобы надпись размещалась под изображением, к которому она относится. Тем не менее, порт существовал, имел жизненно важное торговое значение и продолжал способствовать прибыльной торговле в византийский период. Благодаря порту, Газа могла наслаждаться всеми преимуществами морского города, и, в то же время, она была в состоянии защитить себя от некоторых из худших особенностей опасной приморской военной жизни²²³. Такие характеристики местности Газы соответствуют характеру здорового расположения города по Витрувию [Vitr. De archit. I.V,1].

На Мадабской карте (VI в.) город Газа изображен с высоты «птичьего полета», где хорошо просматриваются здания, портики и дороги. Сохранилась только южная половина города. Этого вполне достаточно, чтобы показать, что Газа была выложена по римской городской планировке, с главными улицами, идущими с севера на юг и с востока на запад, пересекаясь в центре. Эти улицы ведут к воротам городской стены и покрыты портиками, которые представлены белыми колоннами и красными крышами. В центре города, где улицы пересекаются, расположен большой прямоугольник, открытое пространство, агора (αγορά) или форум, являющийся центром общественной жизни не только в античный, но и ранневизантийский период. Другие, небольшие форумы видны в юго-восточной части города. Ритор Хорикий Газский упоминает о проведении многочисленных общественных развлечений для горожан в VI веке на форумах Газы [Chor. Or. 1, 83-89]. План улиц Газы, составленный *Gatt's* в 1887 году, показывает значительную степень сходства

²²³ Дауни Г. Газа в начале VI века. Указ соч. - С. 33.

с планом города на карте из Мадабы²²⁴. Главные дороги, идущие с севера на юг и с востока на запад, остались без изменений, и даже большой центральный форум на Мадабской карте, по-прежнему, виден на плане *Gatt's*. Несмотря на частичные постройки, он по-прежнему, использовался в качестве центрального рынка города. Главные улицы выложены портиками, которые ясно видны на Мадабской карте, что не противоречит канонам римского градостроительства в имперский период и в позднюю античность²²⁵. К северо-востоку от этого форума на Мадабской карте изображено прямоугольное открытое пространство меньшего размера, с навесным портиком с трех сторон. В том же самом месте на плане *Gatt's* изображен такой же прямоугольник со зданиями. Последние фотографии с карты, после ее реставрации в 1965 году, показывают некую структуру в центре форума, возможно, с куполообразной крышей. Существует мнение, что это были часы, стоящие в центре Газы²²⁶.

В жизни античного римского общества важную роль играли различные зрелища: травля зверей, гладиаторские бои, гонки на колесницах и др. Для проведения подобных мероприятий требовались специальные сооружения. Поэтому, римские игры и спектакли занимали важное место в архитектурном плане городов античной Палестины. Здания для развлечений впервые были построены во многих местах при Ироде Великом (I в. до н.э. – I в. н.э.). На Мадабской карте в верхнем юго-восточном углу Газы находится большая полукруглая структура. Это может быть местом расположения театра²²⁷, она имеет красную границу, которая обычно представляет собой черепичная крыша, а черно-белым узором внутри нее могут быть обозначены колонны. Полукруглое сооружение в Газе, в целом, соответствует описанию классической театральной конструкции. Здание театра было построено на окраине города, благодаря наличию естественного склона, который имел важное конструкторское значение. Здание на карте ориентировано на север, как это

²²⁴ Gatt G. Op. cit. - S. 149.

²²⁵ Clermont-Ganneau C. Op. cit. - P. 384.

²²⁶ Donners H. Mosaikkarte von Madeba. - Wiesbaden, 1977. - S. 158-159.

²²⁷ Avi-Yonah M. The Madaba...P. 74.

обыкновенно бывало в других частях региона. Добраться до него можно было с помощью короткой дороги, идущей от главной колонной улицы с запада на восток. Аналогичная ситуация наблюдалась с театрами в Неаполе и Бостре. Местоположение, ориентация в пространстве и архитектурные детали указывают на идентификацию полукруглого сооружения, фигурирующего в изображении на Мадабской карте, как театра. Это сооружение было отражено на мозаике в фактическом месте его строительства, скорее всего, в римский период; то же здание продолжало использоваться и в византийский период. Относительно расположения ипподрома, на сегодняшний день, сведений нет: здание до сих пор не обнаружено. Но с достоверностью можно сказать, что еще в IV веке колесничные бега были популярны среди газийцев, о чем свидетельствует Иероним Стридонский [Jerom, V.H. 20]. А в VI веке гонки на колесницах косвенно упоминаются Прокопием в экфрасисе «Федра и Ипполит», где речь идет о «фигуре покровителя в консульском платье <...> учредителя конных бегов» [Proc. Or. IX,42]. В силу особенностей изображения картины (см. глава 3, § 3), можно предположить, что та самая фигура покровителя и есть Стефан, консул провинции Палестина в VI веке.

На карте показаны небольшие города и деревни в этом районе, а также большая церковь мученика Газы Виктора, расположенная между Газой и Маюмой. Однако интерпретация структур, видимых на карте, возможна только с помощью письменных источников, которые рассказывают нам что-то о городе. Для первой половины V века - это сочинение Марка Диакона, верного соратника епископа Порфирия, который энергично продвигал христианизацию в городе, а в VI веке – сочинения ритора Хорикия Газского.

В нижней, юго-западной части города, вырисовывается большое здание, которое *Avi-Yonah* описывает как крестообразную церковь, хотя нет никаких сохранившихся данных о восточном нефе. Он идентифицирует её с храмом Евдоксианы, который был построен между 402 и 408 гг. [Marc. Dias. V.P., 78-79, 92]. Можно предположить, что на карте также изображены церкви св. Сергия [Chor. Or. 1,17] и св. Стефана [Chor. Or. 2,28], построенные в

регионе Юстинианом, обе они находились в северо-западной части Газы, а церковь св. Стефана, по-видимому, вне городских стен, в той части карты, которая не сохранилась. *Avi-Yonah* отмечает, что храм Евдоксианы занимал место предшествующего храма Марнаса - самого почтенного храма Газы и символа его приверженности к «старым путям» (т.е. многобожию). По описанию Марка Диакона, храм украшал весь город своей величием, великолепным устройством и высотой. Неудивительно, что Порфирий в начале V века потратил много сил и энергии на уничтожение языческого храма, а затем на строительство главной церкви в городе – Евдоксиевой, в том месте, где стоял Марнеион. Идея, что церковь могла быть построена на месте бывшего языческого храма, кажется весьма интересной. Если это так, то возникает вопрос об использовании открытого пространства: либо это возвышенное место, которое делало храм более величественным, либо это возвращение к древнему месту, святость которого была сохранена в памяти газийцев. Однако, возвращаясь к Марку Диакону, следует отметить, что описывая храм, он не делает никаких отсылок на то, что церковь была построена на насыпи [Marc. Diac. V.P., 75,77].

Марк Диакон не упоминает общественных зданий, но называет восемь языческих храмов (Гелиос, Афродита, Аполлон, Кора, Геката, Ироон, Тихион и Марнеион). Более подробное описание получил только разрушенный храм Марнеион, круговое расположение которого, куполообразная крыша, перистиль и две колонны, поддерживающие архитрав, должны были напоминать Пантеон в Риме. Он также упоминает церковь Ирины и так называемую Старую церковь за пределами городских стен. Из его сочинения можно также почерпнуть некоторые сведения о строительстве жилых помещений. Жилые дома были выстроены из высушенных на воздухе глиняных кирпичей и имели плоские крыши, которые позволили диакону и его епископу сбежать через крыши во время беспорядков [Marc. Diac. V.P., 96,97].

В VI веке была осуществлена огромная строительная программа, начавшаяся в 518-519 гг. Она была инициирована продолжателем дела Пор-

фирия, епископом Маркианом. Основным источником и в то же время самым важным свидетельством жизни, зданий и памятников в Газе в этот период являются сочинения Хорикия, который был рассмотрен *C. Saliou* в фундаментальном труде²²⁸. Маркиан восстановил две полуразрушенные церкви, церковь св. Апостолов и вышеупомянутую Старую церковь, и построил в городе два великолепных новых храма, церковь св.Сергия (построена до 536 г.) и церковь св.Стефана (построена между 536 и 548 гг.), которые были украшены изображениями - рождение Иисуса [Chor. Or. 1, 51-56] и Благовещение [Chor. Or. 1,48-50].

Что касается большой церкви в юго-западной части Газы на Мадабской карте, следует отметить, что нет никаких оснований предполагать, что церкви св. Сергия и св. Стефана были единственно важными храмами в Газе. Хорикий упоминает две последние, потому что они были новыми, а другие - Старая церковь и церковь св. Апостолов, - потому что нуждались в ремонте. Он не упоминает о Евдоксиане, а мог быть осведомлен больше других. В научной среде было предложено идентифицировать два храма: Евдоксиева церковь была просто переименована в храм св. Сергия. Существует и другая точка зрения, что Евдоксиевой церкви никогда не существовало, которой придерживается *P. Peeters*²²⁹. Но Житие Порфирия Газского говорит об обратном. Поэтому, версия, что церковь св. Сергия не что иное, как новое название Евдоксиевой церкви является правдоподобной. В действительности, центральную церковь города, Евдоксиану, было бы трудно пропустить. Она была знаменита тридцатью двумя колоннами из блестящего зеленого каристийского мрамора: подарок от императрицы Евдоксии епископу Порфирию. И торжественное открытие, упоминаемое Хорикием, было связано не по случаю завершения строительства нового здания, а по восстановлению храма V

²²⁸ См.: *Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Actes du colloque international de Poitiers (6 -7 mai 2004)* / ed. C. Saliou. - Salerno, 2005. - 240 p.

²²⁹ *Peeters P. La vie géorgienne de Saint Porphyre de Gaza // Analecta Bollandiana. - 1941. - Vol. 59. - P. 76-78.*

века²³⁰. Намек на существование и место другой церкви в юго-западной части города, можно найти в работе *Guerin's*. Он описывает следы разорения известного Khirbet Babed-Daroum, к югу от южных ворот города. Это были остатки большого прямоугольного здания, почти полностью разрушенного в процессе поиска строительных материалов, хотя одна из гранитной колонны, лежащая на земле, еще оставалась нетронутой. Местные жители сообщают, что это здание первоначально было церковью, а затем преобразовано в мечеть и окончательно разрушено²³¹.

В западной части города, по всей видимости, также находилась церковь. Особый интерес представляет самое большое здание на западе этой местности Джамия эль-Кабир (Большая мечеть Газы)²³². Мечеть была преобразована в XII веке крестоносцами в церковь св. Иоанна Крестителя, но содержит более старые материалы, в частности, колонны, которые также могли бы быть взяты из более ранней византийской церкви²³³.

К югу от Газы изображена, вероятнее всего, деревня Тавафа (родина монаха Илариона), находящаяся примерно в 8 км от города [Jerome. V.H.,2]. Еще одна деревня, от которой сохранились только буквы АЛЕА, расположена в нескольких километрах к северо-востоку от Газы. *Abel* идентифицирует ее с современным городом Назла²³⁴.

Таким образом, общая концепция ранневизантийского города во многом сохранила в себе античные формы, план, ориентации и главные структурные элементы – площадь, улицы, здания для развлечений. Изображение Газы на Мадабской карте, и план улиц, сделанный *Gatts* в конце XIX века, указывает во многом на Гипподамову планировку города (названа в честь милетского архитектора Гипподама V в. до н.э.). Отметим характерные черты данной планировки:

²³⁰ Saliou C. L'orateur et la ville...P. 183

²³¹ Glucker, C.A.M. Op. cit. - P. 22.

²³² Clermont-Ganneau C. Op. cit. - P. 384.

²³³ Conder C.R. Op. cit. - P. 249-250.

²³⁴ Abel F.M. Le Sud Palestinien d'après la Carte Mosaique de Madaba // Journal of the Palestine Oriental Society. - 1924. - Vol. 4. - P. 115.

1) две главные улицы, идущие с севера на юг, и с востока на запад пересекаются в центре;

2) пересечение улиц и центр города образуют единое целое, где находится форум или агора;

3) кварталы ограничены со всех сторон улицами, имеют форму прямоугольника, немного вытянутую (на плане *Gatts*);

4) рядом с агорой находились важнейшие храмы и общественные сооружения.

Немалозначительным фактором в ранней римской идеологии являлась религия. Поэтому культовым зданиям отводилось особое место среди других архитектурных построек. В ранневизантийское время лишь усилилось влияние религии: языческие храмы были уничтожены, а вместо них появились новые христианские. В целом, городской пейзаж Газы, насколько это возможно себе представить, отвечает канонам «классического» градостроительства, но в то же время уже глубоко христианизированный.

2. Памятники архитектуры

Витрувий выделяет в архитектуре три отдела: зодчество, гномонику и механику [*Vitr.De archit.I.Ш,1*]. В нашей работе мы сосредоточим основное внимание на памятниках зодчества, которое, делится, в свою очередь, на виды в зависимости от построек:

1. возведение городских стен и общественных зданий в публичных местах:

1.1. устройство стен, башен и ворот;

1.2. возведение святилищ и храмов бессмертным богам;

1.3. постройка для нужд населения общественных мест - гавани, рынки, портики, бани, театры и т.д.

2. устройство частных домов.

В нашей работе мы не рассматриваем устройство частных домов, так как этот вопрос не получил полного освещения в источниках, за исключением Жития Порфирия Газского, где имеются незначительные и косвенные упоминания о жилищах.

Наиболее очевидный вклад в понимание древних памятников Газы внес оратор Хорикий. Из его речей, нам удалось установить, что городское пространство Газы было огорожено стеной, которая была реставрирована. Работы по реставрации крепостной стены были завершены к 535-536 гг. Данный эпизод упоминается в трех произведениях: в двух похвалах Маркиану [Chor. Or. 1,7; Or. 2,16] и в хвалебной речи Стефану [Chor. Or. 3,55, 57]. Также он упоминает восточные ворота города [Chor. Or. 2,28]. Но как отмечает сам Хорикий, крепостная стена – это лишь один из элементов оборонительной системы города: божие благоволение также является необходимым [Chor. Or. 3,55]. Это говорит о важности религиозных построек.

Правление Юстиниана характеризуется, как и Августа, расцветом строительной деятельности, связанной с важными литературными произведениями, относящимся к архитектуре²³⁵. Мы обратимся к описанию церкви св. Сергия и св. Стефана по случаю их инаугурации в 536 г. и между 536 и 548 гг. соответственно. Эти описания являются частью энкомий епископу Маркиану 1 и 2 (приложение 12). Хорикий также упоминает еще одну церковь, находящуюся в пределах стены и отмечает ее ветхое состояние. Церковь св. Апостолов находилась в торговом и многолюдном месте, что вызвало еще большее возмущение жителей. Но, благодаря Маркиану, храм был отреставрирован [Chor. Or. 2,17-18]. В отличие от этого скромного здания, церкви св. Сергия и св. Стефана представляют для нас наибольший интерес.

Первый праздник санкционировал окончание возведения церкви св. Сергия [Chor. Or. 1,11,12] и совпадал с годовым днем почитания Святого [Chor. Or. 1,10]. Церковь св. Сергия находилась рядом с агорой: «посетитель,

²³⁵ Saliou C. *Dire l'architecture au VIe s.: Chorikios de Gaza // L'École de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité tardive.* – Paris, 2017. – P. 185.

идуший на север, подходит к церкви от агоры, поворачивая налево». Пропилон церкви производит на посетителя сильное впечатление, и он озадачен тем, оставаться ли долее и наслаждаться внешней архитектурной красотой или войти в церковь и увидеть внутреннюю красоту здания [Chor. Or. 1,17]. Стратегия параллелей между традиционными урбанистическими элементами и христианской церковью встречается в отрывке первой речи: четыре колонны из Каристоса по размерам и по красоте своего размещения превосходят размеры колонн агоры. Здесь же мы находим описание архитектурного стиля арки, которая опирается на две средние колонны. Большие круги в арке гармонично связаны между собой с другими более мелкими; в срединном большом круге находится крест [Chor. Or. 1,18].

Длинная колоннада церкви, которая начинается с северной стороны и выходит на запад, полна изящества и пропускает легкий бриз [Chor. Or. 1, 22]. От нее к северной стороне построена комната со столбцами, отведенная для ритуалов; пол декорирован мелкой и крупной мозаикой, украшен множеством красочных фигур. От этой колоннады начинаются две другие, перпендикулярные ей, одна на юг, а другая прямо противоположная, одной и той же длины. [Chor. Or. 1,24]. Центр купола, над местом, где поднимается священник, имеет вогнутую форму в виде скорлупы. Все было устроено в гармоничном и симметричном равновесии в направлении восходящих лучей солнца, т.е. на восток [Chor. Or. 1, 26]. Здание характеризовалось наличием купола, окруженного четырьмя меньшими куполами [Chor. Or. 1, 26] или сводами, расположенными в кресте²³⁶. Место подходит для самых приятных ветров, так как обеспечивает для них несколько входов на каждой стороне, которые вместе с их различными функциями позволяют обилие света [Chor. Or. 1, 44]. Колоннады вдоль стен храма св. Стефана также предоставляют посетителям такое удовольствие [Chor. Or. 2, 51].

Церковь св. Стефана находилась на расстоянии 50 стадий (примерно 9,25 км.) от центра города [Chor. Or. 2,19]. Во втором энкомии епископу

²³⁶ Saliou C. *Dire l'architecture au VIe s...* - P. 186.

Маркиану, Хорикий подчеркивает эстетическое значение портика и колонад переднего дворика в различных литературных формах: их декоративная роль и их практическая функция как убежища от дождя: «В настоящем сезоне колоннады способствуют эстетической (красоте) храма, но на втором празднике почитаемого - поскольку он проводится зимой - они помогают уберечь посетителей от дождя, чтобы те, кто входил, были сухими, если случайно выпадет дождь» [Chor. Or. 2, 32]. Церковь св. Стефана была также частью комплекса, которому предшествовали пропилеи, имелся двор с портиками, дающий доступ к нескольким вспомогательным помещениям. В отличие от храма св. Сергия, мы можем установить форму церкви, которая являлась базилической: «Колонны показывают прямоугольность его плана; равные по количеству и пространству <..>. На востоке колонны выше, чем другие, по мере того насколько последние подняты над землей; для тех колонн, которые ближе к храму, возможно, имеется определенное преимущество по высоте» [Chor. Or. 2,31]. Центральный корабль был освещен высокими окнами в форме арок [Chor. Or. 2,48]. В описании церкви упоминается центральный неф: в текстах, описывающих базилические пространства, выражения, подобные среднему пространству, обозначают центральное помещение, в отличие от боковых нефов или периферийных. Это находит отражение и в трактате Витрувия при сооружении базилик [Vitr. De archit. V.I.4,5].

Таким образом, в обоих случаях, церковному зданию предшествовал двор с портиками - атриум, а ему предшествовали пропилеи [Chor. Or. 2,30], которые придавали комплексу некое монументальное укрепление²³⁷. Хорикий обозначает наличие различных вспомогательных помещений, большинство которых находятся в атриуме, собственно, перед церковью. Оба ансамбля имеют помещение «для того, кто получил священство» [Chor. Or. 1,22; Or. 2,33]. Хорикий упоминает о наличии помещения, предназначенного для епископа в самой церкви [Chor. Or. 1,26]. А церковный комплекс св. Стефана

²³⁷ Duval N. L'architecture culturelle // Naissance des arts chrétiens. – Paris, 1991. – P. 204-205.

он уподобляет летней резиденции [Chor. Or. 2,28], а также описывает место для приветствия, в метафоричной форме, как сад [Chor. Or. 2,33].

На укоренение античной традиции в архитектурной культуре VI века, указывает упоминание о разнице в высоте между колоннами галерей пола и нижнего этажа в описании базилики св. Стефана: «<...> чтобы не смешивать толпу женщин с мужчинами, вы создали галерею для женщин; она равна длине, а также ширине наземной колоннады; но только меньше по высоте, так как ее колонны, которые поддерживают потолок, меньше, чем те, которые находятся под ними» [Chor. Or. 2,47]. Это реализация заповеди, переданной Витрувием, и несколько раз повторяемая им в его трактате, согласно которой в случае наложения ордеров высота колонн верхнего уровня должна быть уменьшена на четверть по отношению к колоннам нижнего уровня [Vitr. De archit. V.I,3].

Отметим также, что наиболее ярким внешним признаком церкви св. Стефана, которая находилась в окрестностях крепостной стены, являлась высота. Храм было видно довольно хорошо, так что посетитель мог ориентироваться на него [Chor. Or. 2,28]. Храм был выстроен в высоту, так что добраться до него можно только преодолев целый ряд ступеней [Chor. Or. 2,29]. На Востоке и на Западе в поздней античности высота являлась престижным элементом²³⁸. Многие церкви были построены на естественных или искусственных возвышенностях с монументальными лестницами. Но это было далеко не правилом. Предпочтение высокого основания для многих ранних христианских церквей следует из римской традиции размещения храмов на возвышенных участках. Археологические данные свидетельствуют о том, что ранние византийские церкви часто строились на возвышенности и поднимались

²³⁸ Prévot F. La cathédrale et la ville en Gaule dans l'Antiquité tardive et le Haut Moyen-Âge // Histoire urbaine. – 2003. – Vol. 7. – P. 24-27.

над окружающими зданиями. Другие церкви были построены на вершинах холмов, откуда открывался потрясающий вид на равнину или море²³⁹.

Описания Хорикия поражают повторением геометрических терминов, обозначающих круг, квадрат, треугольник, цилиндр, сферу или конус. Оратор прибегает к их использованию в нескольких местах, где геометрические термины часто объединяются и накапливаются. Эти отрывки особенно многочисленны в описании церкви св. Сергия [Chor. Or. 1, 19,21,27,38]. В явном виде Хорикий утверждает, что гармония пропорций - это то, что является самым красивым в здании: «Гармония работы здесь - самая главная и величайшая красота» [Chor. Or. 1,18,26; Or. 2,35]. Такая концепция является частью теоретической традиции, унаследованной от эллинистического периода и представленная, в частности, Витрувием.

Фактически, теоретик Августа включил в определение архитектуры понятия порядка (*ordinatio*), эвритмию (эвритмия) и симметрию (симметрию), все из которых относятся к понятию пропорции. Это приводит к набору критериев, унаследованных от более ранних периодов и определяющих рамки для оценки архитектурных достижений²⁴⁰. Описательный язык Хорикия в основном состоит из абстрактных терминов. Благодаря использованию языка геометрии автор заявляет о ядре в архитектурной концепции и практике своего времени. Его описания - это часть богатой и древней литературной традиции, но они, тем не менее, являются свидетелями архитектурной культуры в середине VI века. В частности, в них подчеркивается преобладание концепции подчинения архитектуры геометрии (последняя, по-видимому, являлась характерным феноменом для поздней античности), а также наличие эстетических принципов, унаследованных от древней традиции эллинистического периода. Все эти элементы нашли свое место в трактате Витрувия²⁴¹.

²³⁹ Saradi H. *Beholding the City and the Church: The Early Byzantine Ekphrasis and Corresponding Archaeological Evidence* // *Deltion tes Christianikes kai Archaeologikes Etaireias*. – 2003. – Vol. 24. – P. 35

²⁴⁰ Saliou C. *Dire l'architecture au VIe s...* - P. 190.

²⁴¹ *Ibid.* - P.198.

Таким образом, не только Хорикий, как оратор, проявляет сохранение и развитие классической традиции в поздней античности, но и архитекторы.

Весомое значение в жизни ранневизантийского города играли общественные места, предназначенные для нужд населения. В связи с этим, примечательно отметить, что епископ Маркиан также значительно поддерживал светские здания. Это может быть связано с тем фактом, что Маркиан, который происходил из семьи внутригородской элиты, получил образование в Школе риторики в Газе. Таким образом, у епископа была полная классически-эллинская пайдея. Необходимо подчеркнуть и деятельность консула провинции Стефана, имперского чиновника, который в значительной степени являлся традицией языческих городских элит. И, по всей видимости, созданию произведений искусства, описанию которых мы обязаны Прокопию, очевидно, являлся сам консул, который даже увековечен в своем официальном одеянии²⁴².

Самым важным центром общественной жизни была центральная площадь (агора), которая представляла собой ориентир, где находится церковь св. Сергия. На Мадабской карте форум имеет продолговатую форму, на что также указывает Витрувий. Ведь такая форма делает его удобно расположенным для зрелищ [Vitr. De archit. V.1,2]. Хорикий указывает на то, что он украшен портиками [Chor. Or. 1,10]. Это отражено, частично, на карте, по улице, идущей с севера на юг. Согласно канонам римского градостроительства в имперский период, и в позднюю античность²⁴³, главные улицы были выложены портиками, которые ясно видны на карте. Они же упоминаются Хорикием в эпитафии Прокопию: «Город, ввиду портиков, увеличивается, а улицы кажутся шире. Благодаря портикам, все препятствия для движения были удалены» [Chor. Or. 7,52]. Здесь же, он упоминает об открытии бани, к которой можно было добраться без трудностей. Согласно С. *Graux*, оратор

²⁴² Babler B. Prokop von Gaza: Der Gemaldehyklus // Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. – Alessandria, 2010. – P. 565.

²⁴³ Bejor G. Vie colonnate: Paesaggi urbani del mondo antico // American Journal of Archaeology. – 2002. - Vol. 106. - No. 1. - P. 139.

упоминает о недавнем открытии теплового оснащения²⁴⁴. Но фраза, относящаяся к затруднению движения, показывает, что Хорикий поднимал вопрос не столько строительства или восстановления здания, сколько доступность общественных бань: благодаря «расширению» улиц портиками, доступ к термам с этого времени стал более легким. Тема водоснабжения неоднократно поднималась в школе Газы: Прокопий в Панегирике Анастасию ставит строительство акведука Хиераполис в той же плоскости, что и мелиорацию порта в Кесарии; Хорикий уделяет значительное внимание в энкомии Арату и Стефану восстановлению водопровода в провинциальной столице. Отсылки Хорикия на портики или на гидравлические конструкции в Газе, особенно наглядно объясняют постоянство унаследованных традиций Империи.

В VI веке, бани, водопроводы и портики неоднократно упоминаются в речи, начиная с крупных сооружений, осуществляемых при Юстиниане по всей империи, а также состязания между городами Антиохия, Бейрут, Кесария за славу своих терм [Chor. Or. 7,13]. Это упоминание свидетельствует о соответствии Газы городской модели, унаследованной от Империи, и широко распространенной по всему римскому миру. В Газе, как в Антиохии и Арамее, а также в Африке и Малой Азии, термальные заведения, - фундаментальные здания общественной жизни, - открытые предпочтительно по портичным улицам, являлись основными элементами городской структуры²⁴⁵. Баня, упомянутая Хорикием, интегрирована в энкомий Стефану и Арату, как запланированная губернатором Стефаном работа на будущее: «<...> Открою другую баню для зимнего сезона, и я сделаю для банщиков воду питьевой и отличной для телесного здоровья <...>» [Chor. Or. 3,55]. Сезонные ванны, называемые «зима» и «лето», являются типичной действительностью в целом

²⁴⁴ Graux C. Chorikios. Laudationem Aratii Stephanique// Rev. de philology. – 1877. – Vol. 1. – P. 55-57.

²⁴⁵ Saliou C. L'orateur et la ville... - P. 176.

для поздней античности, засвидетельствованные между III и VII веками по всему римскому миру²⁴⁶.

В том же энкомии [Chor. Or. 3,55] говорится далее: «Я вижу, что место, на котором есть царское имя, получит свою крышу, я вижу, что скене, построенная сезонно, получит то, чего ей не хватает». Намек на то, что скене (приложение б) получит то, чего ей не хватает, мог подразумевать под собой строительство летнего театра²⁴⁷. Зрелищные здания являются необходимым элементом городской достопримечательности²⁴⁸. Постоянный театр - уникальный пример явного сезонного использования. Проект Стефана заключался в том, чтобы ежегодно проводить ремонтные работы в определенный период года. Речь идет не только о сезонном сооружении, но и временном. Слово σκηνή (скене) неоднозначно. Хорикий использует в речи театр в контексте представления спектаклей, а не самого здания, которое представляет собой конкретный каркас; но он также использует слово для обозначения временного домика, «палатка», закладываемая во время ярмарки, а также хорошо известная ему в классическом понимании «палатка». Именно последний смысл (возможно в переводе шатер или павильон) должен быть также учтен. Часы, которые описывает Прокопий напротив царского портика и рядом пространство «приветливое летом массе людей»²⁴⁹ приводит на мысль идентифицировать это пространство с местом скены, упоминаемой Хорикием, именно чей период работы выпадает на самое жаркое время года. Прокопий Газский определяет пространство «приветливое летом массе людей» на агоре²⁵⁰. Топографическая окрестность, обозначенная Прокопием, служит контекстуальным обоснованием окрестности в речи Хорикия, даже реализация в рамках работы над «местом, которое носит имя царя» и «скеной».

²⁴⁶ Saliou C. Bains d'été et bains d'hiver à Antioche // Antioche de Syrie. Histoire, images et traces de la ville antique. – Lyon, 2004. – P. 289-309.

²⁴⁷ Litsas F.K. Choricus of Gaza. – Chicago, 1980. – P. 169.

²⁴⁸ Bition-Ashkelony B. Christian Gaza in Late Antiquity. – Leiden-Boston, 2004. — P. 24-28.

²⁴⁹ Diels H. Über die von Prokop beschriebene Kunstuhr von Gaza // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaft, Philosophisch-Historische Klasse. – 1917. – Vol. 7. – S. 30.

²⁵⁰ Ibid. – S. 6.

Скене могла принимать на себя различные функции, не исключаящие друг друга. Например, церемониальная палатка Птолемея Филадельфийского являлась залом для пиршеств. К тому же практика публичных пиршеств в Газе в VI веке засвидетельствована самим Хорикием [Chor. Or. 1,83]. Скене могла служить местом для проведения спектаклей или ораторских выступлений. А вот фраза $\acute{\omicron} \beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\omega\varsigma \epsilon\pi\acute{\omega}\nu\nu\mu\omicron\varsigma \chi\acute{\omega}\rho\omicron\varsigma$ (место, которое носит имя царя) может применяться к зданию, носящему имя конкретного императора. Стоит отметить, что период Империи характеризовался многочисленными строительными зданиями, предназначенными для празднования императорского культа. В Кесарии таким подтверждением являются Тиберий²⁵¹ и Адриан²⁵². Последний являлся объектом реставрационных работ в конце V-первой трети VI века. Независимо от архитектурной формы и действительной функции в христианской империи, такое здание имело свое место в городском пейзаже в поздней античности²⁵³.

На сегодняшний день, благодаря карте из Мадабы, мы можем получить представление о центре города Газы во времена Прокопия. В центре форума можно увидеть почти круглую структуру, которая имеет красноватый цвет на карте в оригинале, что может указывать на черепичную куполообразную крышу. *Glucker* предположил, что это место, в котором находились часы. Даже если эта идентификация не может быть доказана, локализация и структура здания говорят за это²⁵⁴. Как заявил *Renaut*, Прокопий закрепляет часы в своем экфрасисе в городской и социальной реальности Газы, расположенные напротив здания, обозначенного как $\beta\alpha\sigma\acute{\iota}\lambda\epsilon\omicron\varsigma \sigma\tau\acute{\omicron}\acute{\alpha}$ (царский портик). Он справедливо подчеркивает примечательное указание на «меры безопасности», которые использовались, когда публика слишком близко подходила к произведению искусства, что, кроме того, ярко подчеркивает общественный

²⁵¹ Holum K.G. The Greek and Latin inscriptions of Caesarea Maritima. – Boston, 2000. – P. 43.

²⁵² Ibid. – P. 58.

²⁵³ Bition-Ashkelony B. Op. cit. – P. 8-10.

²⁵⁴ Glucker C.A.M. Op. cit. - P. 19.

статус часов²⁵⁵. Также ясно, что это настоящее описание реального существующего объекта, который могли видеть все жители Газы и гости. Описание Прокопием часов с многочисленными механическими и техническими элементами сохранилось не полностью. Подобно экфрасису живописного цикла, автор начинает с длинного риторического введения. Для сравнения приведены все возможные чудеса из искусства и мифологии, и речь может привести даже к состязанию с искусством. Последнее представляет собой интересное указание на самооценку автора, который, таким образом, понимает свой экфрасис как автономное произведение искусства, эквивалентное объекту описания.

В центре города находится сооружение небольшого размера. Напротив – царский дворец, слева - свободное пространство, которое летом становится местом сборища бесчисленных людей. Перед зданием находится двойная пара колонн. Колонны распределены по-разному: одни расположены на восток, другие на запад. Это делает конструкцию видимой на значительном расстоянии, так что ни у кого не возникает беспокойства при просмотре зрелища [Proc. Op. VIII,4]. Описывая часы (приложение 7) в небольшом здании, Прокопий идет сверху вниз. Во фронте находится горгона, которая свысока грозит всем своим внешним видом, поворачивая глаза на все часы дня, как и Персей, отрубаяющий ее голову [Proc. Op. VIII, 4]. *Diels* считает, что голова Горгоны – это мозаика на золотом фоне, «поскольку в эпоху Прокопия любили» мозаику. Достаточно подумать о впечатляющих мозаиках Равенны или «о главе Христа в апсиде церкви Монреале под Палермо»²⁵⁶. Но это всего лишь предположение. В часах должна была присутствовать техническая установка, которая позволяла бы вращать глазные яблоки. Под фронтоном находятся 12 дверей, каждая предназначена для ночных и дневных часов. Те, что в верхнем ряду, предназначенные для ночи, без художественных украше-

²⁵⁵ Renaut D. La récitation d'ekphraseis : une réalité vivante à Gaza au VI-e siècle // Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Actes du colloque international de Poitiers: (6 -7 mai 2004). - Salerno, 2005. – P. 200.

²⁵⁶ Diels H. Op. cit. – S. 7.

ний. Когда они открываются поочередно (слева направо), позади них появляется свет [Proc. Op. VIII,5]. Дневные двери также открываются один раз в час, в свою очередь, когда Гелиос, двигаясь также слева направо, указывает на них. Фигура Гелиоса изображена в мантии царя, с сияющей короной, а также скипетром в одной руке и земным шаром в другом, мотивом которому стала исключительно долгая жизнь [Proc. Op. VIII,6]. Каждый раз из открывающихся дневных дверей появляется фигура Геракла с трофеем или символом его 12 канонических подвигов [Proc. Op. VIII,8]. Когда открывается бронзовая дверь и появляется Геракл с одним из своих подвигов, орел с венком в клюве, расправляет крылья, кивает головой и украшает его голову венком, после этого кланяется перед публикой и возвращается назад, дверь закрывается [Proc. Op. VIII,9]. Геракл снова появляется в более крупном формате на трех наископодобных частях выступающего здания, и именно посередине, в качестве ударника часов, ударяя своей дубиной по висящей бронзе, и тем самым показывая время [Proc. Op. VIII,10].

В центре акротерия Пан слушает и верит, что он слышит свою любимую нимфу Эхо [Proc. Op. VIII,11], над чем смеются на углу акротерия два сатира [Proc. Op. VIII, 12]. Для следующих второстепенных персонажей из текста трудно установить подходящее место²⁵⁷. На фронто́не западного выступа, подобающий вечернему времени, стоит трубач Диомед, который надует вечерней заре, так как дела Геракла завершены. Ниже, две прислуживающие фигуры несут воду в купальню и пищу для отработавшего Геракла. На восточном фронто́не пастух приветствует новый день; после этого текст прерывается в середине предложения [Proc. Op. VIII,13]. Последняя фигура, описанная Прокопием, - Геракл на западном выступе, где представлен последний подвиг героя, который был также отмечен в двенадцати дневных дверях, а именно яблоки Гесперид, но в совершенно незнакомой форме: он нацеливается как лучник со стрелой на яблоко [Proc. Op. VIII,14].

²⁵⁷ Abel F.-M. Gaza au VIe siècle d'après le rheteur Chorikios // Revue Biblique. – 1931. – Т. 40. – P. 10.

Экфрасис этих часов также примечателен тем, что сохранилось не так много описаний таких «аппаратов» античности. Этот вид забавы, которую так любили в Александрии, прибыла в Рим, а затем в арабский мир. В связи с художественными часами Прокопия, в написанном в 1206 году трактате аль-Газали приводятся художественные часы и пневматические автоматы, который опирается на технические трактаты IX века. В художественных часах Газы, описанных Прокопием, мы имеем дело с последним взглядом на увлекательную традицию, которая на протяжении многих веков была потеряна в западном мире. Однако она сохранилась на Востоке и вернулась только через тысячелетие назад на Запад. Состояние техники, которое можно извлечь из описания Прокопия, было вновь достигнуто только в XVIII веке в Европе. Это обстоятельство также является основной проблемой археологических исследований. Техника античных часов настолько сложна, что ее трудно понять для неспециалистов, а соответствующие технические (греческие и латинские) сочинения не могут быть расшифрованы без включения соответствующих арабских трактатов. Кроме того, античная традиция часто сохраняется только в фрагментарной форме или, как в описании Прокопия, в котором технической и механической стороне такого чуда нет места. Цель написания экфрасиса - увековечить «великолепное зрелище» на центральной площади в Газе на достойном произведения искусства языке. Однако из-за этого техническая сторона часов не может быть восстановлена.

Поразительные часы, которые описывает Прокопий, должны были производить эффект на общество довольно непринужденно для придания достоинства пространству²⁵⁸. В облике двух победоносных языческих богов, Гелиоса и Геракла, он увековечил эллинизм, который заимствовало христианство, отделив его от религиозного компонента. Часы и царский портик являются одними из элементов, которые определяют пространство агоры Газы и скены. Они находятся либо на самом участке, либо в непосредственной близости. Таким образом, данные Прокопия и Хорикия, могут позволить вос-

²⁵⁸ Abel F.-M. Gaza au VIe siècle... - P. 30.

становить, гипотетически, очертания агоры Газы в поздней античности, окаймленной портиками и «царским» зданием, украшенное великолепными часами, и уютной летней сцене, функция зала которой могла включать как пиршества, так и спектакли.

Здание театра, как одного из античных элементов городской архитектуры, также имело место быть в Газе. Полукруглая конструкция на Мадабской карте, представленная в изображении Газы, параллельна или включена в городскую стену и приближена к дороге. Здание направлено на север и, наряду с желтоватым полукругом в его центре, имеет две широкие полосы вокруг него, одна с черным ромбовидным дизайном, а другая с темно-красными вертикальными линиями на розоватом фоне. Театры, построенные в регионе в первые три века новой эры, были в значительной степени ориентированы на север. В большинстве случаев они были расположены вдоль одной из главных улиц города, в то время как в других провинциях они находились за пределами общественного центра, возможно, на окраине, но в пределах границ города²⁵⁹.

Здание театра в Газе было построено на окраине города, благодаря наличию естественного склона, который имел важное значение для строительства. Здание на карте ориентировано на север, как это обыкновенно бывало в других частях региона. Добраться до него можно было с помощью короткой дороги, ведущей от колонной улицы с запада на восток. Желтоватый полукруг в центре конструкции представляет собой *orchestra* (от греч. площадка для танцев), в то время как две дополнительные полосы символизируют *cavea* (от лат. места для зрителей), которая была разделена горизонтально на две более мелкие части: *ima* и *summa cavea* (от лат. передние и последние места для зрителей). Темно-красные вертикальные линии на внешней, розоватой стороне, представляют собой *scalariae* (от лат. лестницы), проходящие вдоль *cavea*, таким образом, разделяя их на восемь *cunei* (от лат. вертикаль-

²⁵⁹ Weiss Z. Buildings for Entertainment //The City in Roman Palestine. - Oxford, 1998. - P. 79-83.

ные ряды). Некоторые ученые полагают, что вертикальные линии в наружном диапазоне представляют собой колонны²⁶⁰. Если последнее утверждение верно, то колонны могут напоминать *porticus in summa cavea* (от лат. портики, навесы на последних рядах)²⁶¹. Люди могли проводить время в портике во время антракта, прячась там от палящего солнца, либо укрыться в дождливые дни.

Следует отметить, что в некоторых случаях театры, построенные в римской Палестине, по-прежнему использовались в византийский период даже после реконструкций. Но, ни одно здание в регионе не было построено в позднеантичный период²⁶². Поэтому, театр в Газе построен по римской конструкции и датирован ранней историей города²⁶³.

Общественным зданиям, однако, подлежат только краткие упоминания, сделанные Хорикием: самое большое внимание он посвятил религиозным постройкам, как и Марк Диакон в Житии Порфирия Газского в V веке. Он вообще не упоминает ни одно из общественных зданий, кроме храмов и церквей. Но он называет Тетрамфоду или перекресток, где находились четыре колонны, и где стояла обнаженная статуя Афродиты, которой поклонялись в основном женщины Газы [Marc.Diac.V.P.,59]. В результате деятельности Порфирия, статуя была уничтожена, как и Марнеион, а мраморные плиты главного святилища были использованы для закладки площади перед новой церковью [Marc.Diac.V.P.,76]. Другие здания Газы, упомянутые Марком, принадлежат христианской общине. Самой важной из них была церковь Ирины, расположенная на небольшом расстоянии от Марнеиона [Marc.Diac.V.P.,77]. Рядом с церковью находился небольшой домик, предназначенный для епископа [Marc.Diac.V.P.,18]. К западу от города располагалась Старая церковь, а за пределами стен - мартириум Тимофея, в котором

²⁶⁰ Glucker C.F.M. Op. cit. - P. 19.

²⁶¹ Ward-Perkins J.B. Roman Imperial Architecture. - New Haven, 1994. - P. 376-377.

²⁶² Claude D. Die byzantinische Stadt im 6. Jahrhundert. - Munich, 1969. - P. 74-76.

²⁶³ См. подробнее: Лопатина М.Ю. Театр в позднеантичной Газе: местоположение и устройство // Иресиона. – Белгород, 2016. – С. 142-147.

хранились останки мучениц Маиуры и Феи [Marc.Diac.V.P.,20]. Старая церковь, по-видимому, представляла собой небольшую церковь, расположенную на расстоянии пяти стадий (около 0,9 км) от города, которую Хорикий описал в VI веке как отреставрированную.

Таким образом, пространство в городе оставалось и в VI веке многообразным и иерархичным. Пейзаж Газы не являлся статическим, он изменялся в соответствии со временем. Классические традиции не были полностью истреблены: античные здания и сооружения продолжали существовать, как и ранее, проводились работы по их реставрации. Трансформация затронула религиозные сооружения, но как мы смогли проследить, в основе своей они опирались до сих пор на традиционные классические элементы в строительстве.

3. Памятники искусства

Rina Talgam было рассмотрено пять вариантов выживания классической культуры в Палестине и Аравии в поздней античности на примере мозаичного искусства. Первый вариант заключается в отказе от всех элементов классической культуры, которые можно интерпретировать как выражение язычества; второй - демонстрация совместимости христианства и эллинской культуры; третий – избирательность; четвертый - явное одобрение греческой мифологии, но в реальности нейтрализация ее содержания изнутри скрытым способом; пятый - аллегорическое толкование мифов.

Для Газы характерны второй и пятый варианты выживания классической культуры. Совместимость христианства и эллинской культуры можно обнаружить в *Tabula mundi* (описание и интерпретация произведения искусства) Иоанна Газского, в котором описывается картина, изображающая мир (рис.1). Космологическая картина в Газе, которая включает в себя шестьдесят персонификаций природных сил, продолжает эллинистическую и римскую

традицию аллегорических изображений космоса в различных художественных средах. Он был христианским ученым, который видел классическую литературу и искусство как неотъемлемую часть своей собственной традиции. Описанное им в экфрасисе произведение искусства показывает, что эта комбинация не только затрагивает риторическую и эстетическую традицию, но также отражает согласованность христианской религиозной сферы со сферой классической интеллектуальной. Обращение к платоновской и неоплатонической философии, а также визуальные персонализации из классического искусства были сделаны для того, чтобы доказать христианское богословие²⁶⁴.

В одной из анакреонтических поэм [Jean. Анакр. 5] Иоанн предлагает аллегорическую интерпретацию мифа об Адонисе. После описания прихода весны он делает намек на этиологический (т.е. объяснительный миф-повествование) миф Афродиты и Адониса [Jean. Анакр. 5, 25-32], а затем [Jean. Анакр. 5,33-36] он говорит: «Но молодой человек - это плод, могущественный посланник жизни, так как он дитя природы, танец богини любви». Фестивали, посвященные Адонису, отмечались весной, и в одной легенде рассказывается, как Афродита уколола ногу о шип, и ее кровь окрашивала цветы, которые она несла в память о любимом. Фигура Эроса, нежно касаясь ноги богини, вероятно, намекает на это незначительное событие. Амуры в роли озорных юношей придают юмористическое прикосновение к картине и усиливают радость воссоединения. Один из них опрокинул корзину цветов - озорная роль, зачастую возложенная на зайца в мозаиках региона, Афродита нежно подталкивает ножкой второго Амура - жест, первоначально изображающий Пана – бога пастухов и природы, третий Амур взбирается на дерево (возможно, напоминает о рождении молодого Адониса из дерева), а четвертому удастся убежать.

Для того чтобы добиться более глубокой проработки вопроса о том какое влияние оказало язычество на светское искусство Византии обратимся к

²⁶⁴ Talgam R. The Survival of Classical Culture in Palaestina and Arabia in Late Antiquity: Mosaic Art as Test Case // Bollettino di Archeologia. - 2010. - Vol. 1. - P. 55.

экфрасису Прокопия Газского [Proc. Op. IX]. Произведение Прокопия сравнивается с археологическими находками по данному региону. Однако такое сравнение вызывает множество трудностей. Во-первых, фрески, описанные Прокопием, не сохранились, а, во-вторых, знания по археологии в Газе очень скудны, и свидетельства Прокопия невозможно проверить в их непосредственной обстановке. Другая методологическая проблема, которую необходимо принимать во внимание сам жанр экфрасиса. Хотя Прокопий в экфрасисе утверждает что он «рисует устную картину», его описание - это, прежде всего, интерпретация и обработка ученого. Ведь люди воспринимают и описывают картины по-разному.

Цикл изображения, описанный Прокопием, состоит из двух сопоставленных и тематически связанных изображений, расположенных в трех регистрах - горизонтальных полосах различной ширины. Архитектурный фон составляют стена с нишами, колонны с каннелюрами и золотыми капителями и антаблемент, украшенный четырьмя панно повествующими сцены из Илиады. Справа налево изображены: Ипполит, охотящийся на льва, Тесея, убивающий Минотавра, Ариадна подающая Тесею нить и Ариадна, смотрящая на Тесея, стоящего среди освобожденных молодых афинян. На карнизе сидят павлин и пара голубей. Вдалеке виднеются высокие деревья. Прокопий не говорит, в каком именно месте находятся эти изображения. Прокопий показывает всю мощь любви в начале своего описания изображения, где упоминаются Амур и его стрелы, которые везде находят свой путь. Не только Зевс, Посейдон и Аполлон побеждены Эросом, но даже Афродита, влюбленная в Адониса. Роза была окрашена в красный цвет кровью Афродиты, которая укололась о колючие шипы в поисках любимого. На картине боги любви направили лук против Федры [Proc. Op. IX,1]. Эта формулировка уже говорит о том, что исполнение речи проходило непосредственно перед изображением. Прокопий играет во все эти многообразные коннотации, и слушателю-читателю сразу нужно было вспомнить ещё и о фестивале роз, столь выдающемся в Газе.

После этого Прокопий немедленно переходит к самому главному и говорит, где разыгрывается сцена первой картины: «Мы в Афинах» [Proc. Op. IX,2]²⁶⁵. Употребляемый аналог для дворца в Афинах подразумевает четкую локализацию, которая каким-то образом должна была быть узнаваема для публики и направлять ассоциации зрителя на окрестности и памятники. Мы находимся в зале Тесейского дворца, архитектурное оформление которого точно описано белыми, рифлеными мраморными колоннами с золотыми капителями. Подобное соответствие мы можем найти во втором помпейском стиле (конец II - конец I века до н.э.). Его также называют иллюзионистской архитектурной живописью, в которой стены разделены колоннами и пилястрами, а верхняя часть стены (в которой расположены «картинки на картине») показывает просветы дополнительных многослойных архитектурных элементов. «Картинки на картине» нужно вообразить как непрерывный фриз, проходящий вдоль колонн на стене дворцового зала. Помпейские фрески создают впечатление таких композиций. В некоторых домах Помпей есть также лепные рельефы, которые в полосе верхней зоны стены содержат последовательность мифологических изображений.

На картине изображены две главные сцены из трагедии Еврипида «Ипполит». Первая сцена происходит во дворце (приложение 8). В центре гипостильного зала изображен Тесей, Афинский царь, лежащий на своей постели. То, что он спит, угадывается по его расслабленной позе и присутствию Гипноса, бога сна, склонившемуся над постелью. Двое слуг (мальчик с опахалом и мальчик ответственный за гончих) извлекают выгоду из сна своего хозяина, пренебрегая своими обязанностями. А третий слуга – мальчик, боящийся гнева хозяина, если тот вдруг проснется и обнаружит непослушание слуг, пытается взбудоражить своей тревогой опахальщика. Рядом с кроватью Тесея сидит его жена, Федра. Она беспокойна, мучима безнадежной и трагической любовью к своему пасынку Ипполиту. Эрос, парящий над ней, держит

²⁶⁵ Friedländer P. Spantantiker Gemaldehyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza "Echphōasis e'ichónos. – Vatikan, 1939. – S. 25.

факел, которым указывает на изображение Ипполита, охотящегося за львом, что символизирует неудержимое чувство Федры. Старая кормилица, знающая, что на уме у своей хозяйки, убеждает ее написать Ипполиту любовное письмо, в то время как другая фигура Эроса держит наготове перо и чернила для Федры. Письменная доска уже лежит у подножия ложи, а еще один Эрос с факелом парит над ней. Он указывает пальцем на одно из четырех панно в верхнем регистре, на которое Федра заинтересованно смотрит: он показывает Ипполита, охотящегося на львов. Две служанки наблюдают со стороны: вероятно одна объясняет другой, чем вызвано недомогание хозяйки, указывая на изображение Ипполита. Третья девушка несет ларец с драгоценностями Федры.

Образ несчастной Федры, которая страдает от любви, был очень распространен в римском искусстве, прежде всего в настенной живописи и на рельефах саркофагов II-IV вв. н.э. Основная схема всегда одинакова и дает хорошее представление об изображении Федры на картине в Газе: царица сидит на стуле, одна из ее ног приближается вяло к другой. Платье, в котором она одета, просвечивает ее части тела [Proc. Op. IX,17]. Она окружена служанками, которые часто поддерживают одну из ее слабых рук или хватают ее за плечи: Прокопий также неоднократно подчеркивал, насколько она слаба и что «ее тело нуждается в поддержке». Рядом или позади Федры находится кормилица, которая наклоняется к ней в разговоре, как описано у Прокопия [Proc. Op. IX,20]. Иногда маленький Эрос парит перед стулом Федры, как на картине в Газе [Proc. Op. IX,19]. Сама Федра изображена на рельефе саркофагов с различными нюансами: иногда она поднимает голову и погружается в разговор с кормилицей, но иногда кажется, что она отсутствует, как будто уже умерла в своих страданиях, как описывает Прокопий: «Ее дух охвачен страстью, ее тело нуждается в поддержке, ее душа как будто отсутствует, хотя тело все еще живет» [Proc. Op. IX,17].

Этот мотив «любовной болезни» Федры чрезвычайно прочен и встречается на позднеантичной серебряной посуде. В других жанрах искусства эта

тема была представлена реже. Известны четыре мозаики из восточной половины империи: Антиохия (613 г.) и Неа Пафос (II век н.э.), Шейх Зувейд (нач. V в.) на северном побережье Синайского полуострова (недалеко от Газы) и детальная мозаика из Мадабы первой половины VI века. На иллюстрированной схеме слева всегда находится любящая Федра (сидя или стоя), справа Ипполит (в одиночку или на охоте), которому кормилица вручает любовное письмо, или момент сразу после того, как Ипполит отбросил его на землю. Тем не менее, нет моделей Тесея, который нуждается в дневном сне. Ложе находится в середине картины; Тесей лежит головой, повернутой направо, а Федра сидит на левой ноге. У изголовья кровати стоит крылатый Гипноз. *Balbina Babler* предположила, что поза самого знаменитого Тесея и в римской настенной живописи соответствовала исключительно популярному мифологическому "спящему", а именно Эндимиону. Спящий Эндимион был настолько известен, что мотив использовался также для других фигур, иногда даже для отдыха Ипполита. В христианском искусстве он был принят за основу изображения спящего Иоанна под фиговым деревом.

Прокопий довольно четко описывает физическую неприязнь, которую испытывает Федра. Художник искусно изобразил, как под одеждой Тесея сияет белая кожа, которая, вероятно, также вызывает отвращение у Федры. Форма и цвет символизируют принадлежность мужчины и женщины к различным областям жизни. Как описывает Прокопий: «Обожженный солнцем означает молодость и цвет человека, который использует свою силу в соревнованиях под открытым небом и поглощает солнце всем своим телом» [Proc. Op. IX,12]. Тесей женоподобен, он имеет цвет кожи, который характерен для женщин, которые постоянно находятся в доме. Идеальные фигуры на мифических картинах помпейской настенной живописи, из которых многие элементы появляются в живописи Газы: «бледный цвет лица характеризует деликатную женщину, а сильного мужчину – красновато-коричневый».

Ситуация с Тесеем и Федрой - это «антитеза» распространенной римской живописи, и возвращение к эллинистическим образцам сцен пиршества

и любовных сцен, в которых мужчина также лежит на ложе, а женщина сидит у его подножия, иногда музицируя, иногда прижавшись к мужчине, который кладет на неё руку. Большая часть эротических сцен сдержанна, но иногда представлена очень резко²⁶⁶. Эти образцы должны были быть известны художнику в Газе, поскольку «базовая композиция» сцены одна и та же, но вместо того, чтобы присоединить к любящему мужчине на ложе женщину, он взял тип сидящей, несчастной Федры, которая также известна в многочисленных моделях. Здесь мы имеем дело с различными элементами, передаваемыми в разных средах и контекстах, которые позднеантичный художник выбрал для своего изображения и объединил в новое целое.

Федра описывается Прокопием довольно бездуховно и инстинктивно. Воплощенный, престарелый Тесей отталкивает ее, «поскольку она неспособна представить себе красоту души» [Proc. Op. IX,12]. То, что она желает, изображено на панно, - это молодой Ипполит, охотящийся на льва, на которого она смотрит с тоской. Прокопий напоминает: «Имей страх перед мужем своим, даже когда он спит, и отвернись от картины, на которую ты смотришь. Потому что Ипполит, кажется, целомудренным на изображении» [Proc. Op. IX,16]. Охота на львов описана с такой динамичностью и драматичностью - Ипполит, спрыгнувший с лошади, с развевающимся плащом, поразил копьем льва, который только что хотел совершить прыжок. Один из слуг удерживает лошадь, а смотрящий пастух с изумлением поднимает руки и считает это мстью за разорванного ягненка, что вызывает очарование Федры [Proc. Op. IX,4]. Прокопий здесь играет с читателем, чье внимание должно быть обращено на чудовищно живое изображение, которое, по-видимому, не следует рассматривать в один момент (по моральным или психологическим причинам).

Вторая сцена разворачивается в горах (приложение 9). Данную картину Прокопий начинает словами: «Если вам будет угодно, давайте теперь выйдем из королевского дворца на открытое пространство и отправимся с Ипполи-

²⁶⁶ Mielsch H. Römische Wandmalerei. – Darmstadt, 2001. – S. 164-166.

том на охоту». Это охотничье сообщество во главе с главными лицами Ипполитом и Дафной. Ипполит в сопровождении Дафны и слуг выехали верхом на лошадях, в это время появляется посланница Федры, старая кормилица. Ипполит, ужаснувшись содержанию послания, с отвращением бросает его на землю, и поломанная дощечка выдает все попытки Федры соблазнить пасынка. Дафна тоже кажется шокированной поведением царицы [Proc. Op. IX,23]. Кормилица становится жертвой охоты. Она на коленях, истекая кровью, пытается защититься от жестокого слуги, который бьет ее дубиной, и от своры свирепых псов, натравленных на нее [Proc. Op. IX,24-25]. Лысый сокольник пытается остановить это вероломное нападение [Proc. Op. IX,26,30]. Вдалеке, на склоне гор предстают сельские жители со стадами овец и собак – пастухи, крестьяне и охотники, которые наблюдают развернувшуюся драму [Proc. Op. IX,30].

Два главных героя среди охотников Ипполит и Дафна, «оба верхом и оба целомудренны». Они спешат на огненных лошадях, поворачивая головы друг к другу [Proc. Op. IX,23]. Дафна, как и Ипполит, были очень популярны в позднеантичном и византийском искусстве. Подбор этих двух персонажей был не случаен. Оба являются символом целомудрия и как таковые «цитируются» в самых удивительных декорациях. Передача любовного письма кормилицей - это мотив, который мы также знаем из мозаик и саркофагов, в том числе о возмущенной реакции Ипполита. Хотя тема Ипполита уже была введена в искусство посредством аттической трагедии, но нет работы в греческом изобразительном искусстве, где вместе показаны Ипполит и Федра. Мотив действительно очень популярен с 60-х гг. н.э. в римской настенной живописи, в котором предпочитается, прежде всего (не найденная в трагедии) сцена откровения любви Федры в письме, переданном через кормилицу Ипполиту. На многих позднеантичных мозаиках очень популярна триада отдельно стоящей Федры, обращающегося Ипполита, жестикулирующей кормилицы, и отражающий жест Ипполита на письменную табличку, лежащую на земле. Художник Газы мог использовать богатую традицию для этого мо-

тива. Безжалостный слуга, который разделяет гнев своего хозяина и ненавидит распутство, не только бьет кормилицу дубиной, но и натравливает на неё собак «как на кусок мяса». Эта драматичная центральная группа, для которой в мифе нет модели, является одной из самых интересных сцен картины, также потому, что она помещает изображение в хронологически определяемый живописный контекст. *Friedländer* заметил, что здесь проявляется грубость, которая является отражением одичавшего времени. Однако в классическом искусстве уже есть очень жестокие сцены, особенно в борьбе Тесея с различными монстрами. Любопытно изображение собак на картине. На главном полотне изображено откровенное занятие собачьей пары [Proc. Op. IX,15]. Собаки в античном искусстве выступали проводниками бога леса и охоты и, конечно, всех мифических охотников²⁶⁷. Но Тесей и его слуги не в состоянии использовать собак по назначению. Только на второй картине они сопровождают охотников. Однако они бросаются не на охотничьих животных, а на старую кормилицу. Жестокость этого действия контрастирует с тем, что делают собаки во дворце. Интересным мотивом является пейзажная живопись. Эпоха античности не знала данного мотива в современном понимании (пейзаж как автономная живописная тема, природа как носитель настроения). Но изображение широкомасштабных пейзажей, оживляемых дикими животными, было очень популярно в настенной живописи римских вилл²⁶⁸. В художественном плане содержится сочетание разных мотивов из разных сред: на заднем плане - сельскохозяйственные работы, которые возникают в ранневизантийскую эпоху, а впереди элементы охоты и мифические мотивы, пришедшие из античной эпохи.

Обратимся теперь к трем небольшим изображениям, которые следуют за охотой на льва Ипполита (справа налево) и показывают героические поступки молодости его отца Тесея: Тесей, убивающий Минотавра, Ариадна подающая Тесею нить и Ариадна, смотрящая на Тесея, стоящего среди осво-

²⁶⁷ *Friedländer P. Op. cit. - S. 47-49.*

²⁶⁸ *Ibid. - S. 66-68.*

божденных детей. Последний мотив иначе не известен. Тем не менее, это сильно напоминает знаменитую римскую роспись начала I века н.э., которая представляет собой сияющего юного Тесея, победителя в борьбе с монстром. Прокопий описывает момент победы над минотавром, в котором напуганные дети плачут, и Ариадну, рассматривающую их. Тесей стоит в центре изображения, обнажен, его плащ брошен через левое плечо, посох в левой руке. Слева - лабиринт, а мертвый Минотавр лежит у его ног. Тесей окружен множеством спасенных детей, некоторые из которых буквально повисли на нем. Ребенок схватил его повисшую правую руку и страстно поцеловал ее, другой обвил левую ногу [Proc. Op. IX,7]. В мифе сам Тесей был одной из жертв Минотавра. Однако все известные изображения показывают, что он старше, нежели, чем другие дети. Поэтому необходимо представлять Тесея как молодого эфеба среди маленьких детей.

Верхняя полоса картины показывает крышу дворца, на одном конце которой сидит чистокровный павлин, а на другом выступе – воркующая пара голубей. Описание позволяет узнать, что дворец находится в парке: огромные деревья на заднем плане изображения возвышаются над зданием [Proc. Op. IX,8-9]. Здесь также имеет место художественная традиция помпеянской настенной живописи, которая начинается с виньетки и изображения сада и пейзажа. Для *Friedländer* павлин – символ тщеславия, а также красивая самолюбленная одиночка, как противопоставление голубиной паре. Подобно собачьей паре на главной картине, эти представления животных также являются «малоиграющими аналогами» любви и ненависти в человеческом мире.

Есть и другое объяснение, которое выглядит более уместным: павлин - священная птица для Геры, которая является защитницей брака, жен и материнства. Павлина можно также рассматривать как христианский символ: павлины часто изображались как в римском искусстве, так и христианами. Подобные звездам «глаза» на хвостовых перьях и светоотражающая игра цветов подчеркиваются Прокопием, что считалось атрибутом неба и рая. Широкое распространение и значительная роль павлина как апофеозной пти-

цы римских императриц, несомненно, способствовало его принятию в христианском погребальном искусстве. Наконец, павлин появляется почти во всех раннехристианских изображениях рая, чему, возможно, послужил источником вдохновения прохладный, тенистый, орошаемый имперский сад в Риме. Таким образом, павлин на крыше Тесейского дворца в газийском изображении предполагает, что за зданием находился обширный, богато украшенный царский «райский сад», сооружение, предназначенное для жителей дворца, погрязших в злосчастных земных делах, не способных наслаждаться красотой. Эти моральные установки были понятны на христианском уровне и приемлемы для благочестивого христианина.

Четыре панно в верхней части картины изображают четыре сцены из Илиады. Прокопий упоминает, что художник имел удовольствие вставлять некоторые сцены из Троянской саги, чтобы приукрасить тему [Proc. Op. IX,36]. Слева направо изображено: путешествие Приама к месту встречи (для поединка), заключение договора, поединок между Менелаем и Парисом, Парис с Еленой. Прямой параллели с первой сценой нет, в которой показаны Приам и Антенор, окруженные охраной короля [Proc. Op. IX, 36-37]. Приам спешил и поклонившись, ведет опирающегося на палку Антенора к Агамемнону. На картине присутствуют также Одиссей, Нестор, Аякс, Менелай и Диомед [Proc. Op. IX,39]. Опять же, прямых художественных ролевых моделей мы нигде не встречаем. Последняя картина этой серии показывает Париса справа от Елены в комнате [Proc. Op. IX,41]. Мотив Париса с Еленой после его неудачного заключения договора не может быть найден в каком-либо репертуаре античного искусства. Парис и Елена всегда встречаются в Спарте перед похищением. Над панно в верхней части изображена статичная фигура покровителя в консульском платье, благородного происхождения, учредителя конных бегов и общественных бань [Proc. Op. IX,42].

Картины из Газы это, прежде всего, свободная трактовка трагедии Еврипида «Ипполит», в которой Федра пытается преодолеть свою всепоглощающую страсть, и скорее Кормилица, чем она сама начинает общение с

Ипполитом. Главное отличие этой трактовки - это изображение спящего Тесея во дворце. В классическом варианте, по меньшей мере, дважды упоминается, что он отбыл с визитом в Трою [Euripid. *Hipolit*, 281,660]. Этим объясняется упоминание Прокопием данной особенности. Тесей, который в классической живописи и литературе предстает как образец истинного духа Афинян, здесь изображен не как великий царь и прославленный герой, а как уставший старик, которого предала не только молодая жена, но и его слуги. Другое существенное отличие – это жестокое наказание Кормилицы. У Еврипида она возвращается от Ипполита целой и невредимой. Сравнение газского изображения и римских описаний наводит на мысль о том, что такое наказание, которое понесла Кормилица, было совершенно несвойственно для римской изобразительной традиции. Образ лысого сокольничего также нововведение византийских художников. Популярная в римском искусстве версия о передаче письма Кормилицей объясняет появление аналогичной версии в Газе. Подробная композиция картины, описанная Прокопием, резко контрастирует с маленьким изображением мифа на мозаичном полу в восточном Среднеземноморье, на котором обычно изображены два главных героя, Федра и Ипполит, а также кормилица или Эрос, соединяющие эти фигуры.

Газский художник включает в изображение внутреннюю и внешнюю обстановку, а также некоторые жанровые элементы, такие как полуденный зной, усиливающий атмосферу, которую передает картина. Несмотря на отклонения от классических канонов и некоторые нововведения, изображения Газы сохраняет верность классической живописи. И первый эпизод прекрасное тому доказательство. Нравственный выбор, с которым столкнулись главные герои картины, вовлекает окружающих их персонажей и одновременно свидетелей происходящего, сделать его. Деление сцен выполнено в классическом духе и представляет собой характер героя в первом эпизоде, и его реакцию на происходящее во втором. Эта картина пропитана духом проэллинизма. Несмотря на незначительные отклонения, она показывает актуальность классической традиции. Художник не просто продублировал хорошо извест-

ные мифы поздней античности. Также и морфологические изменения и вкрапления не есть признак непонимания или невежества. Напротив он как будто наслаждается своей свободой художника, благодаря которой он внес некоторые изменения, дал возможность истолковать классический текст так, чтобы он тронул сердца людей. Тем не менее, в ее основе классическая традиция. Точно воплотив сюжет мифа, он создал картину, которая будет интересна и непросвещённым людям. Так, например, фигура Эроса, указывающего на панно с Ипполитом, демонстрирует в кого влюблена Федра, в то время как ее близкое нахождение у кровати Тесея объясняет, что она его жена; то, что Кормилица провалила задание ясно из ее наказания. Хотя мифологические панно над вторым эпизодом и остальное многообразие художественных деталей будет в равной мере интересно и знатокам.

Пытаясь передать впечатления от картины надо сказать, что Прокопий, прежде всего, дает описание картины в стиле классицизм – архитектура придает картине глубину, цветовое решение драпированных одежд - свечение, лица главных героев и их жесты, так же как и язык тела выразительны; история предстает как непрерывное повествование с появившейся фигурой Кормилицы в двух последующих эпизодах, время и место определяют архитектурный фон в первом и пейзаж во втором эпизодах соответственно. Описания Прокопия производят впечатление выдуманного, но реалистичного места. Композиция второго эпизода отдаленно напоминает мифологический пейзаж, в который помещены мифологические герои, уменьшенные в размере и располагающиеся на фоне широкой панорамы. Слуга, частично скрывшийся за колонной в первом эпизоде, демонстрирует попытку художника создать в картине архитектурное пространство. Это также хорошо известный прием из римской живописи. Он также останавливается на таком аспекте картины как плотское влечение – Федра манит прозрачным одеянием, окутывающим ее тело, обнаженная грудь Ипполита привлекает не только Федру, но и одну из ее служанок, крестьянка выставляет грудь на показ, Тесей изображен с полуголой фигурой, а Кормилица с обнаженной грудью.

Также необходимо отметить включение фигуры хранителя или заступника в общее полотно. В церквях региона можно встретить изображение дарителя или заступника либо на отдельном панно, либо на общем плане. Этим и обусловлено его появление на картине в Газе. Из описания Прокопия следует, что заступник наряду с остальными руководителями стоял во главе города, был организатором скачек. Создателем общественных бань. Оратор говорит не только о приятной внешности, знатном происхождении, высокой оценке власти и активной деятельности, но также о том, что эти занятия соотносятся с Божьим промыслом («им управляет рука Господа»). Иными словами на него как на благочестивого христианина ни в коем случае не падает тень.

Прокопий совсем не дает сведений о размере картины, месте ее нахождения, художнике и времени ее написания. Скорее всего, она будет датироваться временем жизни самого Прокопия – VI веком. Ведь судя по описанию, она в хорошем состоянии и не являлась собой предметом античного искусства. Значение фигуры сокольничего так же указывает на то, что это V-VI век. Соколиная охота именно в это время стала частью образования знатных особ

Выбор главных тем не удивляет: Еврипид и, конечно же, Гомер по-прежнему были наиболее широко используемыми школьными авторами, а иллюстрированные издания их произведений внесли значительный вклад в выживание мифологии в искусстве. В особенности фигура Ипполита пользовалась в позднеантичное и в византийское время огромной популярностью, как символ целомудрия. Интересный факт заключается в том, что Ипполит был популярным именем среди ранних христиан. Храбрый мифический охотник, который умирает за свое целомудрие, должен был быть привлекательным как моральный символ, независимо от языческого контекста повест-

вования²⁶⁹. По той же причине фигура Дафны, должно быть, была популярна в христианское позднеантичное время. Изображение Дафны в лавровом венке очень распространено, особенно на коптских тканях и рельефах слоновой кости VI века. Это хорошо сочетается с охотой, которая развилась в искусстве частично из мифологической охоты, прежде всего на позднеантичных саркофагах, но могла стать общим и даже специфическим христианским символом доблести, добродетели и преодоления смерти. Мы имеем дело с ситуацией, характерной для поздней античности, в которой фрагменты из литературной, риторической и иконографической традиции оживляют старые мифы с новыми элементами. Например, как к современным мотивам - сокольничий, сельские жители - присоединяются Дафна и охотники. Живописный цикл в Газе показывает, что общество этого позднеантичного города, где языческие культы и фестивали сохранялись особенно долго, населяли и посещали люди разного происхождения (евреи, христиане), имевшие общий культурный традиционный субстрат. Картины могут быть приняты и интерпретированы классически образованной аудиторией, независимо от их происхождения и религии²⁷⁰.

Как показывают мозаики в этой области, в позднеантичной Палестине одни и те же художники и мастера работали для церквей, синагог и роскошных светских зданий, а образцы книг использовались для изображений на мозаиках и картинах. Особенно в позднеантичной Палестине можно наблюдать, как одни и те же мифологические изображения, а также «заполняющие элементы» (птицы, орнамент, персонификации) появляются в украшениях частных домов, синагог, церквей. В особенности с церквями, как показывают

²⁶⁹ См. подробнее: Лопатина М.Ю. «Экфрасис образов» Прокопия Газского и использование мифологических тем в искусстве ранневизантийской Палестины // Классическая и византийская традиция. 2017. – Белгород, 2017. – С. 252-268.

²⁶⁹ Baumann P. Mythological Heroes in the Service of Private Representation: A Case Study on Some Late Antique Mosaics in the Holy Land // What Athens has To Do with Jerusalem. Essays on Classical, Jewish, and Early Christian Art and Archaeology in Honor of Gideon Foerster. – Leuven, 2002. - P. 70.

²⁷⁰ Talgam R. The Ekphrasis Eikonos... - P. 233.

экфрасисы Хорикия, художники просто заменяли эти заполняющие элементы другими, которые не ассоциировались с мифческими. Оратор тщательно зафиксировал евангельскую иконографию, не исключая и мелких деталей в интрере церкви св. Сергия: Мать Спасителя изображена в центре, ее новорожденный Сын лежит на ее груди. Благочестивая группа фигур окружает это изображение с обеих сторон. [Chor. Or. 1, 29]. Среди них император (Юстиниан) и предводитель (архонт Стефан) [Chor. Or. 1, 30]. С обеих сторон изображены многолетние деревья, виноградные лозы, бриз, касающийся гроздьев винограда, и вибрирующий что-то сладкое и мирное вокруг его ветвей. Но самым изящным из всех изображений является сосуд с водой, по предположению Хорикия, означающий свежесть церкви [Chor. Or. 1, 32]. Здесь же он сам отмечает, что, художник по праву избегал соловья и цикады, поэтических птиц, чтобы память о мифических птицах не вторглась в священное место. Но вместо них изображена толпа других птиц и стая куропаток. Он, возможно, нарисовал бы саму музыку этих криков, если бы их звук был бы в согласии с божественным чтением [Chor. Or. 1,33]. В экфрасисе церкви св. Стефана он упоминает изображение Нила, причем эта река нигде не написана так, как художники обычно изображают реки. Она просто показана с потоками и соответствующими символами, с лугами вдоль его берегов и различными видами птиц, всеми теми, кто часто моются в ее потоках и живут в близлежащих полях [Chor. Or. 2, 50]. Например, изображение Царя Давида в древней синагоге в Газе дано в отношении к образу Орфея, играющему на лире. Хотя, это больше похоже на определенный переход события из мифической истории в еврейскую, нежели на описание язычества. Более того панно с изображением фигуры Давида в образе Орфея это лишь фрагмент большой композиции остальная часть которой не сохранилась. Но это отдельный вопрос для изучения.

Таким образом, произведения искусства с античными элементами, украшающие общественные памятники, и возможно, частные дома, можно встретить в культуре ранневизантийской Газы. Зритель мог проводить ассо-

циации с мотивами известных греческих мифов или предпочитал более христианско-нравоучительное толкование. Греческие мифы можно было увидеть во всех этих местах и, при необходимости, также интерпретировать аллегорически. В церквях мы можем найти сохраняющиеся декоративные элементы орнаментов, а также, отметим, что мозаики включали наряду со Спасителем и Матерью изображение основателя храма.

Заключение

Таким образом, понимание преемственности было важной частью христианизации города. Кампания Порфирия, конечно же, перевернула некоторые из старых учреждений. Однако, где это возможно, епископ вводил новые, которые можно рассматривать как продолжения прежних институтов. Как нам известно, поздняя античность была эпохой церемоний, и тенденция к сакрализации власти требовала постоянной ритуализации с помощью различных инструментов. Решающую роль в определении места индивидуумов в этом обществе имели методы празднования, особенно те, которые были основаны на принципе «усиления». Среди этих практик, панегирики, хвалебные речи, составленные в соответствии со строгими правилами и адресованные различным категориям людей, несомненно, являлись самыми сложными, по крайней мере, среди текстуальных форм. Панегирики были произведены в больших количествах для различных обстоятельств, общественных и частных. Хвалебная речь была характерной чертой всей политической жизни страны, в том числе многих провинциальных столиц и менее крупных городов.

Престиж традиции имел много общего с выживанием искусства декламации. Интенсивное изучение риторики сохранилось, поскольку оно оставалось актуальным, предоставляя необходимые навыки адвокатам и другим лицам. Такие условия жизнеспособности рассматриваемых авторов в Газе, кроме того, также являются общими и для других писателей, воплотивших некоторые важнейшие основы для сохранения классической Византии. Работы этих классиков дошли до нас, не потому, что им обеспечивалась сохранность, а потому, что они либо использовались в школах, либо были расценены как весьма полезные моральные учения, которые можно было извлечь из них.

Школа Газы, вероятно, также должна рассматриваться как продолжение классической риторической школы. Формальной частью риторической

традиции, которая последовала из античности, является использование содержания классических моделей в произведениях ранневизантийских авторов.

Газа являлась знаменитым центром образования и литературы. У газских авторов можно найти и переработки античных мифов, и отдельные мифологические имена и сюжеты, и почти механическое заимствование литературных жанров (приложение 10). Рассматривая произведения Энея, мы видим его опору на классическую литературу. Среди авторов, на которых он ссылается довольно часто, преобладают Гомер и Платон. Широкий спектр литературных и мифологических материалов нашел свое отражение в диалоге «Теофраст» и в личной переписке. Читая небогословские произведения Прокопия Газского и его ученика Хорикия, иногда трудно поверить, что мы имеем дело вообще с христианскими писателями. Для их произведений характерно: традиционная аттическая позиция в отношении языка, античные жанры литературы, частые отсылки к Зевсу и другим членам греческого пантеона. В эпитафии Прокопию Хорикий подчеркивает, что Прокопий отличался от других, потому что у него было как полное образование языческого софиста, так и задатки христианского лидера. А Фотий, например, жаловался на то, что Хорикий излишне смешивал языческие мифы и истории в своих произведениях. Аналогичная ситуация наблюдается и в творчестве единственного известного нам поэта Газы - Иоанна. Он способствовал распространению стиля египетского эпического поэта Нонна Панополитанского, а также как удалось установить, подражал его поэме «Деяния Диониса». Более того, вопрос о жанре и правилах поэтического творчества не отличается для Нонна в Египте в середине V века и для Иоанна в Палестине в первые десятилетия VI века. Риторы и поэты Газы использовали практически всегда одну и ту же коллекцию литературных ссылок, приобретенных в течение их обучения в родном городе или в других городах, в первую очередь в Александрии. Для конкретных типов произведения необходимы были определенные поэтические отсылки, а также литературные жанры. Среди последних широ-

кое распространение получили диалог, декламация, этопея, экфрасис, панегирик, монодия, энкомий, эпитафия, эпиталамий, апология, анакреонтические стихотворения.

Значительное место в византийской литературе занимал экфрасис. Яркость и красочность его изображения по-прежнему дает нам представление о высокой культуре и интенсивной жизни города Газа. Официально христианизированный, он даже по внешнему виду сохранил элементы эллинизма. Городское пространство Газы в ранневизантийский период позволяет идентифицировать Мадабская карта, а также отдельные сочинения Прокопия и Хорикия. Последний внес весомый вклад, прежде всего, в описание церквей св. Сергия и св. Стефана. Особенное внимание привлекает возможная идентификация церкви св. Сергия с ранее существовавшей Евдоксиевой церковью, а до нее языческим храмом Марнаса. Экфрасисы Прокопия (описание часов и описание картины «Федра и Ипполит») также являются выдержкой из реальной жизни Газы VI века.

В ходе работы над проблемой исследования удалось установить, что из античных гражданских сооружений в ранневизантийской Газе былое величие сохранили: агора, театр, скена, портики, термы (общественные бани), которые являлись любимым местом для отдыха и общения. Термы, в целом, оставались типичной действительностью для поздней античности, засвидетельствованные между III и VII веками по всему римскому миру. Удалось также выявить мифологические сцены в искусстве городской среды Газы. Они раскрывают целый спектр способов того, как художники наполняли изображения сценами из языческой мифологии, отличающиеся утонченностью, безупречной композицией и классическим духом. Репродукция известных мифологических сцен говорит о живучести античного содержания. Например, сцены из греческих трагедий, в особенности Еврипида, почти не подвергаются изменениям. Но, изображения, в основном, принимают приемлемую трактовку для христианского сообщества. Это, в свою очередь, свидетельствует о высокой интеллектуальной культуре жителей ранневизантийской Газы.

Стоит отметить, что главная проблема заключается в том, что невозможно сопоставить тексты с археологическими памятниками, так как их не сохранилось. Но, благодаря произведениям риториков, есть возможность схематически восстановить упоминаемые объекты, как и, в целом, городское пространство Газы (приложение 11). Тем более что сенсационные археологические находки (особенно мозаики и картины) в Израиле, Иордании и Антиохии предоставили много новых параллелей и оснований для реальности описанных картин в Газе. На сегодняшний день, фундаментальной работой остается издание *Paul Friedlander* 1939 года с объяснениями и реконструкцией изображений и механических часов.

Осмысление, оценка и отбор античного культурного наследия составляют характерную и очень существенную черту культуры ранневизантийской Газы. Здесь необходимо отметить, что христианство должно было выражаться в формах и словах, к которым привыкли люди, чтобы завоевать их сердца. Богатый опыт литературно-художественной традиции, преемственность и модификация научных и философских систем античности, традиции античного изобразительного искусства, архитектуры, – вот сущность и содержание того неизменного соприкосновения с классическим материальным и духовным миром, того общения с ним, которое нашло отражение в христианизированном городе. Газа в V-VI веках была открыта для диалога между кажущимися непримиримыми традициями. Интеллектуалы города смогли найти необычный синтез между античностью и современностью, выступив культурными посредниками, способными переосмыслить греческую традицию.

Библиографический список**Источники**

1. Aeneas of Gaza. Theophrastus, with Zacharias of Mytilene: Ammonius // Translated by S. Gertz – J. Dillon – D. Russell. – London: Bloomsbury Academic, 2012. – 180 p.
2. Choricii Gazaei opera / ed. R. Foerster, E. Richtsteig. - Leipzig: Teubner, 1972. – 576 p.
3. Choricus of Gaza. Encomium to dux Aratius and archo Stephanus // Choricus of Gaza. – Chicago: University of Chicago, 1980. – P. 154-175.
4. Choricus of Gaza. First Encomium to Marcian Bishop of Gaza // Choricus of Gaza. – Chicago: University of Chicago, 1980. – P. 110-132.
5. Choricus of Gaza. Funeral Oration to Procopius // Choricus of Gaza. – Chicago: University of Chicago, 1980. – P. 213-230.
6. Choricus of Gaza. Second Encomium to Marcian Bishop of Gaza // Choricus of Gaza. – Chicago: University of Chicago, 1980. – P. 133-153.
7. Cinque poeti bizantini. Anacreontee dal Barberiniano greco 310 / ed. F. Ciccolella. - Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2000. – 293 p.
8. Claudius Ptolemaeus. Geographia. Books 1-5 / ed. C. Muller. – Paris: A Firmin Didot, 1901. – 780 p.
9. Diodorus Siculus. Bibliotheca Historica / ed. F. Vogel. – Stuttgart: Teubner, 1985. – 529 S.
10. Enea di Gaza. Epistole / ed. L. Massa Positano. – Naples: Libreria scientifica, 1962. – 129 p.
11. Jean de Gaza. Description du Tableau cosmique / ed. D. Lauritzen. – Paris: Les Belles Lettres, 2015. - 277 p.
12. Procopii Gazaei Epistolae et Declamationes / Ed. Antonio Garzya. - Etal: Buch-Kunstverlag, 1963 - 111 p.

13. Procopio di Gaza. Descrizione dell'immagine // Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. – Alessandria: Edizioni del l'Orso, 2010. – P. 214-237.

14. Procopio di Gaza. Descrizione dell'orologio // Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. – Alessandria: Edizioni del l'Orso, 2010. – P. 204-213.

15. Procopio di Gaza. Dialexis sulla rosa // Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. – Alessandria: Edizioni del l'Orso, 2010. – P. 180-185.

16. Procopio di Gaza. Etopea del pastore // Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. – Alessandria: Edizioni del l'Orso, 2010. – P. 186-191.

17. Procopio di Gaza. Panegirico per l'imperatore Anastasio // Rose di Gaza: gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza. – Alessandria: Edizioni del l'Orso, 2010. – P. 240-287.

18. Zachariae Scholastico. Vita Isaiae monachi // Vitae virorum apud monophysitas celeberrimorum / ed. E. W. Brooks. – Paris: E Typogr. Reipublicae, 1907. -P. 1-10.

19. Арриан Квинт Эппий Флавий. Поход Александра (Анабасис Александра). - СПб.: Алетейя, 1993. — 368 с.

20. Витрувий. Десять книг об архитектуре / пер. Ф.А. Петровского. – М.: Архитектура-С, 2006. - 328 с.

21. Гомер. Илиада / пер. Н. И. Гнедича. - Л.: Наука, 1990. - 576 с.

22. Гомер. Одиссея / пер. В. А. Жуковского. - М.: Наука, 2000. - 544 с.

23. Еврипид. Ипполит / пер. И.Ф. Анненского. – М.: Наука, 1999. – 644 с.

24. Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина. / под ред. А.А. Калинина. - М.: Labarum, 1998. - 352 с.

25. Евсевий Памфил. О названиях местностей, встречающихся в священном писании. Блаженного Иеронима, пресвитера Стридонского. О поло-

жении и названии еврейских местностей / пер. И. Помяловского // Православный палестинский сборник. - СПб.: Императорское православное Палестинское общество, 1894. – 547 с.

26. Ермий Созомен. Церковная история. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – URL: <http://www.sedmitza.ru/lib/text/433504/>

27. Житие преподобного отца нашего Иллариона Великого Газского / пер. И. Помяловского // Палестинский патерик. - СПб.: Императорское православное Палестинское общество. - 1893. - Вып. 4. – 47 с.

28. Житие святителя Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/994

29. Иосиф Флавий. Иудейская война / пер. с нем. Я. Л. Чертка. - СПб.: [б.и.], 1900. - 560 с.

30. Книга Хрий / пер. с древнеармянского, пред. и ком. Г. Мурадян, ред. Л. Степанян. – Ереван: Наири, 2000. – 300 с.

31. Марк Диакон. Житие и подвизание иже во Святых отца нашего Порфирия, Епископа Газского / пер. И. Помяловского // Палестинский патерик. - СПб.: Императорское православное Палестинское общество. - 1895. - Вып. 5. – 79 с.

32. Нонн Панополитанский. Деяния Диониса / пер. Ю.А. Голубец. - СПб: Алетейя, 1997. – 608 с.

33. Пасхальная хроника / пер. Л. А. Самуткиной. – СПб.: Алетейя, 2004. — 224 с.

34. Платон. Государство / пер. А.Н. Егунова. – М.: [б.и.], 1971. – 87с.

35. Платон. Федр / пер. А.Н. Егунова. – М.: Прогресс, 1989. – 136 с.

36. Прокопий Газский. Панегирик императору Анастасию / пер. Н.Н. Болгова, А.М. Болговой // Классическая и византийская традиция. 2016. — Белгород: НИУ «БелГУ», 2016. — С. 143—161.

37. Сократ Схоластик. Церковная история / под ред. И. В. Кривушина. — М.: Росспэн, 1996. — 368 с.

38. Страбон. География / под ред. С. Л. Утченко. — М.: Наука, 1964. — 944 с.

39. Хорикий. Речь в защиту тех, кто воспроизводит жизнь в театре Диониса / пер. Л. А. Фрейберг // Памятники византийской литературы IV—IX веков. - М.: Наука, 1968. - С. 151—156.

40. Феодорит Кирский. Толкование на Вторую книгу Паралипоменон. [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/tolkovanie-na-vtoruyu-knigu-paralipomenon/#0_11

41. Эней Софист. Письма (2, 5, 6, 10, 13, 15, 21, 23, 24) / пер. М.Е. Грабарь-Пассек // Памятники византийской литературы IV—IX веков. - М.: Наука, 1968. - С. 157—160.

Исследования

1. Античная культура. Литература, театр, искусство, философия, наука: Словарь-справочник / под ред. В.Н. Ярхо. – М.: Лабиринт, 2002. – 352 с.

2. Античная поэтика. Риторическая теория и литературная практика / Институт мировой литературы имени А.М. Горького. – М.: Наука, 1991. – 256 с.

3. Болгов, Н.Н. Ранневизантийская Газа в Палестине: город и его писатели / Н.Н. Болгов // Античная древность и средние века. — 2014. — Вып. 42. — С. 38-52.

4. Болгова, А.М. Хорикий из Газы: античная риторика как форма для византийской школы / А.М. Болгова // Научные ведомости БелГУ. – 2011. - №1 (96). - С.48-53.

5. Введенский, Д.Э. Газский и его сочинение «Феофраст или о бессмертии души и воскресении» / Д.Э. Введенский // Православный собеседник. – 1902. – № 4. – С. 1–18.

6. Ведешкин, М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV-VI вв. / М.А. Ведешкин. – СПб.: Алетейя, 2018. – 358 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живаго великорускаго языка Владимира Даля. Том четвертый. Р — V. - СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 712 с.
8. Дауни Г. Газа в начале VI века / пер. с англ. и сост. А.М. Болговой, Н.Н. Болгова. – Белгород: [б. и.], 2014. – 112 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 с.
10. Симонов, В.В. Введение в историю Церкви. Часть 1: Обзор источников по общей истории Церкви: Учебное пособие / В.В. Симонов. — М.: Издательство Московского университета, 2012. — 752 с.
11. Словарь античности / под ред. В.И. Кузищина. - М.: Прогресс, 1989. – 704 с.
12. Фрейберг, Л.А. Античное литературное наследие в византийскую эпоху / Л.А. Фрейберг // Античность и Византия. – М.: Наука, 1975. – С. 5-52.
13. Фрейберг, Л. А. «Апология мимов» Хорикия / Л.А. Фрейберг // Античность и Византия. - М.: Наука, 1975. - С. 319—326.
14. Фрейберг, Л.А. Византийская литература эпохи расцвета IX - XV вв./ Л.А. Фрейберг, Т.В. Попова – М.: Наука, 1978. – 287 с.
15. Чехановец, Я.М. «Marnas victus est a Christo». К вопросу о христианизации древней Газы / Я.М. Чехановец // Мнемон. - СПб.: [б.и.], 2006. – С. 419-454.
16. Юзефовский, Б. Византийское монашество и монастыри Газы / Б. Юзефовский // Иерусалимский православный семинар. – 2013. - Вып. 4. - С. 25-34.
17. Abel, F.-M. Gaza au VIe siècle d'après le rheteur Chorikios / F.-M. Abel // Revue Biblique. – 1931. – Т. 40. - P. 5-31.
18. Abel, F.-M. Le Sud Palestinien d'après la Carte Mosaique de Madeba / F.-M. Abel // Journal of the Palestine Oriental Society. - 1924. - Vol. 4. - P. 107-117.

19. Abel, F.-M. Les confins de la Palestine et de l'Égypte sous les Ptolemées / F.-M. Abel // *Revue Biblique*. - 1939. - Vol. 48. – P. 207–236.
20. Aharoni, Y. *The Land of the Bible: A Historical Geography* / Y. Aharoni. - Philadelphia: The Westminster Press, 1979. – 481 p.
21. Alt, A. Beiträge zur historischen Geographie und Topographie des Neg-ev. I. Das Bistum Orda / A. Alt // *Journal of the Palestine Oriental Society*. – 1931. – Vol. 11. – P. 204-211.
22. Aly, W. Prokopios von Gaza / W. Aly // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. – 1957. - Vol. 23.1. – cols. 259-273.
23. Amirav, H. *Rhetoric and Tradition: John Chrysostom on Noah and the Flood* / H. Amirav. - Leuven: Peeters Publishers, 2003. – 269 p.
24. Ando, C. *Imperial Ideology and Provincial Loyalty in the Roman Empire* / C. Ando. - Oakland: University of California Press, 2000. – 494 p.
25. Avi-Yonah, M. *The Madeba Mosaic Map* / M. Avi-Yonah. - Jerusalem: Israel Exploration Society, 1954. – 257 p.
26. Avi-Yonah, M. *The Holy Land from the Persian to the Arab Conquests* / M. Avi-Yonah. – Michigan: Baker Book House, 1966. – 288 p.
27. Babler, B. Prokop von Gaza: Der Gemäldezyklus / B. Babler // *Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza*. – Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. – P. 560-618.
28. Barasch, M. *The David Mosaic of Gaza* / M. Barasch // *Assaph*. - 1980. - №1. - P. 1–43.
29. Baumann, P. *Mythological Heroes in the Service of Private Representation: A Case Study on Some Late Antique Mosaics in the Holy Land* / P. Baumann // *What Athens has To Do with Jerusalem. Essays on Classical, Jewish, and Early Christian Art and Archaeology in Honor of Gideon Foerster*. – Leuven: Peeters, 2002. - P. 67-85.
30. Bejor, G. *Vie colonnate: Paesaggi urbani del mondo antico* / G. Bejor // *American Journal of Archaeology*. – 2002. - Vol. 106. - No. 1. - P. 139-140.

31. Bitton-Ashkelony, B. Christian Gaza in Late Antiquity / B. Bitton-Ashkelony, A. Kofsky. – Leiden-Boston: Brill, 2004. – 248 p.
32. Brown, P. Power and Persuasion in Late Antiquity. Towards a Christian Empire / P. Brown. - Madison: The University of Wisconsin Press, 1992. – 182 p.
33. Bury, J.B. A History of the Later Roman Empire. Vol. I. / J.B. Bury. – New York: Dover Publications, 2011. – 512 p.
34. Champion, M.W. Explaining the Cosmos: Creation and Cultural Interaction in Late-antique Gaza / M.W. Champion. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 241 p.
35. Chauvot, A. Procope de Gaza, Priscien de Césarée, Panégyriques de l'empereur Anastaseler / A. Chauvot. – Bonn: Habelt, 1986. – 323 p.
36. Claude, D. Die byzantinische Stadt im 6.Jahrhundert / D. Claude. – Munich: Beck, 1969. – 257 p.
37. Clermont-Ganneau, C. Archaeological Researches in Palestine 1873-1874 / C. Clermont-Ganneau. – London: Palestine Exploration Fund, 1896. – 528 p.
38. Cohen, R. Negev emergency project / R. Cohen // Israel Exploration Journal. – 1982. – Vol. 32. – P. 263-265.
39. Conder, C.R. The Survey of Western Palestine. Vol. III: Judaea / C.R. Conder, H.H. Kitchener. - London: Palestine Exploration Fund, 1970. – 584 p.
40. Dan, Y. Circus factions (Blues and Greens) in Byzantine Palestine / Y. Dan // The Jerusalem Cathedra 1. – Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Institute, 1981. – P. 105-119.
41. Dan, Y. The City in Eretz Israel during the Late Roman and Byzantine Periods / Y. Dan. – Jerusalem: Hebrew, 1984. – 254 p.
42. Diels, H. Über die von Prokop beschriebene Kunstuhr von Gaza / H. Diels // Abhandlungen der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaft, Philosophisch-Historische Klasse. – 1917. – Vol. 7. – P. 1-39.
43. Dixneuf, D. Production et circulation des biens à Gaza Durant l'Antiquité Tardive: le témoignage des amphores / D. Dixneuf // Gaza dans l'Antiquité Tar-

diver. Archéologie, rhétorique et histoire. Actes du colloque international de Poitiers (6 -7 mai 2004). - Salerno: Helios, 2005. – P. 51-74.

44. Donners, H. Mosaikkarte von Madeba / H. Donners, H. Cüppers. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1977. – 169 s.

45. Downey, G. Gaza in the early Sixth Century / G. Downey. - Norman: University of Oklahoma Press, 1963. - 172 p.

46. Duval, N. L'architecture culturelle / N. Duval // Naissance des arts chrétiens. – Paris: Documentation Française, Imprimerie Nationale, 1991. – P. 186-219.

47. Encyclopedia of Archaeological Excavations in the Holy Land. Vol. II / ed. M. Avi-Yonah. – Jerusalem: Prentice-Hall, 1978. – 1237 p.

48. Finkelstein, I. The Holy Land in the Tabula Peutingeriana: a historical-geographical approach / I. Finkelstein // Palestine Exploration Quarterly. – 1970. – Vol. 111. – P. 27-34.

49. Friedländer, P. Spätantiker Gemäldezyklus in Gaza: des Prokopios von Gaza Ekphrasis eikonos / P. Friedländer. – Città del Vaticano: Biblioteca apostolica vaticana, 1939. – 120 S.

50. Gantz, T. Early Greek Myth: A Guide to Literary and Artistic Sources / T. Gantz. – Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1993. - 836 p.

51. Gatt, G. Legende zum Plane von Gaza / G. Gatt // Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins. – 1888. – Bd. 11. – S. 149-159.

52. Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Actes du colloque international de Poitiers (6 -7 mai 2004) / ed. C. Saliou. - Salerno: Helios, 2005. – 240 p.

53. Glucker, C.A.M. The city of Gaza in the Roman and Byzantine periods / C.A.M. Glucker. - Oxford: BAR International Series, 1987. – 172 p.

54. Graux, C. Chorikios. Laudationem Aratii Stephanique / C. Graux // Rev. de philology. – 1877. – Vol. 1. – PP. 55-85.

55. Greek Biography and Panegyric in Late Antiquity / ed. T. Hagg, P. Rousseau. – Berkeley: University of California Press, 2000. – 288 p.

56. Guerin, V. *Description (Geographique, Historique et Archaeologique) de la Palestine* / V. Guerin. – Amsterdam: Oriental Press, 1969. – 580 p.
57. Heath, M. *Hermogenes On Issues: Strategies of Argument in Later Greek Rhetoric* / M. Heath. - Oxford: Oxford University Press, 1995. - 284 p.
58. Heath, M. *Menander: A Rhetor in Context* / M. Heath. - Oxford: Oxford University Press, 2004. - 390 p.
59. Hirschfeld, Y. *The Monasteries of Gaza: An Archaeological Review* / Y. Hirschfeld // *Christian Gaza in Late Antiquity*. – Leiden: Boston Brill, 2004. - P. 61–88.
60. Holum K.G. *The Greek and Latin inscriptions of Caesarea Maritima* / K.G. Holum, C.M. Lehman. – Boston: American Schools of Oriental Research, 2000. – 292 p.
61. Humbert, J.-B. *Gaza méditerranéenne. Histoire et archeology en Palestine* / J.-B. Humbert. – Paris: Errance, 2000. – 135 p.
62. Isaac, B. H. *Milestones in Judaea from Vespasian to Constantine* / B. H. Isaac // *Palestine Exploration Quarterly*. - 1978. – Vol. 110. – P. 47-60.
63. Isaac, B.H. *Trade-routes to Arabia and the Roman Army* / B.H. Isaac // *Roman Frontier Studies* 1979. – 1980. - Vol. 71. – P. 881-890.
64. Jones, C.P. *Procopius of Gaza and the Water of the Holy City* / C.P. Jones // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. –2007. - No.47. – P. 455–467.
65. Kaster, R.A. *Controlling Reason: Declamation in Rhetorical Education at Rome* / R.A. Kaster // *Education in Greek and Roman Antiquity*. - Leiden: Brill, 2001. - P. 317-337.
66. Kempen, C. *Procopii Gazaei In imperatorem Anastasium panegyricus: dissertatioin auguralis quam* / C. Kempen. – Michigan: University of Michigan Library, 1918. – 68 p.
67. Kirk, G.E. *Explorations in the southern desert* / G.E. Kirk // *Palestine Exploration Quarterly*. – 1938 – Vol. 70. – P. 211-235.
68. Kirsten, C. *Quaestiones Choricianae* / C. Kirsten. – Breslau: apud G. Koebner, 1894. – 35 p.

69. Kraemer, C.J. Excavations at Nessana. Vol. III / C.J. Kraemer. – Princeton: Princeton University Press, 1958. – 355 p.

70. Lauritzen, D. Hermès et ses Muses dans le premier Éloge de Marcien par Chorikios / D. Lauritzen // Coricio di Gaza e la sua opera. – Bari: Edizioni di Pagina, 2014. - P. 91-99.

71. Lauritzen, D. Nonnus in Gaza. The Expansion of Modern Poetry from Egypt to Palestine in the Early Sixth Century CE / D. Lauritzen // Nonnus of Panopolis in Context: Poetry and Cultural Milieu in Late Antiquity with a Section on Nonnus and the Modern World. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co KG, 2014. - P. 421-433.

72. Levi, A. Itineraria Picta: Contributo allo studio della Tabula Peutingeriana / A. Levi, M. Levi. – Rome: 'L'Erma' di Bretschneider, 1967. – 253 p.

73. Litsas, F.K. Choricius of Gaza / F.K. Litsas. – Chicago: University of Chicago, 1980. – 654 p.

74. Mackenzie, D. The port of Gaza and excavations in Philistia / D. Mackenzie // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. - London: Published at the fund's office, 1918. - P. 72-87.

75. Mansi, G. D. Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collection / G.D. Mansi. – 1960. - Vol. 7. - cols. 364-365.

76. Mayerson, P. The Wine and Vineyards of Gaza in the Byzantine period / P. Mayerson // Bulletin of the American Schools of Oriental Research. - 1985. – No. 257. - P. 1-80.

77. Meshel, Z. The Nabataean Road from 'Avdat to Sha'ar Ramon: concluded / Z. Meshel, Y. Tsafir // Palestine Exploration Quarterly. – 1975. - Vol. 107. – P. 3-21.

78. Meshel, Z. The Nabataean Road from 'Avdat to Sha'ar Ramon: Part I / Z. Meshel, Y. Tsafir // Palestine Exploration Quarterly. – 1974. – Vol. 106. – P. 103-118.

79. Meshel, Z. Toldot "Darb-el-Aza" - haderekh hakedumah le Eilat udrom Sinai / Z. Meshel // Eretz Israel. – 1981. - Vol. 15. — P. 358-371.

80. Meyer, M.A. History of the City of Gaza / M.A. Meyer. - New York: The Columbia University Press, 1907. – 206 p.
81. Mielsch, H. Römische Wandmalerei / H. Mielsch. – Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2001. –231 S.
82. Millar, F.G.B. The Emperor in the Roman World / F.G.B. Millar. – London: Cornell University Press, 1977. – 657 p.
83. Montgomery, J.A. The Samaritans / J.A. Montgomery. - New York: Ktav, 1968. – 358 p.
84. Negev, A. The Date of the Petra-Gaza road / A. Negev // Palestine Exploration Quarterly. – 1966. – Vol. 98. – P. 89-98.
85. Ovadiah, A. The Synagogue at Gaza / A. Ovadiah // Qadmoniot I. - 1968. – № 4. - P. 124-127.
86. Palmer, E.H. The Desert of the Exodus / E.H. Palmer. – Cambridge: Deighton, Bell and Company, 1871. – 576 p.
87. Paul, G.M. Urbs Capta: Sketch of an Ancient Literary Motif / G.M. Paul // Phoenix. - 1982. - Vol. 36. - P. 144-155.
88. Peeters, P. La vie géorgienne de Saint Porphyre de Gaza / P. Peeters // Analecta Bollandiana. – 1941. – Vol. 59. – P. 65-216.
89. Phythian-Adams, W.J. Second Report on the Soundings at Gaza / W.J. Phythian-Adams // Palestine Exploration Fund Quarterly Statement. - London: Published at the fund's office, 1923. – P. 11-36.
90. Piéri, D. Les marchands orientaux dans le grand commerce avec l'Occident à l'époque protobyzantine (IVème - VIème siècles apr. J.-C.) / D. Piéri // Annales d'Histoire et d'Archéologie. – Beyrouth: Université Saint-Joseph, 1997-1998. – P. 9-35.
91. Piccardi, D.G. Poesia e filosofia in Giovanni di Gaza / D.G. Piccardi // L'École de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité tardive. – Paris: Peeters, 2017. - P. 131-149.
92. Prévot, F. La cathédrale et la ville en Gaule dans l'Antiquité tardive et le Haut Moyen-Âge / F. Prévot // Histoire urbaine. – 2003. – Vol. 7. – P. 17-36.

93. Pullan, W. *The Representation of the Late Antique City in the Madaba Map* / W. Pullan // *Madaba Map Centenary*. – Jerusalem: Studium Biblicum Franciscanum, 1999. – P. 165-171.
94. Rees, R. *Layers of Loyalty in Latin Panegyric: AD 289–307* / R. Rees. – Oxford: Oxford University Press, 2002. – 250 p.
95. Renaut, D. *La récitation d'ekphraseis: une réalité vivante à Gaza au VI-e siècle* / D. Renaut // *Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Actes du colloque international de Poitiers (6 -7 mai 2004)*. – Salerno: Helios, 2005. – P. 197-220.
96. Riley, J.A. *The Pottery from the First Season of Excavations in the Caesarea Hippodrome* / J.A. Riley // *Bulletin of the American Schools of Oriental Research*. – 1975. – No. 218. – P. 1-63.
97. Roberts, M. *The Use of Myth in Latin Epithalamia from Statius to Venantius Fortunatus* / M. Roberts // *Translations of the American Philological Association*. – 1989. – Vol. 119. – P. 321-348.
98. Robinson, E. *Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia. Vol. III* / E. Robinson. – London: Murray, 1841. – 723 p.
99. Robinson, E. *Biblical Researches in Palestine, Mount Sinai and Arabia. Vol. II* / E. Robinson. – Boston: Crocker & Brewster, 1841. – 680 p.
100. Roll, I. *The Roman road system in Judaea* / I. Roll // *The Jerusalem Cathedra* 3. – Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Institute, 1983. – P. 136-161.
101. Romeny, B. ter Haar. *Procopius of Gaza and his Library* / B. ter Haar Romeny // *From Rome to Constantinople. Studies in Honour of Averil Cameron*. – Leiden: Peeters Publishers, 2007. – 173-190 p.
102. *Rose di Gaza. Gli scritti retorico-sofistici e le Epistole di Procopio di Gaza* / ed. E. Amato. – Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2010. – 800 p.
103. Rubin, Z. *Christianity in Byzantine Palestine: missionary activity and religious coercion* / Z. Rubin // *The Jerusalem Cathedra* 3. – Jerusalem: Yad Izhak Ben-Zvi Institute, 1983. – P. 97-113.

104. Sadeq, M. Christian Topography of Byzantine Gaza / M. Sadeq // *International Journal of Humanities and Social Science*. – 2015. - Vol. 5. - No. 12. - P. 47-54.
105. Saliou, C. Bains d'été et bains d'hiver à Antioche / C. Saliou // *Antioche de Syrie. Histoire, images et traces de la ville antique*. – Lyon: Maison de l'Orient Méditerranéen--Jean Pouilloux, 2004. – P. 289-309.
106. Saliou, C. L'orateur et la ville: réflexions sur l'ap port de Chorikios à la connaissance de l'histoire de l'espace urbain de Gaza / C. Saliou // *Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire. Actes du colloque international de Poitiers*·(6 -7 mai 2004). – Salerno: Helios, 2005. - P. 171-195.
107. Saliou, C. Dire l'architecture au VIe s.: Chorikios de Gaza / C. Saliou // *L'École de Gaza: espace littéraire et identité culturelle dans l'Antiquité tardive*. – Paris: Peeters, 2017. - P. 185
108. Saradi, H. Beholding the City and the Church: The Early Byzantine Ekphraseis and Corresponding Archaeological Evidence / H. Saradi // *Deltion tes Christianikes kai Archaeologikes Etaireias*. – 2003. – Vol. 24. – P. 31-36.
109. Sartre, M. D'Alexandre à Zénobie: Une Histoire du Levant antique IVe s. av.J.C.-IIIe s. / M. Sartre – Paris: Fayard, 2001. – 1194 p.
110. Schalkhausser, G. Aeneas von Gaza als Phiosoph / G. Schalkhausser. – Erlangen: Buchdruckerei von F. Junge, 1898. – 108 s.
111. Schouler, B. Choricus déclamateur / B. Schouler / *Gaza dans l'Antiquité Tardive: Archéologie, rhétorique, histoire*. - Salerno: Helios, 2005. - P. 117-133.
112. Scott, R. D. The Classical Tradition in Byzantine Historiography / R.D. Scott // *Byzantium and the Classical Tradition*. – Birmingham: University of Birmingham, 1981. – P. 61 -74.
113. Smith, G.A. The Historical Geography of the Holy Land / G.A. Smith. – London: Harper & Row, 1966. – 512 p.
114. Stark, K.B. Gaza und die Philistaische Kuste / K.B. Stark. – Jena: Freidrich Mauke, 1852. – 645 p.

115. Sukenik, E.L. The ancient synagogue of El-Hammeh (Hammath-by-Gadara) / E.L. Sukenik. - Jerusalem: Rubin Mass, 1935. – 99 p.

116. Talgam, R. The Ekphrasis Eikonos of Procopius of Gaza: The Depiction of Mythological Themes in Palestine and Arabia during the Fifth and Sixth Centuries / R. Talgam // Christian Gaza in late antiquity. – Leiden-Boston: Brill, 2004. – P. 209–234.

117. Talgam, R. The Survival of Classical Culture in Palaestina and Arabia in Late Antiquity: Mosaic Art as Test Case / R. Talgam // Bollettino di Archeologia. - 2010. - Vol. 1. - P. 54-63.

118. Thomsen, P. Die Romischen Meilensteine der Provinzen Syria, Arabia und Palaestina / P. Thomsen // Zeitschrift des Deutschen Palaestina-Vereins. – 1917. - Vol. 40. — S. 1-103.

119. Trapp, M.B. Greek and Latin Letters: An Anthology, with Translation / M.B. Trapp. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 348 p.

120. Ward-Perkins, J.B. Roman Imperial Architecture / J.B. Ward-Perkins. - New Haven: Yale University Press, 1994 – 532 p.

121. Watson, P. The Byzantine Period / P. Watson // The Archaeology of Jordan. – Sheffield: Sheffield Academic Press, 2001. - P. 461 -502.

122. Webb, R. Demons and Dancers: Performance in Late Antiquity / R. Webb. – Cambridge: Harvard University Press, 2008. – 296 p.

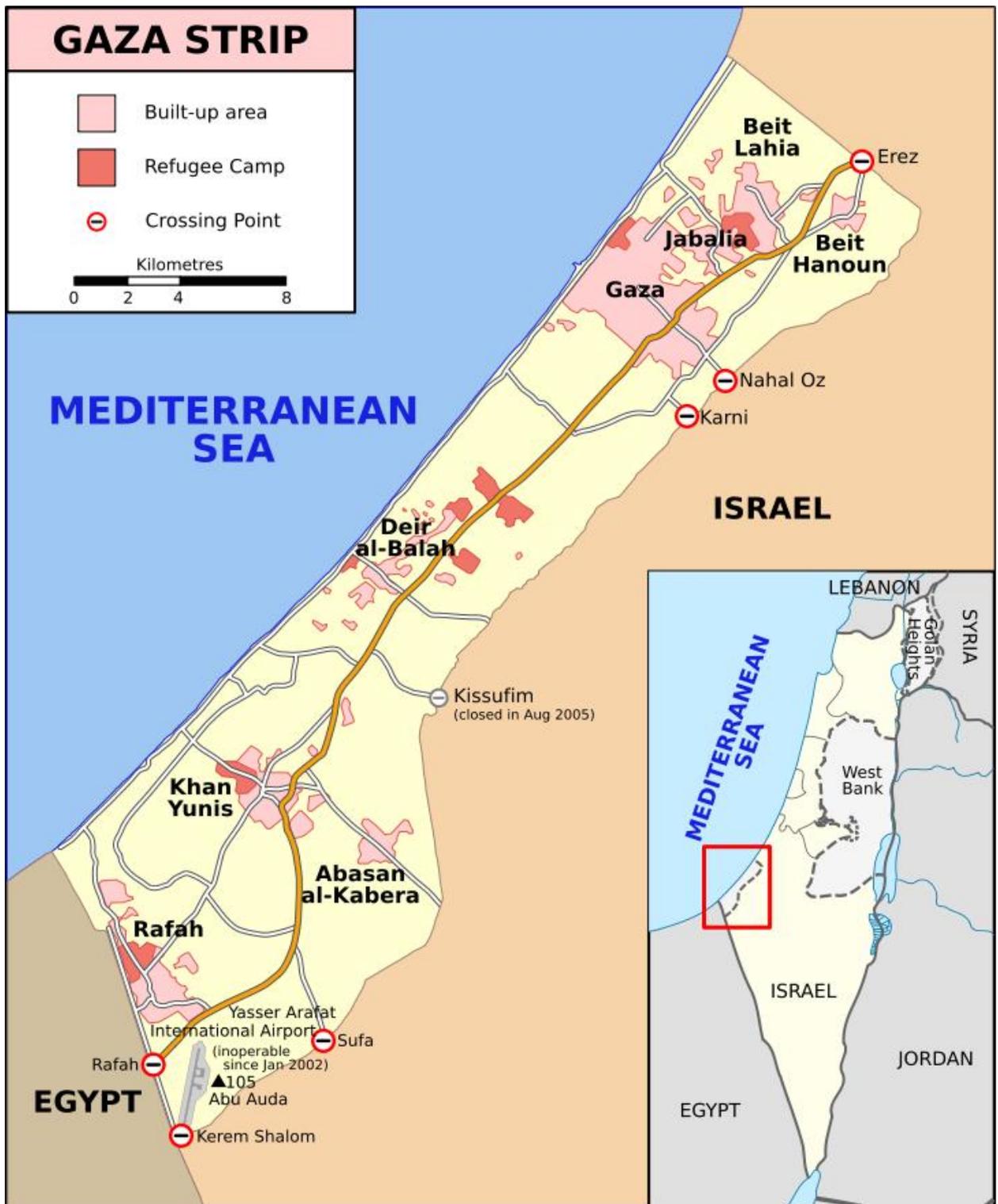
123. Weiss, Z. Buildings for Entertainment / Z. Weiss //The City in Roman Palestine. – New York: Oxford University Press, 1998. - P. 77-91.

124. Young, F.M. Biblical Exegesis and the Formation of Christian Culture / F.M. Young. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – 325 p.

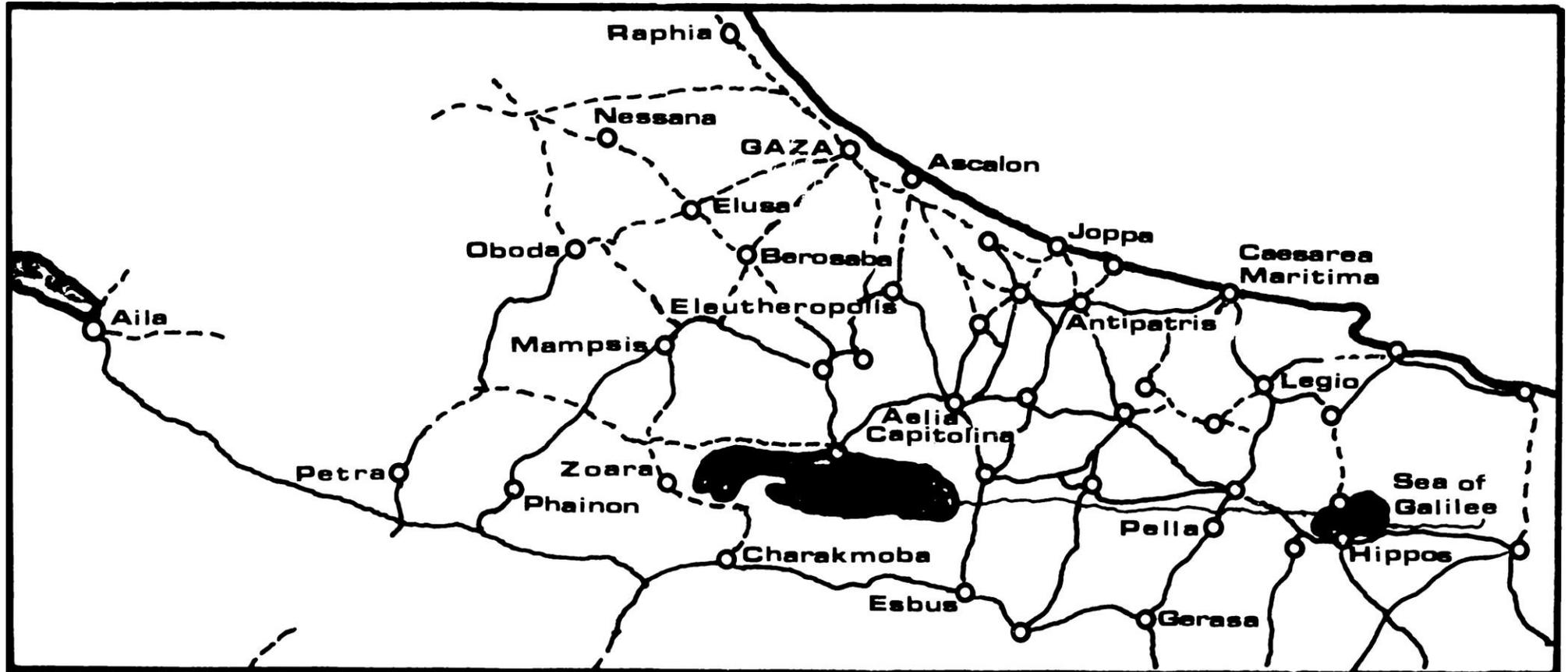
Электронные ресурсы:

1. Jean. Sa vie // L'École de Gaza. [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. - URL: <http://ecoledegaza.fr/gazae-schola/>

ПРИЛОЖЕНИЯ

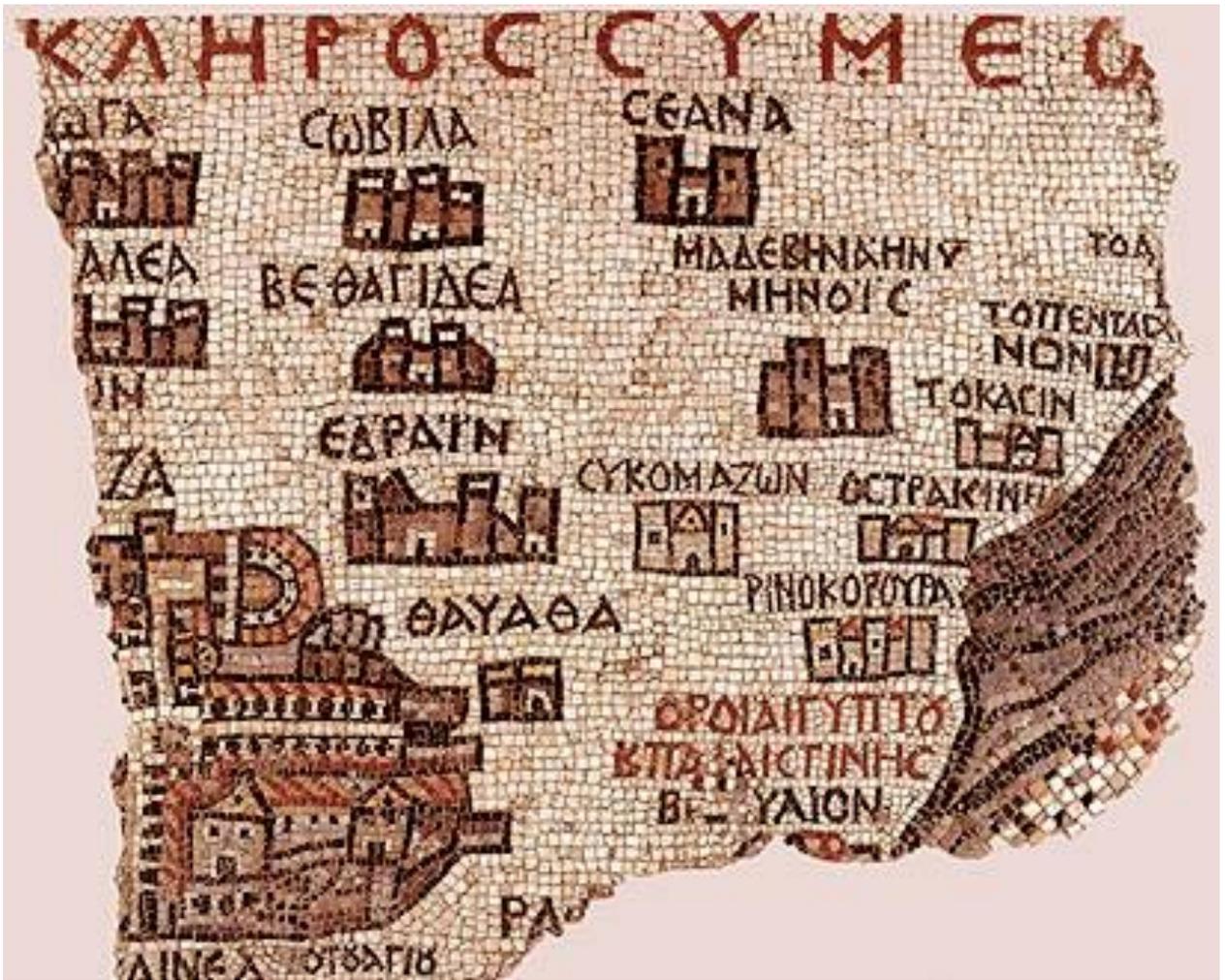
Карта территории Сектора Газа (2008 год)

Газа Палестинская в системе дорожной сети

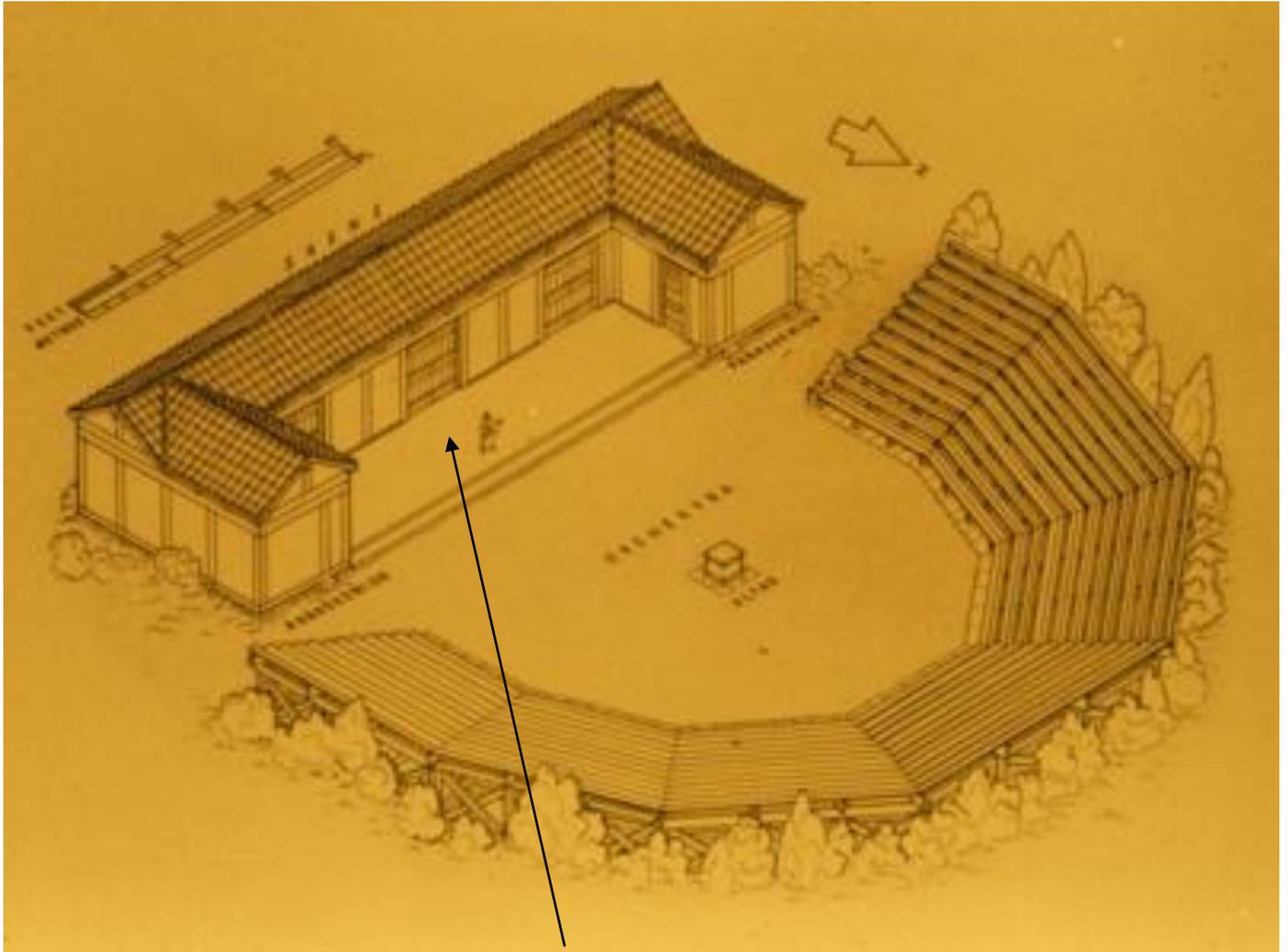

Торговый «Путь благовоний» («Путь ладана»)

Фрагмент из Мадабской карты

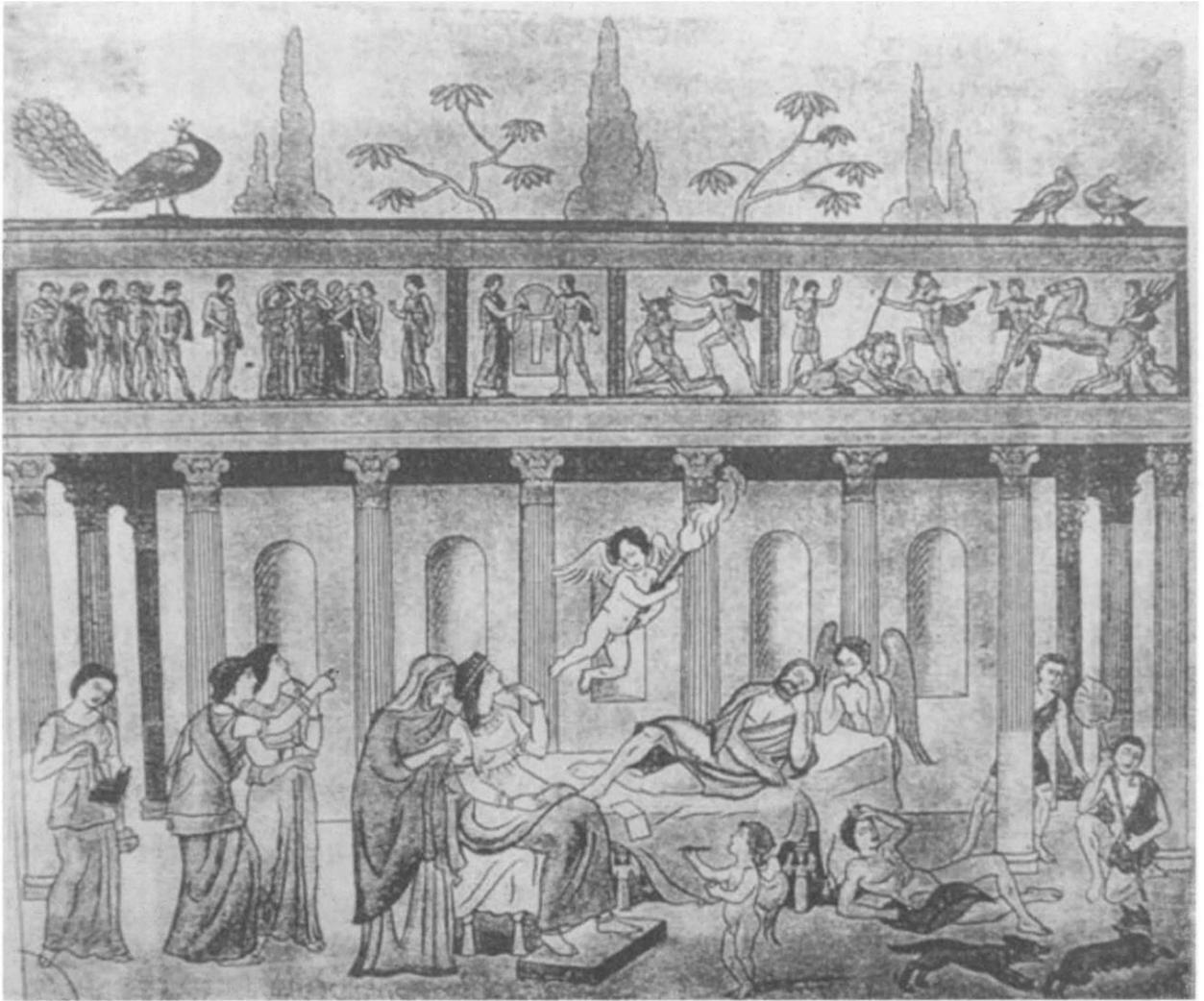
с изображением Газы и прилегающих к ней территорий

Скене

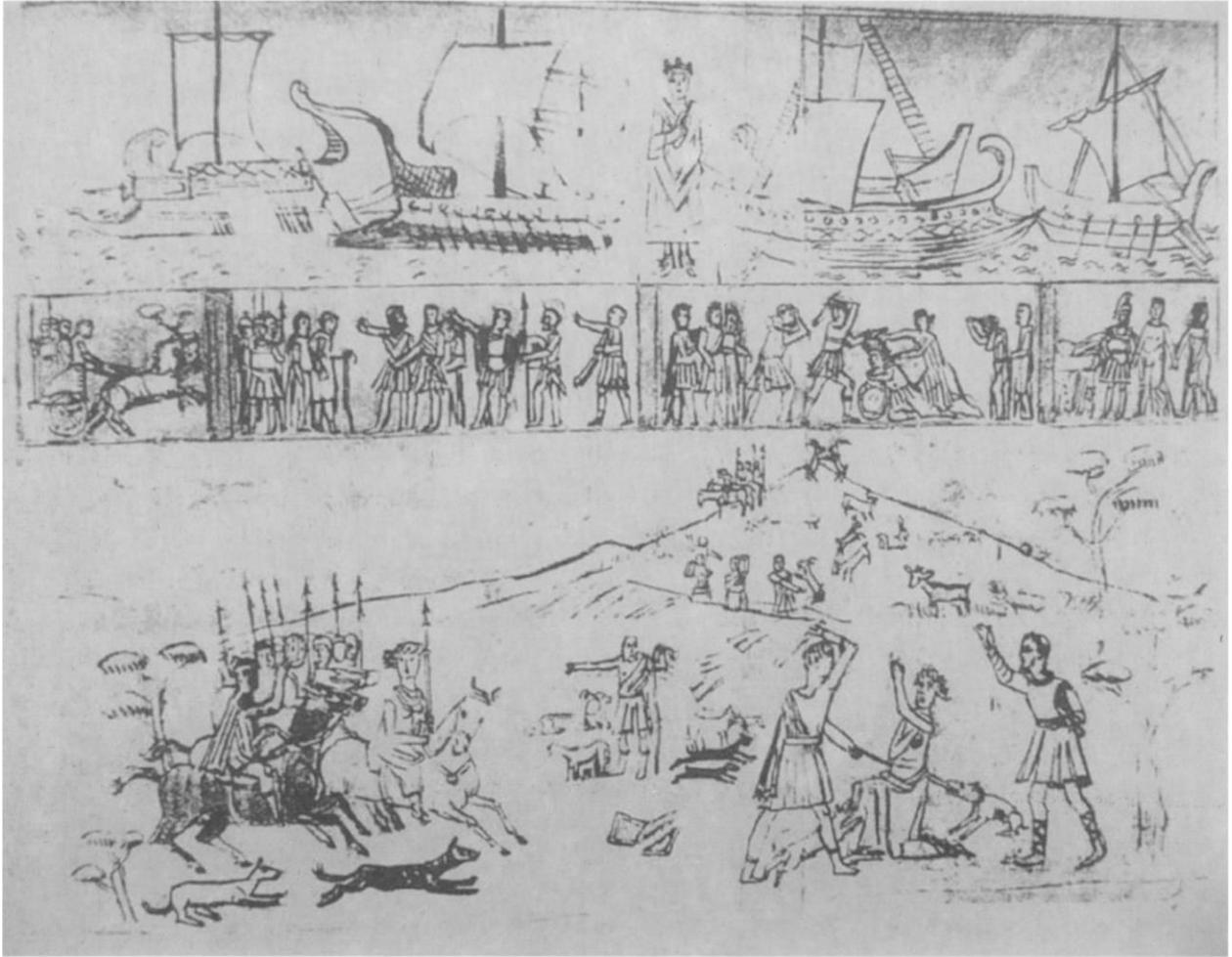

Реконструкция часов согласно экфрасису Прокопия Газского
(P. Friedländer, 1939)

Реконструкция картины «Федра и Ипполит» согласно
экфрасису Прокопия Газского: сцена 1 «Во дворце», охота на льва Ипполита,
героические поступки Тесея, крыша дворца.

(P. Friedländer, 1939)

Реконструкция картины «Федра и Ипполит» согласно экфрасису Прокопия
 Газского: сцена 2 «В горах», 4 сцены из Илиады, фигура хранителя.
 (P. Friedländer, 1939)

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЖАНРЫ И АВТОРЫ В ГАЗЕ В V-VI ВВ.

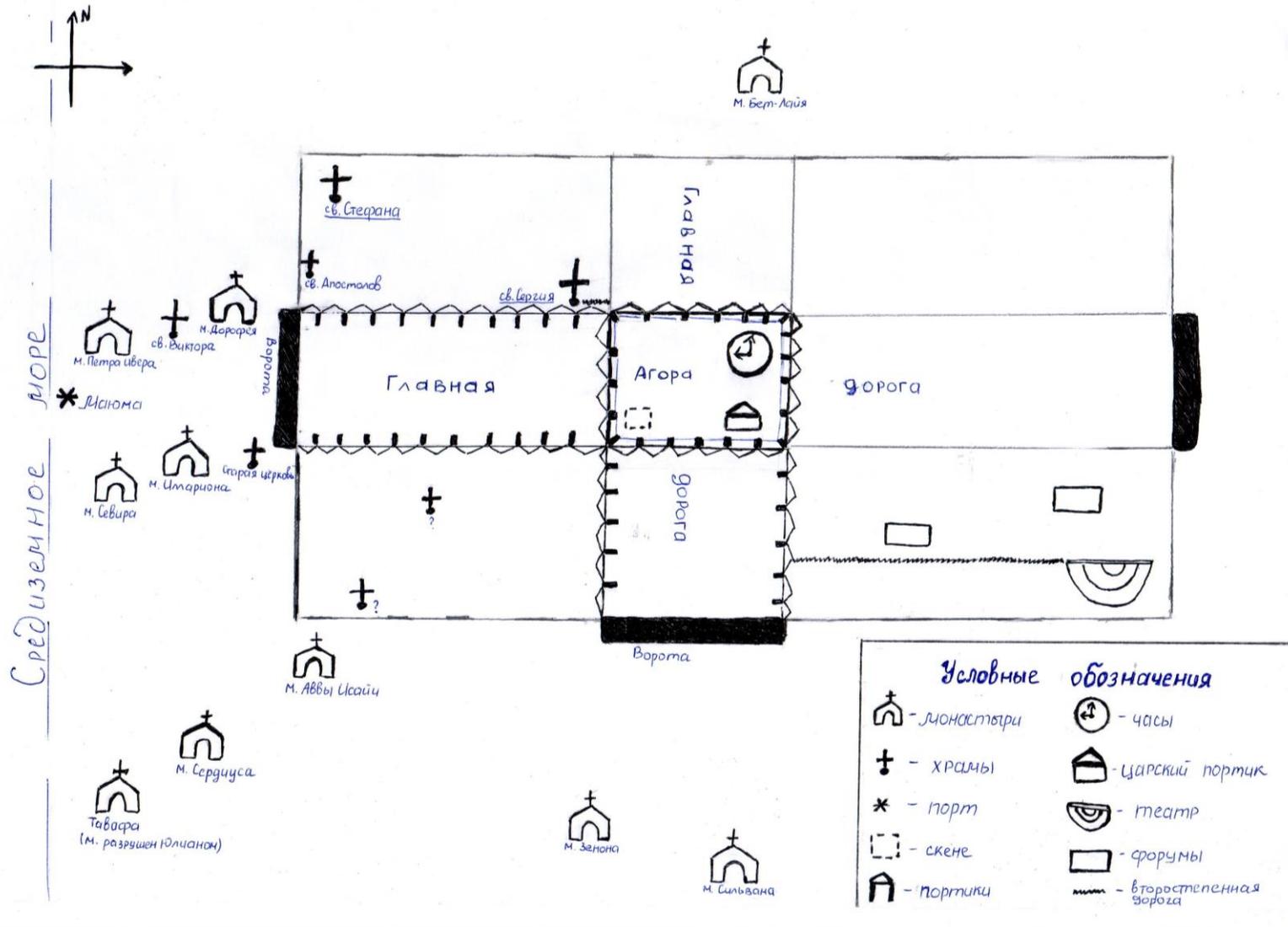
Анакреонтический стих	Иоанн Газский
Апология	Прокопий Газский
Гексаметр	Хорикий Газский
Гномы	Эней Газский
Декламации	
Диалексис	
Монодия	
Панегирик	
Поэзия	
Пролог	
Философский диалог	
Экфрасис	
Энкомий	
Эпидейктическая речь	
Эпистолярный жанр	
Эпиталамий	
Эпитафия	
Этопея	
Ямб	

АНТИЧНЫЕ СЮЖЕТЫ

<i>Герои</i>	
Агамемнон	Музы
Агесилай	Нарцисс
Адонис	Нерей
Александр Великий	Нирей
Алкиной	Олимпия, Олимпийская победа
Амуры	Орион
Андромеда	Орфей
Аполлон	Пан
Арго	Пандион
Арес	Патрокл
Аристей	Пелей
Афина	Персей
Афродита	Полидам
Ахилл	Поликсена
Аякс	Посейдон

Гектор	Пракситель
Геракл	Приам
Гермес	Протей и Елена
Гефест	Сирены
Гиацинт	Сократ – персонаж Республики
Грации	Спартанец
Дафна	Тамирис
Деифоб	Терсит
Дионис	Феникс
Елена	Фидий
Зевс	Филипп Македонский
Зефир	Фракийские геты
Каллиопа	Фрина
Кир	Харибда
Ксеркс	Царь Порус
Лаэрт	Эвмолп
Лидийцы	Эпидамн
Массагеты	Эрос
Мильтиад	Эхо
<i>Мифы</i>	
Миф о Нарциссе	
Миф об Аполлоне, Зефире, Гиацинте	
Миф об Афродите и Адонисе	
<i>Произведения</i>	
«Деяния Диониса» Нонна Панополитанского	
«Илиада» Гомера	
«История» Геродота	
«Лягушки» Аристофана	
«Одиссея» Гомера	
«Парафраз» Нонна Панополитанского	
«Республика» Платона	
«Федр» Платона	
«Халдейские Оракулы»	
<i>Авторы</i>	
Аполлодор	Платон
Аристотель	Плотин
Аристофан	Плутарх
Гераклит	Порфирий
Гесиод	Прокл
Гомер	Сократ
Демосфен	Солон
Демосфен и Филипп	Софон
Евдокс Книдский	Фемистий

Еврипид	Феокрит
Исократ	Феопомп
Ксенофонт	Фукидид
Либаний	Элий Аристид
Нонн Панополитанский	Эмпедокл
Пиндар	Эпиктет
Пифагор	Юлиан
Пифагор из Родоса	Ямвлих

Городское пространство Газы в начале VI века и монастыри «внутреннего круга»

Церковь св.Сергия (Chor. Or. 1)		Церковь св.Стефана (Chor. Or. 2)	
17-19	подступ, подход	28-29	подступ, подход
20-21	атриум	30-32	атриум
22-24	- помещение для приема епископа - портик - баптистерий	33-34	- помещение для священников - зал приема епископа - восточный портик
25-77	храм	35-51	храм
78	хоспис (приют)		

Церкви св. Сергия и св. Стефана в архитектурном контексте речей Хорикия